

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 19/2021

г. Донецк 2021

**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»**

ВЕСТНИК

ДОНБАССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Юридические науки

**Научный журнал
№ 19 / 2021**

Выходит 4 раза в год. Издаётся с 2016 г.

**Донецк
ДЮА
2021**

УДК 34

Главный редактор
Заместители
главного редактора:

Н. В. Барбашова, д-р юр. наук (*Донецкий национальный университет*)
Р. Х. Гиззатуллин, д-р юр. наук (*Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия*), Я. В. Полякова, канд. пед. наук (*Донбасская юридическая академия*)

Ответственный редактор
Ответственный секретарь
Редакционная коллегия:

А. Г. Иванов, канд. экон. наук (*Донбасская юридическая академия*)
В. В. Прозоров, канд. экон. наук (*Донбасская юридическая академия*)
Г. Н. Гапотченко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),
В. А. Грабельников, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),
В. И. Козюберда, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),
В. А. Комаров, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),
С. В. Лихачев, д-р юр. наук (*Курский государственный университет, г. Курск, Россия*),
А. А. Лукьянцев, д-р юр. наук (*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*),
С. Ю. Мироненко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),
А. М. Моисеев, д-р юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),
А. А. Николаев, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),
Э. С. Новосардова, д-р юр. наук (*Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия*),
П. И. Павленко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),
А. А. Савченко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),
В. Г. Севка, д-р экон. наук (*Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка*),
Б. Н. Сиренко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),
Л. Б. Смирнов, д-р юр. наук (*Северо-Западный институт управления – филиал РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург, Россия*),
В. В. Чамлай, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*)

Журнал зарегистрирован

В Научной Электронной библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (лицензионный договор № 596-11/2016 от 10 ноября 2016 г.)

В Министерстве информации ДНР. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – Серия ААА № 000169 от 14.11.2017 г.

Внесен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Приказом МОН ДНР от 08.05.2018 г. № 433

Основатель и издатель

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия», г. Донецк.

Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасской юридической академии, протокол от 24.11.2021 г. № 4

Язык публикации: русский, английский.

Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.

Адрес редакции:

ул. Лебединского, д. 9, г. Донецк, 283049
e-mail: Vestnik.DLA@yandex.ru

Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов /. – Вып. 19. – Донецк: ДЮА, 2021. – 146 с. – («Юридические науки»).

© Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия», 2021

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Gosudarstvennoe obrazovatelnoe uchrejdenie
vyschego professionalnogo obrazovaniya
«Donbasskaya yuridicheskaya akademiya»**

VESTNIK

DONBASSKOY YURIDICHESKOY AKADEMII

Yuridicheskiye nauki

Nauchnyi Zhurnal

№ 19 / 2021

Vykhodyt 4 raza v god. Izdaetsia s 2016 g.

**Donetsk
DYA
2021**

UDK 34

Editor-in-chief

N.V. Barbashova, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Donetsk National University*)

Deputy editors-in-chief:

R.H. Gizzatullin, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Bashkir State University, Ufa, Russia*), I.V. Poliakova, PhD in Pedagogy (*Donbass Law Academy*)

Executive editor

A.G. Ivanov, Cand. of Economical Sciences (*Donbass Law Academy*)

Executive secretary

V.V. Prozorov, Cand. of Economical Sciences (*Donbass Law Academy*)

Editorial board:

G.N. Gapotchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.A. Grabel'nikov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.I. Kozyuberda, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.A. Komarov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), S.V. Likhachev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kursk State University, Kursk, Russia*), A. A. Lukyantsev, Doctor of Juridical Sciences (*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*) S.Yu. Mironenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A.M. Moiseev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A.A. Nikolaev, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), E.S. Novosardova, Doctor of Juridical Sciences, (*North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia*), P. I. Pavlenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A.A. Savchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.G. Sevka, Advanced Doctor of Economical Sciences (*Donbass National Academy of construction and architecture, Makeevka*), B.N. Sirenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences (*North-Western Institute of Management – Branch of RANH and GS, St. Petersburg, Russia*), V.V. Chamlay, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*)

The journal is registered

Of the Scientific Electronic Library (SEL) – the chief executive of the project on determining Russian Science Citation Index (RSCI) (license agreement № 596-11/2016 of November 10, 2016).

In Ministry of information of DPR. Testifying to registration of means of mass information is Series of AAA № 000169 dated 14.11.2017.

Included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of the candidate of sciences should be published, for the academic degree of the Doctor of Sciences Order of the Ministry of Education and Science of the DPR dated 08.05.2018 No.433.

Founder and Publisher

State Educational Establishment of Higher Professional Education «Donbass Law Academy»

Recommended for publishing by Academic Board of Donbass Law Academy. The Minute № 4 dated 24.11.2021.

Language of publication: Russian, English

All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher

Address of editor office:

9, Lebedinsky Street, Donetsk, 283049

e-mail: Vestnik.DLA@yandex.ru

Herald of Donbass Law Academy: collection of scientific papers. - Issue 19. – Donetsk: DLA, 2021. – 146 p. – («Juridical science» series).

© State Educational Establishment of Higher Professional Education «Donbass Law Academy», 2021

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials.

СОДЕРЖАНИЕ

Гапотченко Г.Н. Сравнительно-правовой анализ регламентации принципов уголовного процесса в законодательстве Донецкой Народной Республики и Российской Федерации.....	7
Завгородняя А.А. Новые тенденции развития защиты деловой репутации: защита деловой репутации в сети «Интернет».....	17
Зарецкая Е.А. Определение мотива совершения преступления как предпосылка установления ограниченной вменяемости.....	25
Заремба П.А., Охременко С.И. Правовое регулирование как фактор влияния на эффективность менеджмента.....	38
Комаров В.А. Понятие трудового спора и проблемы механизма его рассмотрения.....	46
Леонов С.Ю., Трофимов Н.Н. К вопросу о статусе военнослужащего: историко-правовой аспект.....	54
Мазина Н.Е., Копыл И.А. Перспективы привлечения к ответственности субъектов вооруженного конфликта в Донбассе.....	63
Мироненко Н.С., Козюберда В.И. Понятие и основные криминологические черты тяжкой насильственной преступности против жизни и здоровья личности.....	72
Панчук Г.Н. Система государственной власти в Донецкой Народной Республике.....	80
Соловьёва Ю.А. Международно-правовые основы обеспечения всеобщей и национальной безопасности.....	90
Чамлай В.В. Актуальные проблемы борьбы за самоопределение непризнанных государств, возникших в рамках постсоветского пространства.....	98
Чангли В.С. Формы взаимодействия государственного и международного права: теоретико-правовой анализ.....	108
Черкашин А.В. Дифференциация субъектов реализации специальных экономических знаний в уголовном судопроизводстве.....	116
Шик М.П. Организационно-правовое реформирование обязательного социального страхования.....	127
Штокалова А.А. Виды ответственности за уклонение от уплаты налогов в ДНР.....	139

CONTENTS

Gapotchenko, G.N. Comparative legal analysis of the regulation of the principles of the criminal process in the legislation of the Donetsk People's Republic and the Russian Federation.....	7
Zavgorodnyaya, A.A. New trends in the development of protection of business reputation: protection of business reputation in the Internet.....	17
Zaretskaya, E.A. Definition of a crime motive as a precondition for establishing limited responsibility.....	26
Zaremba, P.A., Okhremenko, S.I. Legal regulation as a factor of influence on the efficiency of management.....	38
Komarov, V.A. The concept of a labor dispute and problems of the mechanism of its consideration.....	47
Leonov, S.Yu., Trofimov, N.N. On the issue of the status a serviceman: historical and legal aspect.....	54
Mazina, N.E., Kopyl, I.A. Prospects of bringing the subjects of the armed conflict in Donbass to justice....	63
Mironenko, N.S., Kozyuberda, V.I. Concept and basic criminological characteristics of severe violent crime against personal life and health.....	72
Panchuk, G.N. The system of state power in the Donetsk People's Republic.....	80
Solovyova, U.A. International legal framework for providing global and national security.....	90
Chamlai, V.V. Topical problems of the struggle for self-determination of unrecognized states arising in the framework of the post-soviet area.....	98
Changli, V.S. Forms of interaction of state and international law: theoretical and legal analysis.....	108
Cherkashin, A.V. Differentiation of subjects of realization of special economic knowledge in criminal proceedings.....	117
Shik, M.P. Organizational and legal reforming of compulsory social insurance.....	127
Shtokalova, A.A. Types of liability for tax evasion in the DPR.....	139

УДК 343.13

Г.Н. Гапотченко, канд. юрид. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: gapot4enko@yandex.ua)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассматриваются отдельные вопросы регламентации принципов уголовного процесса в законодательстве Донецкой Народной Республики и Российской Федерации. Проведен их сравнительно-правовой анализ. Автором отмечены отдельные пробелы в законодательстве Донецкой Народной Республики по данному вопросу. Обосновывается необходимость внесения дополнений в законодательство Донецкой Народной Республики. Автором сформулированы предложения в законодательство Донецкой Народной Республики по усовершенствованию правовой регламентации принципов уголовного процесса.

Ключевые слова: конституция, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация, уголовно-процессуальный кодекс, процессуальная регламентация, принципы уголовного процесса, сравнительно-правовой анализ.

Gapotchenko, G.N.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE REGULATION OF THE PRINCIPLES OF THE CRIMINAL PROCESS IN THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines certain issues of regulation of the principles of criminal procedure in the legislation of the Donetsk People's Republic and the Russian Federation. Their comparative legal analysis has been carried out. The author notes some gaps in the legislation of the Donetsk People's Republic on this issue. The necessity of making additions to the legislation of the Donetsk People's Republic is substantiated. The author has formulated proposals to the legislation of the Donetsk People's Republic to improve the legal regulation of the principles of criminal procedure.

Key words: constitution, Donetsk People's Republic, Russian Federation, criminal procedure code, procedural regulation, principles of criminal procedure, comparative legal analysis.

Актуальность темы исследования.

Соблюдение прав и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве каждого цивилизованного государства напрямую зависит от уровня правовой регламентации законодательства, которое определяет основания, содержание и процедуру его применения, а также от единообразного понимания и применения всеми субъектами, которые уполномочены осуществлять уголовно-процессуальную деятельность.

Донецкая Народная Республика (далее – ДНР) стремится достичь общепринятых международных стандартов правового государства, поэтому конституционные принципы основных прав и свобод гражданина должны воплощаться в уголовно-процессуальное законодательство ДНР с помощью реально работающих правовых механизмов.

Анализ научных исследований. Вопросы правовой регламентации принципов уголовного процесса изучены и раскрыты в научных трудах таких ученых как Ю. П. Аленина, А. В. Гриненко, Г. К. Кожевникова, Я. О. Мотовиловкера, М. С. Строговича, С. Ф. Шумилина и других.

Вместе с тем, отдельные вопросы правовой регламентации принципов уголовного процесса в законодательстве ДНР в настоящее время остаются дискуссионными, требуют дальнейшего изучения и усовершенствования.

Целью данной статьи является изучение и сравнительно-правовой анализ регламентации принципов уголовного процесса в законодательстве ДНР и Российской Федерации (далее – РФ), а также разработка рекомендаций по усовершенствованию данного института в законодательстве ДНР.

Изложение основного материала. Уголовно-процессуальное законодательство ДНР в настоящее время находится в состоянии становления и развития, так как УПК ДНР был принят и вступил в действие в 2018 году.

Основными нормативными правовыми актами, которые в той или иной степени регулируют вопросы принципов в уголовном судопроизводстве ДНР и РФ являются, прежде всего, Конституция ДНР [1] и Конституция РФ [2], которые имеют высшую юридическую силу. Непосредственно уголовное судопроизводство в ДНР и в РФ регулируется нормами соответственно Уголовно-процессуального кодекса ДНР (далее – УПК ДНР) [3], Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [4], иными законами и подзаконными нормативными актами.

Изучение и сравнительно-правовой анализ указанных выше нормативных правовых актов ДНР и РФ позволяет обозначить отдельные дискуссионные вопросы правовой регламентации принципов уголовного процесса, которые являются базовой основой всего уголовного судопроизводства в ДНР и РФ, и, по нашему мнению, требуют усовершенствования, изменения и дополнения,

Принципы уголовного судопроизводства закреплены в Конституции ДНР и Конституции РФ, других нормативных актах как наиболее общие правовые нормы, определяющие структуру всего уголовного процесса, направления деятельности следственных органов, прокуратуры и суда и обеспечивающие выполнение задач уголовного судопроизводства, содержат ряд обязанностей, выполнение которых обеспечивается принудительной силой государства. Ни одна процессуальная норма не должна им противоречить. Нарушение любого из принципов при осуществлении судопроизводства обязательно влечет отмену приговора и иных постановлений по уголовному делу.

В соответствии со ст. 2 Конституции ДНР человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – долг Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц.

Аналогичная норма содержится в ст. 2 Конституции РФ.

Конституционные принципы уголовного процесса закреплены в главе 2 Конституции ДНР и главе 2 Конституции РФ, которые имеют несколько разное по написанию, но сходное по значению название, соответственно, «Защита прав свобод человека и гражданина» и «Права и свободы человека и гражданина».

Отдельные принципы уголовного судопроизводства в равной степени отражены и задекларированы в Конституции ДНР и Конституции РФ. Речь идет о таких конституционных принципах, как:

– принцип признания и гарантии прав и свобод человека и гражданина; их неотчуждаемость от рождения (ст. 12 Конституции ДНР, ст. 17 Конституции РФ);

– принцип равенства перед законом и судом (ст. 13 Конституции ДНР, ст. 18 Конституции РФ);

– принцип свободы и личной неприкосновенности (ст. 15 Конституции ДНР, ст. 22 Конституции РФ);

– принцип неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 16 Конституции ДНР, ст. 23 Конституции РФ);

– принцип неприкосновенности жилища (ст. 18 Конституции ДНР, ст. 25 Конституции РФ);

– принцип судебной защиты прав и свобод, и свободы обжалования в суд решений, действий или бездействия органов государственной власти (ст. 39 Конституции ДНР, ст. 46 Конституции РФ);

– принцип гарантированности права на защиту (ст. 41 Конституции ДНР, ст. 48 Конституции РФ);

– принцип презумпции невиновности (ст. 42 Конституции ДНР, ст. 49 Конституции РФ);

– принцип свободы отказа свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется законом (ст. 44 Конституции ДНР, ст. 51 Конституции РФ);

– принцип осуществления правосудия только судом (ст. 80 Конституции ДНР, ст. 118 Конституции РФ).

Таким образом, следует сделать вывод о том, что указанные принципы уголовного судопроизводства, которые содержатся в Конституции ДНР и Конституции РФ по своему содержанию схожи между собой.

В то же время следует указать, что в ст. 123 Конституции РФ содержится принцип гласности, состязательности и равноправия сторон

судопроизводства, а также осуществления правосудия с участием присяжных заседателей.

В Конституции ДНР указанный принцип отсутствует, однако принцип гласности судебного разбирательства закреплен в ст. 20 УПК ДНР, а принцип состязательности – в ст. 16 УПК ДНР. Полагаем, что принцип гласности, состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве должен быть сформулирован законодателем и внесен в Конституцию ДНР.

Вопрос о необходимости включения в Конституцию ДНР и в УПК ДНР принципа осуществления правосудия с участием присяжных заседателей является дискуссионным и требует отдельного дополнительного исследования.

Также особо следует отметить с позитивной стороны норму, которая задекларирована в ч. 1 ст. 15 Конституции РФ:

«Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» [2].

Обращаем на это особое внимание в связи с тем, что в Конституции ДНР аналогичная норма отсутствует, а отдельные положения УПК ДНР явно не соответствуют Конституции ДНР, однако применяются на практике.

Анализируя и сравнивая нормы УПК ДНР и УПК РФ в части их соответствия конституционным принципам уголовного процесса, можно сказать, что в основном они также схожи между собой. В то же время, в УПК ДНР есть существенные различия, а в отдельных нормах, как мы уже отметили, несоответствия с Конституцией ДНР.

Прежде всего, с положительной стороны следует отметить то, что в УПК РФ все принципы уголовного судопроизводства систематизированы и сгруппированы законодателем в единой главе 2, которая так и называется «Принципы уголовного судопроизводства». В УПК ДНР подобная систематизация отсутствует, а принципы уголовного процесса содержатся и регламентированы в виде отдельных норм.

Необходимо указать, что отдельные конституционные принципы уголовного процесса нашли свое отражение в УПК РФ и в УПК ДНР:

- принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ, ч. 3 ст. 22 УПК ДНР);
- принцип неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ, ст. 12 УПК ДНР);
- принцип неприкосновенности жилища (ст. 12 УПК РФ, ст. 13 УПК ДНР);
- принцип неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ, ст. 13 УПК ДНР);
- принцип осуществления правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ, ст. 14 УПК ДНР);

– принцип осуществления правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом (ст. 244 УПК РФ, ст. 15 УПК ДНР);

– принцип обеспечения права на защиту (ст. 16 УПК РФ, ст. 21 УПК ДНР);

– принцип возможности обжалования процессуальных действий или бездействия органа дознания, следователя и прокурора (ст. 19 УПК РФ, ст. 22 УПК ДНР).

Вместе с тем, в УПК РФ содержатся принципы, которые имеют особое значение в уголовном судопроизводстве, и которые отсутствуют в УПК ДНР.

Речь идёт о таких принципах, как:

– принцип разумных сроков уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ);

– принцип законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ);

– принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ);

Кроме того, нормы уголовно-процессуального законодательства ДНР и РФ содержат так называемые специальные принципы уголовного процесса:

– принцип публичности (ст. 4 УПК ДНР, ст. 21 УПК РФ);

– принцип состязательности сторон в уголовном процессе (ст. 16 УПК ДНР, ст. 15 УПК РФ);

– принцип независимости судей и подчинение их только закону (ст. 18 УПК ДНР, ст. 8.1 УПК РФ);

– принцип гласности судебного разбирательства (ст. 20 УПК ДНР, ст. 241 УПК РФ);

– принцип непосредственности, устности, непрерывности судебного разбирательства (ст. 272 УПК ДНР, ст. 240 УПК РФ);

– принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 22 УПК ДНР);

– принцип свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению (ст. 73 УПК ДНР, ст. 17 УПК РФ).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основополагающие принципы уголовного судопроизводства в достаточной мере отражены в Конституции ДНР и Конституции РФ, а также в УПК ДНР и РФ. Они охватывают все стадии уголовного процесса и являются гарантией защиты прав и законных интересов всех участников уголовного процесса. Следует также отметить, что в законодательстве РФ принципы уголовного судопроизводства изложены и регламентированы полнее, чем в законодательстве ДНР. Все принципы, которые отражены в УПК РФ, полностью соответствуют Конституции РФ.

Вместе с тем, как мы уже отмечали ранее, отдельные положения УПК ДНР явно не соответствуют Конституции ДНР, однако применяются на практике в ДНР. Речь идет о применении принципов, которые ограничивают конституционные права граждан в уголовном процессе.

Принцип обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность граждан закреплен в статье 15 Конституции ДНР. В соответствии с ней арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению.

Данный принцип отражен в ст. 12 УПК ДНР, однако полномочия по избранию ареста кроме суда переданы также и прокурору. Вместе с тем, избрание ареста по УПК ДНР только по постановлению следователя с санкции прокурора, а не по решению суда явно не соответствует Конституции ДНР. Сроки содержания под стражей, в соответствии со ст. 180 УПК ДНР, продлевает также прокурор, а не суд, как это предусмотрено Конституцией ДНР.

Принцип неприкосновенности жилища закреплен в статье 18 Конституции ДНР. В соответствии с ней никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных законом, или на основании судебного решения.

В то же время, в соответствии с ч. 2 ст. 192 УПК ДНР обыск (в том числе жилища) производится не по решению суда, а по мотивированному постановлению следователя, которое санкционируется прокурором, что также не соответствует Конституции ДНР.

Ограничение отдельных конституционных прав граждан, в том числе тех, о которых мы указали выше, может быть осуществлено исключительно по решению суда. Более того, в соответствии с Конституцией и УПК РФ, отдельные процессуальные действия или решения органа дознания, следователя или прокурора, которые затрагивают или ограничивают конституционные права граждан (например, обыск, заключение под стражу, задержание по подозрению в совершении преступления и др.) в стадии предварительного следствия могут быть обжалованы в суд.

Нормы о возможности судебного обжалования действий или решений органа дознания, следователя или прокурора в УПК ДНР отсутствуют. В то же время ч. 3 ст. 122 УПК ДНР указывает, что действия и постановления органов дознания могут быть обжалованы в суд.

При этом все полномочия судебного контроля в уголовном процессе, которые возлагались по УПК Украины 1960 г. на суд, по УПК ДНР фактически переданы прокурору.

Выводы.

1. основополагающие принципы уголовного судопроизводства в достаточной мере отражены в Конституции ДНР и Конституции РФ, а также в УПК ДНР и РФ. Они во многом схожи, охватывают все стадии уголовного процесса и являются гарантией защиты прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

2. В законодательстве РФ принципы уголовного судопроизводства изложены и регламентированы полнее, чем в законодательстве ДНР. Все

принципы, которые отражены в УПК РФ, полностью соответствуют по процессуальной регламентации Конституции РФ.

3. Отдельные нормы УПК ДНР, которые ограничивают конституционные права граждан в уголовном процессе (обыск жилища, арест, задержание лица по подозрению в совершении преступления и др.), явно не соответствуют Конституции ДНР, однако применяются на практике в ДНР.

4. Несоблюдение основополагающих принципов уголовного судопроизводства в УПК ДНР нарушает конституционные права и интересы отдельных граждан, может поставить под сомнение результаты всей процессуальной деятельности, повлечь за собой отмену приговора и иные негативные последствия.

5. Предлагаем дополнить Конституцию ДНР следующими статьями:

– «Конституция Донецкой Народной Республики имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Донецкой Народной Республики. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Донецкой Народной Республике, не должны противоречить Конституции Донецкой Народной Республики».

– «Разбирательство во всех судах производится в открытом режиме. Заочное разбирательство уголовных дел в судах не допускается, кроме случаев, предусмотренных законодательством Донецкой Народной Республики. Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон».

6. Считаем, что законодателю следует систематизировать УПК ДНР и изложить все принципы уголовного судопроизводства в отдельной главе, которую так и назвать «Общие принципы уголовного судопроизводства». Полагаем, что в УПК ДНР должны содержаться и быть регламентированы следующие принципы:

- 1) верховенство права;
- 2) законность;
- 3) равенство всех перед законом и судом;
- 4) уважение человеческого достоинства;
- 5) обеспечение права на свободу и личную неприкосновенность;
- 6) неприкосновенность жилища или иного владения лица;
- 7) тайна общения;
- 8) невмешательство в частную жизнь;
- 9) неприкосновенность права собственности;
- 10) презумпция невиновности и обеспечение доказанности вины;
- 11) свобода от саморазоблачения и право не свидетельствовать против близких родственников и членов своей семьи;
- 12) запрет дважды привлекать к уголовной ответственности за одно и то же преступление;
- 13) обеспечение права на защиту;

14) доступ к правосудию и обязательность исполнения судебных решений;

15) состязательность сторон и свобода в предоставлении ими суду своих доказательств и в доказывании перед судом их убедительности;

16) непосредственность исследования показаний, вещей и документов в судебном разбирательстве;

17) обеспечение права на обжалование процессуальных решений, действий или бездействия органа дознания, следователя, прокурора, судьи (суда);

18) публичность;

19) диспозитивность;

20) гласность и открытость судебного разбирательства, и его полное фиксирование техническими средствами;

21) разумность сроков уголовного судопроизводства;

22) язык, которым осуществляется уголовное производство.

7. Предлагаем дополнить УПК ДНР следующими статьями:

– **Разумные сроки уголовного судопроизводства.**

1. В ходе уголовного производства каждое процессуальное действие или процессуальное решение должны быть выполнены или приняты в разумные сроки. Разумными считаются сроки, объективно необходимые для выполнения процессуальных действий и принятия процессуальных решений. Разумные сроки не могут превышать предусмотренные настоящим Кодексом сроки выполнения отдельных процессуальных действий или принятие отдельных процессуальных решений.

2. Проведение предварительного следствия в разумные сроки обеспечивает прокурор, (в части сроков рассмотрения вопросов, отнесенных к его компетенции), а судебного разбирательства – суд.

3. Критериями для определения разумности сроков уголовного производства являются:

1) сложность уголовного производства, которая определяется с учетом количества подозреваемых, обвиняемых (подсудимых) и эпизодов уголовных преступлений, по которым осуществляется предварительное следствие, объема и специфики процессуальных и следственных действий, необходимых для осуществления предварительного следствия и судебного разбирательства и т.п.;

2) поведение участников уголовного судопроизводства.

4. Уголовное производство в отношении лица, содержащегося под стражей или несовершеннолетнего лица, должно быть осуществлено в минимально возможные сроки, и рассмотрено в суде в первую очередь.

5. Каждый имеет право, чтобы все обвинения в отношении него в кратчайший срок стали предметом судебного разбирательства, или чтобы соответствующее уголовное дело в отношении него было прекращено.

6. Подозреваемый, обвиняемый, потерпевший имеют право на обращение к следователю, прокурору, судье или суду с ходатайством, в

котором излагаются обстоятельства, обуславливающие необходимость осуществления уголовного производства (или отдельных процессуальных действий) в более короткие сроки, чем те, которые предусмотрены настоящим Кодексом.

7. Если уголовное дело не рассматривается более 30 суток со дня его поступления в суд или судебное разбирательство затягивается, обвиняемый (подсудимый), его защитник, потерпевший, гражданский истец или их представители, прокурор, иные заинтересованные лица, вправе обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении судебного разбирательства по уголовному делу.

8. Заявление об ускорении рассмотрения уголовного дела рассматривается председателем суда в срок не позднее 5 суток со дня поступления ему этого заявления. По результатам рассмотрения заявления председатель суда выносит мотивированное постановление, в котором, в пределах своей компетенции, излагает меры и предписывает необходимые для исполнения суда (судьи) действия по ускорению рассмотрения уголовного дела.

– Законность при производстве по уголовному делу.

1. В ходе уголовного судопроизводства орган дознания, следователь, прокурор, суд (судья), другие должностные лица органов государственной власти обязаны неуклонно соблюдать требования Конституции Донецкой Народной Республики, настоящего Кодекса, иных нормативных правовых актов законодательства.

2. Следователь, прокурор, суд (судья), обязаны всесторонне, полно, объективно и непредвзято исследовать все обстоятельства уголовного дела. Они должны установить как изобличающие, так и оправдывающие подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) обстоятельства, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие его ответственность, дать им надлежащую правовую оценку и обеспечить принятие законных и обоснованных процессуальных решений.

3. Законы и другие нормативные правовые акты Донецкой Народной Республики, положения которых касаются уголовного судопроизводства, должны соответствовать настоящему Кодексу. При осуществлении уголовного судопроизводства не может применяться закон, который противоречит этому Кодексу.

4. Нарушение норм настоящего Кодекса судом, прокурором, следователем, органом дознания в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств.

5. Действия и процессуальные решения органа дознания, следователя, прокурора, суда (судьи), других должностных лиц органов государственной власти должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

– Презумпция невиновности.

1. Лицо считается невиновным в совершении уголовного преступления и не может быть подвергнуто уголовному наказанию, пока его виновность не будет доказана в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, и установлена вступившим в законную силу обвинительным приговором суда.

2. Никто не обязан доказывать свою невиновность в совершении уголовного преступления. Обязанность доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, лежит на стороне обвинения.

3. Подозрение, обвинение не может основываться на догадках, предположениях, и доказательствах, полученных незаконным путем.

4. Все сомнения относительно доказанности вины лица, которые не могут быть разрешены и устранены в установленном законом порядке, толкуются в пользу этого лица.

5. Обращение с лицом, вина которого в совершении преступления не установлена обвинительным приговором суда, вступившим в законную силу, должно соответствовать обращению с невиновным лицом.

6. Преступление считается раскрытым, а лицо, его совершившее – установленным, со дня вступления в законную силу обвинительного приговора суда, по которому данное лицо признано виновным и осуждено за совершение конкретного преступления.

Список использованных источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики. Принята постановлением Верховного Совета ДНР № 1-14 от 14.05.2014 г. (в редакции по состоянию на 30.09.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 01.10.2021).
2. Конституция Российской Федерации 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 01.10.2021).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики. Принят Постановлением Народного Совета ДНР № 240-ІНС от 24.08.2018. Введен в действие 20.09.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 01.10.2021).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.10.2021).

УДК 347.121.2

А.А. Завгородняя канд. юрид. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: anastacija2015@list.ru)

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАЩИТЫ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ: ЗАЩИТА ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

В период реформирования гражданского законодательства Донецкой Народной Республики, в период отсутствия собственного опыта и судебных precedентов в данной категории дел, анализ судебной практики Российской Федерации, а также детальное изучение теоретических положений защиты чести, достоинства и деловой репутации становятся особенно актуальными. Так, в статье проанализирован социально-правовой феномен – «деловая репутация», осуществлена попытка определения и толкования понятия «деловая репутация», выявлены проблемы защиты деловой репутации, в том числе в сети «Интернет», исследованы пробелы законодательства, выявлены пути их решения.

Ключевые слова: репутация, деловая репутация, социально-правовой феномен, защита деловой репутации, защита деловой репутации через сеть «Интернет».

Zavgorodnyaya, A.A.

NEW TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PROTECTION OF BUSINESS REPUTATION: PROTECTION OF BUSINESS REPUTATION IN THE INTERNET

During the period of reforming the civil legislation of the Donetsk People's Republic, in the absence of its own experience and judicial precedents in this category of cases, the analysis of the judicial practice of the Russian Federation, as well as a detailed study of the theoretical provisions of the protection of honor, dignity and business reputation become especially relevant. So, the article analyzes the social and legal phenomenon – «business reputation», an attempt is made to define and interpret the concept of «business reputation», the problems of protecting business reputation, including on the Internet, are identified, legislative gaps are investigated, ways of their solution are identified.

Key words: reputation, business reputation, social and legal phenomenon, protection of business reputation, protection of business reputation through the Internet.

В современных условиях развития правового государства деловая репутация, как социальный и правовой феномен, имеет колоссальное значение. К настоящему моменту в научной доктрине насчитывается множество исследований, касающихся различных подходов к раскрытию понятия деловой репутации, ее сущности. Однако необходимо отметить, что единой, четко сформулированной дефиниции данного определения в гражданском праве, как области научного знания, так и не было выработано. Возрастающая

потребность и недостаточная разработанность теоретических и прикладных инструментов защиты чести, достоинства и деловой репутации на сегодня в Донецкой Народной Республике обусловили выбор темы настоящего исследования. Стоит также отметить, что в современном праве вокруг понятия «деловая репутация» продолжают вестись дискуссии, что подтверждает развитие института деловой репутации. Во многих научных работах, где исследуется эта тематика, можно наблюдать изменение отношения к термину «деловая репутация» в связи с разными историческими периодами развития общества.

Актуальность исследования обусловлена тем, что на данном этапе развития социально-экономических отношений роль репутации чрезвычайно высока, так как категория «деловой репутации» относится к сложным правовым явлениям и не имеет однозначного толкования в современной юридической науке. В современном праве вокруг понятия «деловая репутация» ведутся дискуссии. Содержанию права на деловую репутацию свойственно развитие.

Анализ научных исследований. К вопросу исследования деловой репутации не раз обращались ведущие отечественные и зарубежные исследователи. Среди них Л. А. Красавчиков, И. И. Дахно, Р. А. Стефанчук, Т. Р. Шарипов, М. К. Галянтич, И. С. Важенина, И. В. Соклакова и другие.

Цель настоящей работы заключается в квалификации понятия «деловая репутация» в современной цивилистике, выявлении проблематики защиты деловой репутации, в том числе с помощью современных технологий в сети Интернет путем устранения пробелов законодательства, выявлении принципиально новых путей их решения.

Изложение основного материала. История развития такой правовой категории, как «деловая репутация», в разные периоды исторического развития современной цивилистики как постсоветских, так и зарубежных стран, имеет разный подход и квалификацию, что свидетельствует о неоднозначном подходе к осмыслению данной правовой категории, а также подтверждается многообразием понятий. Так, Л. А. Красавчиков отмечает, что деловая репутация – это «определенная общественная мысль, которая сложилась о профессиональной, производственной, торговой, коммерческой, посреднической и любой другой, в том числе, и предпринимательской деятельности юридического лица» [6, с. 44]. М. К. Галянтич, в свою очередь, указывает, что «деловая репутация – это общее мнение об отдельном лице, группе или коллективе людей, сложившееся на основании оценки качества работы, поступков, преимуществ и недостатков любого лица» [4, с. 98]. По мнению И. И. Дахно: «деловая репутация – это определенное необозримое явление, приносящее очень обозримые экономические выгоды» [5, с. 31]. Р. А. Стефанчук считает, что деловая репутация – это, прежде всего, «оценка деловых качеств личности, что определенно не тождественно ни с понятием «профессиональные качества», ни с понятием «предпринимательские (коммерческие) качества» [7, с. 20].

В исследованиях различных ученых все же прослеживается схожесть в том, что деловая репутация – это, прежде всего, оценка профессиональных качеств личности (лица), несмотря на неоднозначность в толковании определения «деловая репутация».

«Имидж», «реноме», «авторитет» и другие – в современном информационном пространстве довольно часто в отношении термина «деловая репутация» применяются данные аналоги. В период реформирования гражданского законодательства Донецкой Народной Республики отсутствие собственного опыта и судебных прецедентов по данной категории дел, анализ судебной практики Российской Федерации, а также детальное изучение теоретических положений защиты чести, достоинства и деловой репутации становятся особенно актуальными, как никогда. На сегодняшнем этапе необходимо установить не только правовую природу защиты чести, достоинства и деловой репутации, но и провести детальный анализ реализации ее защиты и установить проблемные аспекты, предложить пути их решения.

Наличие спорных вопросов в науке гражданского права, связанных именно с изучением проблем защиты деловой репутации, обуславливает определенные сложности при практическом разрешении соответствующих гражданских дел. В связи с этим проработка сложившихся проблем данного правового института представляется явно недостаточной. Научно обоснованного и ясного решения проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации все еще нет, несмотря на проведенные ранее исследования, посвященные данному вопросу, – существует потребность в новых, более полных и подробных исследованиях указанных проблем.

Вместе с тем, достаточно дискуссионным является вопрос о содержании самого понятия «деловая репутация», которое должно фактически устанавливаться судом каждый раз при рассмотрении споров, связанных с защитой деловой репутации гражданина или юридических лиц, поскольку легальной дефиниции, закрепленной в законе, не существует. Без четкого понимания сущности данного понятия всегда становится затруднительным рассмотрение данной группы категории гражданских дел, в частности, невозможно правильно, основываясь на нормах действующего законодательства, проанализировать фактические обстоятельства, устанавливаемые по делу – действительно ли высказывания ответчика являются порочащими честь и достоинство истца, затрагивают его профессиональную репутацию.

На сегодня, анализируя выводы ряда работ современных цивилистов, а также судебную практику Российской Федерации, целесообразно поддержать мысль о законодательных изменениях относительно понятии «деловая репутация» [2]. Так, понятие «деловая репутация» необходимо законодательно закрепить путем внесения дополнений в действующее законодательство, в частности в Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики (далее ГК ДНР), установив в статье 197 соответствующую норму. Считается возможным

предложить и определить, что «деловая репутация» – это сложившееся общественное мнение, в котором выражена оценка деловых качеств лица, а также мнение о его достоинствах или недостатках, оказывающих влияние на его профессиональную деятельность.

Однако считается ошибочным связывать понятие деловая репутация только с осуществлением коммерческой деятельности, поскольку деловая репутация представляет собой оценку профессиональных качеств физического лица (гражданина) и юридического лица независимо от рода и вида деятельности. На сегодня видно, что никакое определение чести и достоинства не в состоянии охватить одновременно все стороны этого данного сложного явления, не сформулировав его сущность.

Проблемы правоприменения гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации обуславливаются также определенными трудностями в процессе оценки судом факта нарушения личных неимущественных прав, отнесения распространенных сведений к категории «не соответствующих действительности, порочащих», а также предоставления доказательств распространения недостоверной, порочащей информации именно ответчиком по гражданскому делу. Анализ и обобщение судебной практики, выделение наиболее сложных случаев квалификации судом распространенных ответчиком сведений, является одним из путей совершенствования процесса доказывания по делам о защите деловой репутации.

Установление судом сущности порочащих сведений является одной из главных проблем, которые возникают в правоприменительной практике на сегодняшний день. Так, по мнению многих российских исследователей, перечень сведений, являющихся порочащими, требует своего закрепления на законодательном уровне [2]. В Донецкой Народной Республике это также является целесообразным и необходимым в рамках все той же статьи 197 ГК ДНР. Именно порочащие сведения являются предметом каждого судебного спора по защите чести, достоинства и деловой репутации – данный факт следует учитывать. Унифицирование так называемых порочащих факторов/сведений обеспечит единообразную правоприменительную практику. Так, на сегодня целесообразно говорить о следующей формулировке: «Под порочащими сведениями понимаются такие сведения, которые содержат утверждения и/или суждения фактологического характера о нарушении (намерении нарушить) гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, этических, религиозных норм и правил, правил общежития, национальных традиций, о недобросовестности при осуществлении трудовой и предпринимательской деятельности, нарушении деловой и профессиональной этики или обычаев делового оборота.

Не признаются порочащими сведения, отражающие субъективное мнение распространителя и (или) являющиеся результатом его суждений оценочного, в том числе иронического, характера о каких-либо событиях, касающихся конкретного субъекта».

Стоит отметить, что говоря о выполнении условий целесообразности введения в современное как российское, так и республиканское законодательство вышеназванного института требуется тщательная проработка критериев приемлемости и правомерности разглашения сведений, влекущих за собой причинение репутационного ущерба физическому либо юридическому лицу. Сведения, причиняющие репутационный ущерб, могут быть распространены правомерно, при условии направленности действий на защиту государственных и общественных интересов или же при выполнении служебного долга, поэтому считается целесообразным рассматривать возможность о внесении предложений об изменении действующего гражданского законодательства посредством введения следующей нормы: «Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности и их распространение было вызвано государственными, служебными и общественными интересами...». Введение данной нормы актуально сегодня для действующего законодательства, как на территории Российской Федерации, так и на территории Донецкой Народной Республики, в том числе может существенно повлиять на дальнейшее развитие института защиты деловой репутации, как социально-правового феномена.

Согласно части 4 статьи 22 Конституции Донецкой Народной Республики: «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [1]. Также, в силу части 5 статьи 22 Конституции ДНР гарантируется свобода массовой информации, запрещается цензура [1]. Толкуя данную норму поверхностно, многие забывают, что, по общему правилу, собственное право заканчивается там, где начинается право иного лица.

На сегодняшнем этапе, в эру развития средств массовой информации, сети «Интернет» все чаще физические и юридические лица допускают нарушения норм морали и нравственности, а категории честь и достоинство, деловая репутация неумолимо гаснут. Актуальные пробелы в законодательстве не позволяют в полной мере осуществить защиту деловой репутации в сети «Интернет». Отсутствие перечня субъектов деятельности в сети «Интернет», неясность и неопределенность правового статуса данных субъектов вызывает определенные сложности. Особенно затруднительным и недоказуемым, отчасти для стороны истца, является процесс доказывания по тем категориям гражданских дел, где порочащие, недостоверные сведения были распространены ответчиком через сеть «Интернет», поскольку в большинстве своем такие сведения представляют собой анонимную публикацию, а кроме того, сам процесс доказывания представляет собой проведение сложных технических процедур. Стоит отметить, что эти процедуры технично и материально затратны, среди них: просмотр содержимого серверов, просмотр протоколов доступа, проверка учетных записей провайдеров доступа, определение телефонных номеров и их

владельцев, установление владельцев серверов, зачастую находящихся в разных странах, что связано с исполнением международных поручений и других.

Все это приводит к уходу от ответственности тех лиц, которые совершают правонарушения в сети «Интернет». Лицу, чьи права нарушены в той или иной степени, остается довольствоваться правом обращения в суд лишь с заявлением о признании распространенных сведений, не соответствующих действительности, и ставить вопрос о пресечении дальнейшего распространения таковых.

Проблемным вопросом на сегодняшний день остается и то, что не до конца определен статус сети «Интернет» (подчиняется ли она Закону ДНР «О средствах массовой информации» [3], и есть ли гарантии, что возникшие правонарушения могут быть урегулированы с помощью него, остается также вопросом открытым). Рассматривая иски по делам данной категории, следует быть внимательными к критериям принадлежности к средствам массовой информации распространения информации (удаления с сайта, например). Нормы Закона ДНР «О средствах массовой информации», малоприменимы к интернет-источникам. Указанный пробел в законодательстве также нужно устранить путем внесения дополнений в него. Данный нормативный правовой акт целесообразно дополнить новой главой, регламентирующей основные положения о виртуальных средствах массовой информации: понятие, критерии отнесения к данному виду СМИ, виды ответственности за допущенные правонарушения, ответственные лица, а также основания, порядок и особенности привлечения их к ответственности. Назрела необходимость законодательного закрепления нормы, регуливающей защиту чести, достоинства и деловой репутации, которые были нарушены посредством глобальной сети «Интернет».

Трудности регулирования защиты деловой репутации в сети Интернет заключаются также в сложности доказывания истцом факта нарушенных нематериальных благ, по причине факта анонимности. На данный момент законодательством не урегулирован вопрос о получении информации об устройствах в сети. На сегодня на территории Российской Федерации рассматривается устранение данного пробела в законодательстве, путем разрешения на возможности получения по запросу суда информации о соединениях конкретных устройств в сети Интернет, сведений о загруженной с данных устройств визуальной, текстовой информации. Данная позиция обоснована и является допустимой и целесообразной, а также может быть прямо закреплена в действующем законодательстве. Настоящая позиция может быть дополнена во все той же статье 197 ГК ДНР, закрепить «...возможность получения по запросу суда информации о соединениях конкретных устройств в сети Интернет, сведений о загруженной с данных устройств визуальной, текстовой информации».

Таким образом, появится возможность установления первоначального персонального компьютера, с которого производилась рассылка другим пользователям или размещение оспариваемых сведений на электронном

ресурсе, а затем и конкретного пользователя – ответчика по делу, за которым зарегистрировано соответствующее подключение к сети «Интернет».

Следующей проблемой правоприменения гражданско-правовой защиты деловой репутации является вопрос компенсации морального вреда. Поскольку компенсация морального вреда является мерой юридической ответственности, то размер компенсации должен носить определенный и предсказуемый характер для схожих (тождественных) случаев. Фактически легализованное, в настоящее время, свободное судебское усмотрение при определении размера компенсации морального вреда ведет к отсутствию единообразия в правоприменительной практике и, следовательно, по мнению ряда цивилистов, нарушает принцип правового равенства.

Вместе с тем, в отличие от преобладающего в науке мнения о необходимости законодательного закрепления конкретных формул или тарифов для «подсчета» размера компенсации, рациональным является судебское усмотрение для решения гражданско-правового вопроса об определении размера компенсации морального вреда. Действительно, разработка и включение в текст закона конкретных методик и формул подсчета (что в принципе является рабочей практикой по ряду вопросов) размера компенсации морального вреда представляется, отчасти, может быть нецелесообразным, в силу многообразия рассматриваемых судами спорных ситуаций, оценочного характера самой категории «моральный вред».

Рассмотрение и оценка судом в каждом конкретном деле доводов стороны истца о размере взыскиваемой компенсации морального вреда – это не только право, но и обязанность суда. Именно суд по своему внутреннему убеждению, с учетом сложившейся судебной практики, должен определить конкретный размер подлежащей взысканию суммы компенсации морального вреда, и обосновать его в решении суда. Говоря об определении суммы за понесенный моральный вред, одним из способов определенной фиксированной суммы, помимо закрепления методик расчета, является установления минимального и максимального размера. Так, следовало бы дополнить содержание соответствующего абзаца статьи 197 ГК ДНР указанием на минимальный и максимальный размер компенсации морального вреда, подлежащего взысканию со стороны ответчика по делам, где истцом выступает физическое лицо. В литературе обосновывается мнение, что данная мера позволит с одной стороны, унифицировать процесс взыскания компенсации морального вреда, как основного способа защиты нарушенного личного неимущественного права, а с другой – пресечь взыскание необоснованных, многократно завышенных сумм компенсации морального вреда. Также при определении размера компенсации необходимо оценка степени и характера физических и нравственных страданий, которая возможна только при принятии во внимание индивидуальных особенностей потерпевшего.

Выводы. Итак, институт защиты деловой репутации в современной цивилистике на сегодня имеет ряд проблем, которые в основной своей массе

основаны на несовершенстве действующего законодательства постсоветских стран, ввиду сложившейся исторической особенности существования данной правовой категории и ее неразвитости в определенный временной период, отсутствие как таковой практики применения, унифицированности мнений по данному вопросу и ряда других проблем. По итогам рассмотрения проблематики правоприменения гражданско-правовой защиты чести, достоинства, деловой репутации были сделаны некоторые выводы и предложены и пути устранения несовершенства правовой системы. Так, в настоящее время сложным, трудоемким для стороны истца усматривается процесс доказывания по тем гражданским делам, где порочащие, недостоверные сведения были распространены ответчиком через сеть «Интернет». Соответственно, следует включить в текст статьи 197 Гражданского кодекса ДНР прямое указание на возможность получения по запросу суда информации о соединениях конкретных устройств в сети «Интернет», сведений о загруженной с данных устройств визуальной, текстовой информации. Предлагается поддержать доказанные в науке мнение о необходимости законодательного расширения полномочий суда для получения иных сведений, имеющих значение для правильного рассмотрения дела. Выявлена проблема определения размера компенсации в процессе защиты чести, достоинства и деловой репутации, следовательно, считается целесообразным дополнить содержание соответствующего абзаца статьи 197 ГК ДНР указанием на минимальный и максимальный размер компенсации морального вреда, подлежащего взысканию со стороны ответчика по делам, где истцом выступает физическое лицо. Также, говоря о дополнении статьи 197 ГК ДНР, целесообразно говорить об унифицировании так называемых порочащих факторов/сведений. Предлагается дополнить указанную статью следующей формулировкой: «Под порочащими сведениями понимаются такие сведения, которые содержат утверждения и/или суждения фактологического характера о нарушении (намерении нарушить) гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, этических, религиозных норм и правил, правил общежития, национальных традиций, о недобросовестности при осуществлении трудовой и предпринимательской деятельности, нарушении деловой и профессиональной этики или обычаев делового оборота». Все это еще раз подтверждает возрастающую потребность теоретической и практической унификации инструментов защиты чести, достоинства и деловой репутации.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики [принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики. Протокол № 1 от 14 мая 2014 года]. URL: <http://dnr-online.ru> (дата обращения: 26.10.2021).
2. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики [принят Постановлением Народного Совета от 13.12.19 № 81-ПНС]. URL:

- <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 25.10.2021).
3. Закон «О средствах массовой информации» [принят Постановлением Народного Совета 29 июня 2015 года №59 ІНС]. URL: https://dnrsovet.su/zakon_doneckoj_narodnoj_respubliki_o_sredstvah_massovoj_informacii/ (дата обращения: 30.10.2021).
 4. Галянтич М. К. Защита деловой репутации: гражданско-правовые проблемы / М. К. Галянтич // Право Украины. – 2001. – № 1. – С. 97-100. URL: <http://www.info-library.com.ua/index.php?page=magazine&show=text&article=114> (дата обращения: 24.10.2021).
 5. Дахно И. И. Недобросовестная конкуренция и промышленная собственность в Украине. / И. И. Дахно // Предпринимательство, хозяйство и право. – 1996. 11. С. 18-22. URL: http://library.mdu.edu.ua/New_nadhod/cd/MAUP_Documents/Menedgm/mn_27.pdf (дата обращения: 24.10.2021).
 6. Красавчиков Л. О. Компенсация морального вреда субъектам экономической деятельности в случае причинения вреда их деловой репутации / Л. О. Красавчиков // Академический юридический журнал. Иркутск, – 2001. – С. 41-45. URL: <https://www.advocat.irk.ru/aum/4/441.html> (дата обращения: 20.10.2021).
 7. Стефанчук Р. О. Защита чести, достоинства и репутации в гражданском праве / Р. О. Стефанчук. – Київ: Научный мир, 2001. – С. 19-23.

УДК 343.222

**Е.А. Зарецкая, аспирант, Донбасская юридическая академия
(г. Донецк)**

(e-mail: kerriin_94@list.ru)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОТИВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКА УСТАНОВЛЕНИЯ ОГРАНИЧЕННОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ

Статья посвящена изучению теоретических аспектов оценки мотивов преступлений, совершаемых лицами, страдающими психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости. Изучено понятие «мотив» с точки зрения общей психологии, а так же осуществлена попытка сформулировать авторское уголовно-правовое определение понятия «мотив преступления». Обосновывается значимость установления истинных мотивов совершения преступления для правильной квалификации содеянного и назначения справедливого наказания.

Ключевые слова: мотив преступления, ограниченная вменяемость, индивидуализация наказания.

Zaretskaya, E. A.

DEFINITION OF A CRIME MOTIVE AS A PRECONDITION FOR ESTABLISHING LIMITED RESPONSIBILITY

The article is devoted to the study of the theoretical aspects of assessing the motives of crimes committed by persons suffering from mental disorders that do not exclude sanity. The concept of «motive» has been studied from the point of view of general psychology, as well as an attempt has been made to formulate the author's criminal-legal definition of the concept of «motive of crime». The importance of establishing the true motives for committing a crime for the correct qualification of the offense and the appointment of a fair punishment is substantiated.

Key words: *motive of crime, limited sanity, individualization of punishment.*

Актуальность темы исследования. Наиболее сложным институтом уголовного права, который пронизывает всю отрасль, является субъективная сторона преступления. В основе субъективной стороны преступления лежит психическая деятельность лица, совершившего общественно опасное деяние, которая не подлежит оценке по шкале измерений. Уголовно-правовая наука традиционно рассматривает субъективную сторону преступления через вину, мотив и цель. В силу того что познание преступного события всегда начинается с восприятия его объективной стороны, нашедшей выражение в обстановке преступления и отразившейся на месте происшествия, утрачивается главное – мотивы и цели человека, совершившего расследуемое деяние. Данное исследование посвящено изучению мотивации преступного поведения лиц, страдающих психическим расстройством, не исключающим вменяемости. На сегодняшний день учение о мотиве преступления представляет собой одно из перспективных направлений в исследованиях уголовно-правовой науки, а необходимость изучения преступного поведения невменяемых лиц, а так же лиц, страдающих психическим расстройством, не исключающим вменяемости, обуславливается, прежде всего, тем, что доля лиц с психическими аномалиями в общей массе преступников ежегодно остается весьма значительной, что вызывает высокий рост преступлений, совершаемых данными лицами. Являясь побудительной причиной совершения преступления, мотив непосредственно влияет на весь ход волевого процесса, с которым связано возникновение намерения совершить преступление. Поэтому не сложно прийти к выводу, что «мотив играет значимую роль не только в установлении субъективной стороны, но и в оценке объективных и других признаков состава, а также при определении степени общественной опасности совершенного преступления» [8, с. 12; 2].

Анализ деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью, профилактики преступлений позволяет сделать вывод о том, что ее эффективность во многом зависит от постановки работы по изучению личности преступника и прежде всего мотивов его противоправной деятельности. Установление мотивов преступления выступает одной из гарантий справедливости приговора в результате судебного рассмотрения дела.

Анализ научных исследований. Научные исследования мотивов и мотивации поведения в рамках теоретической и экспериментальной психологии проводились С. Л. Рубинштейном, К. К. Платоновым, Дж. Миллером и другими учеными-психологами. Вопросы определения мотива преступления нашли отражение в научных работах П. С. Дагеля, В. Д. Иванова, В. Н. Кудрявцева, Р. И. Михеева, А. И. Рарога, О. Д. Ситковской, Б. С. Утевского, других авторов. К вопросам мотивации и мотивов преступного поведения обращались Ю. М. Антонян, Б. С. Волков, А. Ф. Зелинский, О. В. Соколова, С. А. Тарарухин, А. П. Тузов, А. А. Толкаченко и другие. Несмотря на то, что эти исследователи внесли существенный вклад в развитие учения о мотиве преступления, на сегодняшний день остаётся достаточно много открытых и нерешенных вопросов.

Цель статьи: изучение теоретических аспектов оценки мотивов преступлений, совершаемых лицами, страдающими психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, а также определение значимости установления истинных мотивов совершения преступления для правильной квалификации содеянного и назначения справедливого наказания.

Изложение основного материала. Среди разнообразия причин, детерминирующих активность человека, особое место занимают потребности и мотивы поведения и деятельности. В науке имеется множество взглядов относительно определения понятия «мотив», и в силу того, что это понятие – категория психологическая, в наибольшей степени она раскрывается именно в психологии.

С. Л. Рубинштейн отмечал следующее – любое действие, направленное на достижение определенной цели, выходит из тех или иных побуждений, а более или менее адекватно осознанное побуждение выступает как мотив [16]. Более категорично высказывается М. И. Еникеев, по его мнению мотив – это всегда осознанное побуждение к достижению конкретной цели, которое воспринимается индивидом как личностная необходимость [9]. Выдающийся советский психолог А. Н. Леонтьев, напротив, отмечает, что «если цели и отвечающие им действия необходимо осознаются, то иначе обстоит с осознанием их мотива – того, ради чего ставятся и достигаются данные цели» [14]. Сторонники подобного взгляда считают, что мотив – это с разной степенью осознаваемое либо неосознаваемое вообще побуждение индивида к совершению поведенческого акта, порожденное системой его потребностей.

Нас, в данном исследовании, интересует определение понятия мотива в уголовно-правовом смысле. Как отмечал А. Б. Сахаров в юридической литературе [17], право не должно игнорировать психологию и создавать собственные психологические критерии, поэтому соответствующие научные данные, добытые психологией, должны быть положены в основу правовых понятий. В связи с этим для правовых наук, нуждающихся для своих практических нужд в психологических данных, психология, в границах этих данных, является «материнской» наукой.

Можем отметить, что среди психологов нет единства взглядов в определении мотива, такое же неоднозначное отношение к его содержанию наблюдается и среди юристов, анализирующих причины и механизмы преступного поведения. Сторонники первой точки зрения считают, что мотив относится к волевому поведению: он не может быть неосознанным. Мотивом общественно опасного деяния, по мнению представителей этой точки зрения, является обусловленное определенными потребностями осознанное побуждение к достижению определенной цели посредством совершения преступления и проявляющееся в нем.

Мы разделяем мнение сторонников противоположной позиции, а именно: мотивы не всегда бывают достаточно четко выражены и ясно осознаны [7, с. 9]. Отметим, что и некоторые сторонники первой позиции признают наличие неосознаваемых личностью мотивов, но именуют их побуждениями. Так, А. С. Тарарухин, считает, что «различаются осознанные и неосознанные мотивы (последние обычно именуются побуждениями)», в то же время мотив преступления, как осознанный мотив, определяется через побуждение [19, с. 48, 57]. Возникает вопрос: если осознанное побуждение является осознаваемым мотивом, почему неосознанное побуждение нельзя назвать неосознаваемым мотивом и таким образом признать его существование в мотивации преступных действий?

Г. А. Аванесов, также определяя мотив через осознанное побуждение, тем не менее, признает влияние на личность неосознаваемых мотивов, в том числе и в криминальной сфере, когда, например, «виновный говорит в суде, что не понимает, почему совершил преступление, это, мол, не укладывается в его голове» [1, с. 14, 17]. При этом вызывает возражение суждение указанного автора о том, что мотивы преступлений в большинстве случаев являются осознаваемыми, поскольку «преступник осознает, что он действует преступно» [1, с. 17]. Представляется, что приведенный автором аргумент доказывает не то, что преступник осознавал мотив своего поведения, а лишь то, что он действовал виновно. Интеллектуальный компонент вины, как известно, выражается в том, что виновный осознает, что его действия являются противоправными. Тем не менее, прекрасно осознавая, что нарушает предъявляемые к поведению законом или моралью нормы, человек может не осознавать, почему он это делает.

На основании вышеизложенных мнений, мотив преступления в уголовно-правовом аспекте можем определить как внутреннее осознаваемое либо неосознаваемое побуждение, вызывающее у лица решимость совершить общественно-опасное деяние в связи с желанием достижения определенной цели.

В контексте сказанного, для науки уголовного права не имеет существенного значения, какой психологический феномен лежит в основе мотива совершения деяния, поскольку то, что психологи называют потребностями, интересами, желанием, стремлением, ценностными

установками, в процессе квалификации содеянного выступает в качестве мотива преступления. Например, ревность в психологии есть чувство, а для уголовного права, в случае совершения убийства на почве ревности она, так или иначе, является мотивом преступления. Также следует отметить, что мотивы характерны лишь для умышленных преступлений, совершаемых как с прямым умыслом, так и с косвенным умыслом. Если же говорить о мотивах при неосторожных преступлениях, то это мотивы общественно опасного поведения, приведшего к преступному результату, а не мотивы заранее предусмотренного, рассчитанного преступления. Применительно к преступлениям, совершенным по неосторожности, неверно говорить о преступных мотивах и целях.

Исследуя вопрос классификации мотивов преступления, мы пришли к выводу, что в теории уголовного права нет единого подхода в решении данного вопроса. В психологии общепризнано, что единой и удовлетворяющей всех классификации мотивов нет. Классификации мотивов могут быть разными в зависимости от целей исследователя и конкретного аспекта рассмотрения вопроса. Целям нашего исследования соответствует классификация, предложенная Е. И. Головахой, который выделяет три вида мотивов на основании их функций: неосознанные (бессознательные) мотивы, выполняющие только побуждающую функцию; осознанные мотивы, выполняющие побудительную, смыслообразующую и объяснительную функцию; «понимаемые» мотивы, выполняющие либо объяснительную, либо смыслообразующую, либо ту и другую функции одновременно [12]. Далее мы подробнее остановимся на исследовании неосознанных мотивов формирования преступного поведения личности и их значении при квалификации содеянного.

Существенное влияние на поведение личности оказывает бессознательное, оно же активно участвует и в формировании мотивов. Как результат, многие мотивы поведения могут не осознаваться личностью, т. е. являться бессознательными. У лиц, отличающихся слабыми тормозными процессами и низким уровнем сознания, эмоциональное неосознаваемое переживание при провоцирующих обстоятельствах способно реализоваться в неожиданное для самого субъекта импульсивное действие, например убийство.

Пренебрегая анализом бессознательных процессов, не представляется возможным глубоко проникнуть в психику преступников и обеспечить воспитательную работу, учитывающую их психологические характерные черты. Корректированию подобных лиц препятствуют стереотипы образа жизни и поведения, закрепленные в их психике на уровне неосознаваемого. Как показывает практическая деятельность, большая доля правонарушителей-рецидивистов, ведущих продолжительный период антиобщественный образ жизни, никак не осмысливает личные мотивы такого поведения. Таким образом, бессознательные мотивы – это ускользающий от сознания, никак не охватываемый им смысл поведения, бессознательное может быть выявлено иным лицом, к примеру, исследователем, обладающим особыми навыками раскрытия психологических явлений и процессов, скрытых от сознания самого

субъекта. Проанализировав положения общей психологии, можем выделить следующие группы бессознательных мотивов преступного поведения:

1. Мотивы защиты от действительных и мнимых угроз. У многих людей возникает желание уберечь себя как от вполне реальных опасностей, угрожающих жизни или здоровью (сюда можно отнести, например, угрозу ограбления), так и от менее осязаемых опасностей. Определённые ученые считают основанием агрессивного преступного поведения отчуждённость, страх за собственное существование. Так, по мнению Ю. М. Антоняна, М. И. Еникеева и В. Е. Эминова, «наличие агрессивности заставляет предположить, что подозрительность убийц и других насильственных участников заключается в постоянном ожидании нападения извне и готовности сопротивляться ему... Мы полагаем, что убийцы и другие насильственные преступники – это лица с повышенной тревожностью, если понимать тревожность как ощущение угрозы своему бытию и постоянную готовность оборонять его» [5, с. 125-126]. Пытаясь защититься от этого ощущения, субъект способен совершить агрессивные преступления, поскольку нападение большинству людей представляется лучшим способом защиты.

2. Мотивы утверждения и самоутверждения. Аналогичные стремления характерны, к примеру, определенным руководителям преступных организаций, а также незаконным тоталитарным правителям, которые, безусловно, надеются на то, что их деяния, признаваемые цивилизованным миром как преступные, их приверженцы, а также единомышленники расценят по-другому. Либо же, недостаток соответствующих контактов с представительницами слабого пола часто выступает мотивом нападения на них с целью изнасилования. Нападающий таким образом утверждает себя в качестве мужчины, в своей биологической (физиологической) роли, стараясь совместно с этим поквитаться за собственные предыдущие неудачи в отношениях с женщинами.

3. Игровые мотивы. Они присутствуют в действиях, скажем, квартирных воров, карманных воров, расхитителей, взяточников. В случае успеха такие лица испытывают колоссальное психологическое удовлетворение от совершенного. Известны случаи, когда расхитители ничего из похищенного никак не израсходовали, довольствуясь зарплатой, но участие в игре имело для них огромное значение.

4. Мотивы преодоления тревоги и страхов, которые могут иметь прямое отношение к защите. Разным категориям преступников беспокойства и страхи присущи в разной степени. Наиболее высокий уровень тревоги и страхов наблюдается у людей, совершивших убийства. В гораздо меньшей степени они присущи тем, кто совершил грабежи, разбой и вымогательства, еще меньшей – совершившим кражи и, наконец, в самой незначительной – лицам, которые признаны виновными в хищениях, преступлениях в сфере экономической деятельности и во взяточничестве.

Представленный перечень мотивов не является исчерпывающим, основной акцент сделан в нем на бессознательных аспектах мотивации. В психологии утверждается, что нужно различать разные уровни мотивации: внутренний, смысловой и внешний, рациональный. Например, преступное насилие может совершаться ради самого насилия, случается, что преступник убивает, унижает, причиняет страдания, желая тем самым доставить себе садистское удовлетворение. Такие преступления не столь редки, как может показаться на первый взгляд.

Утверждение, что мотивы некоторых преступлений могут быть скрыты от сознания субъекта, вовсе не означает, что лица, совершившие преступления по неосознаваемым для них самим мотивам, не подлежат уголовной ответственности. Совершая убийство, например, лицо может не осознавать собственных глубинных побуждений, но в то же время оно осознает, что его действия являются преступными. Таким образом, непонимание мотивов собственного поведения не освобождает от уголовной ответственности. Человек несет уголовную ответственность за то, что он преступил уголовный запрет. Если в силу расстройств психики лицо не понимало и этого, к нему применяются соответствующие меры уголовно-правового характера.

Изучая принципы квалификации преступлений по мотиву, следует остановиться на проблеме, которая заключается в том, что иногда между мотивом и поводом совершения преступления наблюдается очевидное несоответствие, то есть когда само преступление представляется каким-то абсолютно бесцельным, но все же остаётся общественно опасным деянием. Например, данная проблема возникает при квалификации преступлений, совершаемых лицами, которые находятся в состоянии аффекта. Как правило, эти виновные не осознают действительный мотив, побудивший их к совершению преступления. В итоге на практике сам процесс установления неосознаваемых мотивов носит как бы искусственный характер, то есть формализация мотива сводится к догадкам соответствующего исследователя. Когда определенное преступное деяние кажется совершенным без каких-либо мотивов и целей, правоохранительные органы и суды имеют дело с отклоняющейся от нормы так называемой непривычной мотивацией общественно опасного деяния. В данном случае неопределённость мотива действий внешнему поводу может явиться следствием расстройства его психической деятельности, близкой к норме (не исключающей вменяемости) либо постепенного накопления травмирующих ситуаций (например, систематических оскорблений), ведущих в конечном итоге к «срыву» в поведении лица [20, с. 79].

Из вышеизложенного можем сделать вывод, что особую роль при формировании мотивов девиантного поведения оказывает не соответствующее действительности восприятие и недооценка правонарушителем конкретной жизненной ситуации в качестве криминогенной, причиной данной ошибки восприятия могут являться и психические отклонения в том числе. Они

снижают сопротивление к внешним ситуациям, в том числе противоречивым, создают преграды для формирования общественно полезных черт личности, ослабляют механизм самоконтроля, облегчают реализацию противоправных деяний [2]. К психическим аномалиям, которые обязаны учитываться при установлении мотивов преступления, относятся алкоголизм, психопатии, слабоумие в форме дебильности, не исключающая вменяемости, наркомания, а также акцентуации характера. Акцентуации характера определяются как предельные варианты нормы, при которых определенные черты характера чрезмерно увеличены, вследствие чего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психических воздействий при хорошей и повышенной устойчивости к другим. Наличие психических аномалий помогает понять мотивы совершения некоторых видов преступлений, в частности насильственных. Ю. М. Антонян пишет, что отдельные преступления могут совершаться людьми, имеющими отклонения в психике, однако эти отклонения могут не иметь никакого отношения к преступлению (например, совершение хищения психопатом). В зависимости от формы, группы и стойкости психических аномалий они могут быть криминогенны в одних случаях и совершенно нейтральны в других [3, с. 153].

Отдельную категорию составляют те лица, которые при совершении преступлений находятся в состоянии алкогольного опьянения и после совершения своих действий ничего вразумительного они не могут сказать ни о мотиве, ни о цели совершенных ими деяний. Употребление алкоголя и злоупотребление наркотиками имеет криминогенное значение, их влияние усиливается в поведении лиц, страдающих психическими аномалиями. Влияние названных факторов, в свою очередь, играет существенную роль в агрессивном поведении этих лиц. При наличии психических аномалий, отягощенных алкоголизмом или наркотиками, криминогенное воздействие носит характер галлюцинации, нередко эротического содержания, в частности при взаимосвязи с бредовыми идеями ревности или самоутверждения. Таким образом, наблюдается сочетание агрессивных действий с патологией психики, спровоцированное наркотиками или алкоголем, которые нарушают критические и прогностические способности и усиливают детерминацию поведения. Для иллюстрации бессознательного характера поведения приведем следующий пример.

Ранее не судимый К. со своими знакомыми М. и Э. приехали на лесосеку участкового лесничества Н-го лесхоза. По прибытии К. взял из автомашины личные вещи и перенес их в жилой вагончик на территории указанной лесосеки, лег на стеллаж. За ним в жилой вагончик вошел М. и, взяв со стола кухонный нож, чтобы поиграть с ним, прилег рядом с К. на стеллаж. Э. остался на улице. Увидев в руках М. нож, К. правой рукой выхватил из рук М. нож и, левой рукой удерживая М. в лежачем положении на стеллаже, нанес М. не менее двух ударов ножом в область шеи и спины, чем причинил М. смерть. После причинения смерти М. К. с целью скрыть данное деяние решил лишить

жизни Э. С этой целью К. вышел из помещения вагончика и, держа в руках нож, подошел к Э. со спины и со словами «Прости!» стал наносить удары в область шеи и туловища. Как выяснилось, при изучении материалов уголовного дела К. беспричинно убил ножом обоих мужчин. Никакой ссоры между погибшими и К. не произошло. На следующий день после убийства К. сам подошел к своей матери и рассказал, что убил мужчин, но не смог нормально объяснить причину. Кроме того, К. сказал, что хочет сдать полицию и рассказать все, после чего позвонил сотрудникам ОВД и сообщил о случившемся. Обвиняемый К. пояснил, что с М. он ранее не был знаком. При этом тот ему не угрожал и ничего подобного в его адрес не высказывал. В то время М. сидел рядом с ним, играл с ножом, у К. возникло сильное раздражение к М., после чего он убил его.

Ряд авторов считают, что психические отклонения выступают в качестве катализирующего фактора взаимодействия в механизме преступного поведения. [14, с. 24].

Позиция Ю. М. Антоняна и В. В. Гульдана по этому поводу обосновывается тем, что психические отклонения существенно влияют на социальную направленность конкретных действий [4, с. 38]. В. Н. Бурлаков считает, что психические девиации непосредственно не являются причиной преступного поведения, а выступают в качестве условия такового [6, с. 157-162].

Таким образом, психические расстройства, преломляясь через психологию субъекта, непосредственно влияют на механизм формирования мотивов преступного поведения и, как следствие, на процесс совершения преступления. Для таких лиц характерно снижение или полное отсутствие механизмов поведенческого контроля, психопатологические свойства могут в конкретной ситуации способствовать проявлению соответствующих качеств личности (например, раздражительности) в совершении преступного деяния и вырабатывать конкретный тип поведения у данной личности. Занимаясь предупреждением, необходимо помнить, что поведение человека, в том числе и лиц с психическими аномалиями, всегда определяется психологическими механизмами.

Исследование судебно-следственной практики демонстрирует наличие значительного количества вопросов, относящихся к установлению и доказыванию мотивации преступного поведения. Очевидно, что зримое и осязаемое «внешнее» познается с большей легкостью, чем эфемерное и неопределенное «внутреннее». Вызывает трудности определение, в какой степени и какие обстоятельства осознавал виновный, что двигало им в конкретной ситуации, каково было его психическое отношение к тем или иным обстоятельствам события. В таких ситуациях приходится полагаться на мнение подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, которое часто не отличается полнотой и объективностью в силу наличия у последних защитной доминанты и слабой степени осознания процессов внутренней жизни, при которых совершенное преступление объясняется аморальным или противоправным

поведением потерпевшего («во всем виноват потерпевший», «он вывел меня из себя») [13, с. 155], стечением тяжелых жизненных обстоятельств («не мы такие, жизнь такая», «не было другого выхода», «так сложилась судьба») [11, с. 206-217], действием алкоголя («был пьяный», «водка виновата», «все из-за нее») [16, с. 19-21, 45-46, 97] либо вовсе остается без объяснения («ничего не помню», «был в беспамятстве», «сам не понимаю, как так получилось») [11, с. 3, 42, 53, 56-59].

Принято считать закономерностью, что в сложных ситуациях практика идет по пути упрощения. Эффективным способом упрощения является презумпция. Под презумпцией принято понимать положение, устанавливающее наличие фактов или событий без полного доказательства их существования. Можем утверждать, что в современной судебной практике в отношении установления и доказывания мотивации преступного поведения сложилась триада мотивов-презумпций: «корысть, личная неприязнь, хулиганские побуждения», в соответствии с которой происходит приписывание мотива личности виновного исходя только из характера совершенного им преступления. Таким образом, хищение предполагает корыстный мотив, насильственные преступления вызваны мотивом личной неприязни, преступления, не поддающиеся логическому объяснению, объявляются совершенным из хулиганских побуждений. Безусловно, данные мотивы-презумпции не охватывают и не могут охватывать всего диапазона реальных внутренних побуждений личности. Обращение к сфере бессознательного для установления истинных мотивов некоторых преступлений имеет существенное уголовно-правовое значение потому, что существующие в литературе объяснения мотивов многих преступлений, особенно насильственных, являются поверхностными и не способствуют решению актуальных проблем теории и практики борьбы с преступностью. Нередко мотив не извлекается «из» личности и ее поведения, а приписывается ей, исходя лишь из внешней оценки преступных действий.

Невзирая на то, что такой подход обеспечивает некоторую оперативность уголовного процесса в части установления мотивации преступного поведения, его нельзя считать соответствующим действующему уголовному и уголовно-процессуальному законодательству. Прежде всего, указанный подход нарушает базовый уголовно-правовой принцип субъективного вменения, поскольку мотив и цель преступления способствуют установлению вины в совершенном деянии. Игнорирование подлинных мотивов преступления влечёт назначение несправедливых наказаний, неправильное применение отдельных институтов общей части уголовного права. Кроме того, вышестоящие судебные инстанции постоянно обращают внимание судов на необходимость тщательно исследовать мотивы и цели преступления. На установление и доказывание всех признаков субъективной стороны преступления ориентирует правоприменителей п. 2 ч. 1 ст. 70 УПК ДНР.

Наиболее предпочтительным способом доказывания мотивации поведения является судебно-психологическая экспертиза, которая выступает одним из немногих процессуальных средств, придающих субъективным данным объективный доказательственный характер. При назначении судебно-психологической экспертизы необходимо ставить вопросы о мотивационно-смысловых особенностях исследуемого лица, круге его ближних и дальних целей, не ограничиваясь только получением сведений о его личностных свойствах. В свою очередь, оценка заключения судебно-психологической экспертизы в совокупности с другими доказательствами по делу должна способствовать правильному определению мотива преступного деяния. Таким образом, мотив преступного деяния подлежит доказыванию наравне с другими обстоятельствами по делу с использованием предусмотренных уголовно-процессуальным законом средств.

Выводы. Исходя из вышесказанного, можно заключить следующее: представители теории советского уголовного права и криминологии полностью стояли на точке зрения осознанности мотивов преступлений, не разделяя до конца ни одно из приведенных нами положений. Мы считаем, что пределы познания психологии преступного деяния субъектом доказывания по уголовному делу должны быть подчинены принципу целесообразности. Как известно, данный принцип заключается в соответствии применяемой к нарушителю меры воздействия целям юридической ответственности, целесообразность предполагает: строгую индивидуализацию карательных мер в зависимости от тяжести правонарушения, обстоятельств его совершения, и что не менее важно, от характера личности нарушителя.

Психологическая сторона преступления должна интересовать субъекта доказывания в таком объеме, в котором это необходимо для решения задач расследования преступления. Но как показывает правоприменительная практика, в связи с неустановлением подлинных мотивов по многим уголовным делам, особенно по делам об умышленных убийствах и нанесении тяжкого вреда здоровью, ни у следователя, ни у прокурора, ни у суда очень часто нет правильного представления о личности виновного, отсюда и назначение несправедливых наказаний. Кроме того, индивидуальное исправительное воздействие в результате бывает направлено на те личностные качества виновного, которые не играли никакой роли в преступлении или имели второстепенное значение. Учитывая неосознаваемый характер многих мотивов, можно предположить, что указываемые в приговорах мотивы преступлений по своему значению чаще всего являются внешними социальными оценками приписываемых преступнику побуждений.

По нашему мнению, во всех случаях, когда у субъекта доказывания возникают сложности в определении истинного мотива совершенного общественно опасного деяния, необходимо проведение судебно-психиатрической экспертизы. Вопрос о назначении судебно-психиатрической экспертизы решается при возникновении у следователя обоснованного

сомнения во вменяемости лица, совершившего преступление. К обстоятельствам, вызывающим сомнения во вменяемости могут быть отнесены, в том числе, и странности в поступках и высказываниях лица, например, когда подозреваемый не может объяснить причины своего общественно-опасного поведения, описывая его формулировками, которые мы описывали ранее: «во всем виноват потерпевший», «он вывел меня из себя», «не мы такие, жизнь такая», «не было другого выхода», «так сложилась судьба», «был пьяный», «водка виновата», «ничего не помню», «был в беспамятстве», «сам не понимаю, как так получилось». Такое поведение может свидетельствовать о вероятности наличия психического расстройства, и лишь специалист, владеющий специальными знаниями в области психиатрии при проведении судебно-психиатрической экспертизы, сможет достоверно подтвердить либо опровергнуть возникшие у следователя сомнения.

Принимая во внимание вышеизложенное, мы видим, что при установлении психологического содержания правонарушения необходимо всегда проводить психологический анализ поведения индивида. Соглашаясь с утверждениями исследователей данного вопроса, можно определить, что ограничения сознания, которые приводят к нарушению механизмов психологической защиты, готовности при малейшем толчке к психическому срыву, в ряде случаев являются следствием психических отклонений. Эти состояния в основном сопровождаются сужением сознания, навязчивыми состояниями, расстройством логического мышления, повышением внушаемости, в связи с чем происходят конфликтные взаимодействия с окружающим миром.

Согласно принципу справедливости, наказание лицам, совершившим преступление, должно соответствовать характеру и степени общественной опасности деяния. Справедливым может быть лишь то наказание, при назначении которого учитываются также личностные качества виновного. Наказание должно основываться на принципе субъективного вменения, содержание которого заключается в том, что юридически значимыми и способными повлечь применение мер ответственности являются лишь те обстоятельства деяния, которые осознавались лицом, совершившим деяние. Независимо от того, какие объективные характеристики имеет совершённое общественно опасное деяние, лицо, его совершившее, необходимо привлекать к ответственности только за те из них, которые охватывались его сознанием. К сожалению, правоприменитель нередко пренебрегает данным принципом назначения наказания, главное для него – установить то, что, совершая преступление, лицо осознавало преступный характер своих действий. Именно это и требуется для установления вины. Виновный наказывается только за то, что он совершил поступок, запрещенный уголовным законом. То, что лицо может не осознавать собственных глубинных побуждений к данному поступку, их внутренний смысл, не имеет значения для квалификации преступления, что по нашему мнению является нарушением принципов правосудия.

Список литературы

1. Аванесов Г. А. 10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии / Г. А. Аванесов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 303 с.
2. Аминов И. И. Юридическая психология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И. И. Аминов. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 415 с.
3. Антонян Ю. М. Изучение личности преступника / Ю. М. Антонян. – Москва – 1982. – 79 с.
4. Антонян Ю. М. Криминальная патопсихология / Ю. М. Антонян, В.В. Гульдман. – Москва, 1989. – 243 с.
5. Антонян Ю. М. Психология преступника и расследование преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – Москва, 1996. – 335 с.
6. Бурлаков В. Н. Психологические особенности личности и механизма преступного поведения / В.Н. Бурлаков, Н.Д. Гомонов // Правоведение. – 2001. – № 3. – С.14.
7. Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность / Б.С. Волков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. – 136 с.
8. Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений / Б. С. Волков. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. – 166 с.
9. Еникеев М. И. Общая психология / М. И. Еникеев. – Москва: ПРИОР, 2000. – С. 263.
10. Ефремова Г. Х. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования / Г. Х. Ефремова, А. Р. Ратинов. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 256 с.
11. Зелинский А. Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении / А. Ф. Зелинский. – Харьков, 1986. – 164 с.
12. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер, 2011. – 508 с.
13. Котов Д. П. Установление следователем обстоятельств, имеющих психологическую природу / Д. П. Котов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 152 с.
14. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / Н.Ф. Кузнецова. – Москва, 1984. – 200 с.
15. Леонтьев А. Н. Деятельность, Сознание, Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва: Политиздат, 1977. – 304 с.
16. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения / В. В. Лунеев. – Москва: Наука, 1991. – 383 с.
17. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштен. – Москва, 1946. – С. 542.
18. Сахаров А. Б. См.: рецензия на работу Б.В. Харaziшвили «Вопросы мотива поведения преступника в советском праве» / А. Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1964. – N 5. – С. 131 - 132.

19. Тарарухин С. А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты / С. А. Тарарухин. – Москва: Юрид. лит. – 1974, 244 с.
20. Тарарухин С. А. Установление мотива и квалификация преступления / С. А. Тарарухин. – Киев: Высшая школа, 1977. – 149 с.

УДК 346

П.А. Заремба, докт. экон. наук, профессор, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

С.И. Охременко, канд. техн. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: pavelz09@gmail.com)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕНЕДЖМЕНТА

В статье нашли отражение вопросы эффективности менеджмента организации с учетом комплексного применения всей системы факторов организационных, экономических и правовых механизмов. Рассмотрено влияние количественных и качественных показателей, характеризующих организационную, социальную и экономическую эффективность менеджмента. Показана значимость правоприменительных актов в процессе разработки и реализации управленческих решений.

Ключевые слова: *эффективность менеджмента, система менеджмента, правовая норма, юридическая услуга, управленческое решение.*

Zaremba, P.A.,

Okhremenko, S.I.

LEGAL REGULATION AS A FACTOR OF INFLUENCE ON THE EFFICIENCY OF MANAGEMENT

The article reflects the issues of the effectiveness of organization management, taking into account the complex application of the entire system of factors of organizational, economic and legal mechanisms. The influence of quantitative and qualitative indicators characterizing the organizational, social and economic efficiency of management is considered. The significance of law enforcement acts in the development and implementation of management decisions is shown.

Key words: *management efficiency, management system, legal norm, legal service, management decision.*

Система управления организацией и эффективность менеджмента – основополагающие понятия в деятельности любой организации. Необходимость повышения эффективности менеджмента на современном этапе определяется многими факторами, среди которых: стратегия предприятия, факторы внешней и внутренней среды, характер и качество принимаемых управленческих решений. В современных условиях эффективное ведение

хозяйственной деятельности невозможно без строгого соблюдения законности во всех сферах хозяйственных отношений, что означает умение выбрать и правильно применять ту или иную правовую форму.

Актуальность темы исследования. Оценка эффективности менеджмента является довольно сложной задачей, поэтому существует большое количество критериев и методов такой оценки, которые учитывают различные факторы, влияющие на эффективность. Попытки разработки методик оценки эффективности менеджмента ведутся давно [2]. Однако, как отмечают специалисты, большинство из них не дают полной картины и являются достаточно сложными для расчета. В ряде случаев они просто оторваны от реальности. Как следствие, большинство утверждаемых методик отменяются за непригодностью спустя несколько лет после их принятия. Наибольшие теоретические и методологические трудности в этой области имеют место при формировании экономических и экономико-правовых принципов и подходов, определяющих трудовые отношения на предприятиях и в организациях [7].

Что касается установления эффективности в сфере государственного и муниципального управления РФ, то на сегодняшний день предпринята очередная попытка определиться в оценке эффективности деятельности высших должностных лиц в органах государственной власти. В системе государственного управления РФ функционирует Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». В этом Указе содержатся критерии эффективности деятельности высших должностных лиц и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации [12].

Анализ научных исследований. Можно сформулировать устоявшееся определение эффективности – это сопоставление потребленных ресурсов с полученным результатом.

Васютинский И. Ю. и Прусаков А. Н. утверждают, что эффективность – это степень соответствия ожидаемых результатов поставленной цели и затраченным при этом ресурсам [3].

По мнению Ковалева В. В., «эффективность – это соотношение между полученным результатом и некоторой характеристикой фактора (ресурса), использованного для достижения данного результата» [10].

Следующее классическое понятие эффективности: «Эффективность – это соотношение полученного результата и затрат, ресурсов, которое позволяет достичь конкурентоспособности не только в короткий промежуток времени, но и обеспечить ее в долгосрочной перспективе» [5].

Рассматривая приведенные определения, можно сделать вывод, что их использование нецелесообразно в отношении оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти. В первую очередь ввиду того,

что в сфере деятельности органов власти отсутствует конкуренция, они являются монополистами на рынке предоставления государственных услуг.

К тому же, органы власти не производят что-либо материальное – они оказывают услуги населению, что не предполагает получения в качестве оплаты денежного вознаграждения. А это противоречит основным законам экономики. Эффективность деятельности органа власти будет выше, если услуга для населения будет доступнее.

Отсюда логический вывод – эффективность деятельности органов власти следует рассматривать исключительно с точки зрения нематериальной.

Проблема эффективности менеджмента на современном этапе освещалась в трудах В. В. Белеклен, Э. Р. Бирюковой, Ю. А. Винокурова, Л. В. Гончаровой, И. А. Демидовой, Т. А. Егорова, А. А. Ивановой, И. А. Мухиной, А. К. Осипова, И. Ю. Чазовой, О. И. Чепунова, В. Н. Шутовой, и др. авторов.

Целью статьи является рассмотрение влияния фактора правового регулирования на формирование показателей эффективности системы менеджмента организации.

Изложение основного материала. Добиться высокой эффективности оказания услуг лишь за счет современных коммуникационных технологий уже невозможно. Экономические рычаги, безусловно, способствуют повышению мотивации к качественному труду, но они тоже не решают всех проблем. К этому выводу пришли все, кто занимается управлением современным бизнесом. Производитель, кроме получения финансового результата, несет свою долю ответственности, в том числе и правовую, за материальный и моральный ущерб, причиненный потребителю в случае оказания ему некачественных услуг [6].

При определении эффективности системы менеджмента организации в целом следует различать организационную, социальную и экономическую эффективность [1].

1. Организационная эффективность менеджмента характеризуется уровнем централизации управления, качеством построения эффективной организационной структуры управления, качеством и скоростью принятия управленческих решений. Такой показатель в менеджменте как обоснованность управленческих решений в большинстве случаев измерить невозможно. Метод экспертных оценок, пожалуй, единственный способ, который позволяет получить адекватную оценку.

2. Социальная эффективность менеджмента определяется успешностью формирования корпоративного духа, психологического климата в коллективе, уровнем причастности к целям организации. Социальный эффект трудно измерить количественно. Показателями социальной эффективности являются: степень выполнения заказов потребителей, своевременность выполнения заказа, полнота выполнения заказа, оказание дополнительных услуг. Величина социального эффекта может быть определена с определенной долей условности

расчетным методом.

3. Экономическая эффективность менеджмента, прежде всего, отображает экономические результаты деятельности организации, такие, как величина прибыли, себестоимость продукции, объем реализации продукции и услуг, рентабельность, уровень финансовой устойчивости и т.п. В то же время, экономическую эффективность характеризуют показатели, которые отображают построение и функционирование систем менеджмента.

Экономическую эффективность менеджмента (Эм) организации можно охарактеризовать обобщающим показателем, имеющим количественное измерение:

$Эм = Д / З$, где $Д$ — доходы организации, $З$ — затраты на содержание аппарата управления.

Кроме системы количественных показателей, существует другой подход к определению эффективности, где она оценивается с точки зрения реализации системой менеджмента уровня использования имеющихся потенциальных возможностей, предусматривает оценку их использования для получения максимальной отдачи или эффекта. Такой подход дает более полное представление о сущности эффективности, но связан с определенными сложностями – достаточно трудно оценить и вычислить потенциал системы с учетом всех внутренних и внешних факторов [11].

Перечисленные показатели эффективности системы менеджмента организации, по нашему мнению, правомерно дополнить показателем эффективности юридического менеджмента, который можно охарактеризовать как соотношение между результатом юридического менеджмента и стоящей перед ним целью.

Основой юридического менеджмента является механизм правового регулирования, в котором можно выделить следующие правовые нормы:

1. Система правовых норм, регулирующих способы действия предприятий и процессы их организации.

2. Система правовых норм, регулирующих правоотношения в процессах создания продукции и оказания услуг, а также в маркетинговой деятельности.

3. Система норм, регулирующих правоотношения между органами государственной власти и менеджмента.

Регулирующую функцию выполняет не сама норма права, а экономические и организационные механизмы, как результат сформированной в рамках правовой нормы мотивации.

Эффективность правового регулирования в системе менеджмента следует определять следующими факторами:

1. Совершенствование правотворчества. С помощью юридических и информационных средств создается положение, при котором соблюдение закона будет выгоднее его нарушения.

2. Совершенствование правоприменения. Правоприменение учитывает конкретную обстановку и своеобразие каждой юридической ситуации.

3. Повышение уровня правовой культуры субъектов права. Влияет на качество правового регулирования, на процесс укрепления законности и правопорядка.

Влияние правового регулирования на эффективность менеджмента можно выразить следующей моделью (Рис. 1).

Юридический менеджмент опирается на систему законодательных актов республиканского и регионального значения, нормативно-директивные и методические документы организации (приказы, распоряжения), планы, оперативное руководство, программы и задания.

В систему республиканских законодательных актов входят нормы Конституции ДНР, указы Главы республики, постановления правительства ДНР, республиканские стандарты, положения, инструкции, методики, нормативные акты и другие документы, утвержденные органами республиканской власти для обязательного применения на территории всей республики и ее отдельных субъектов.

В систему региональных законодательных актов входят акты, аналогичные республиканским, призванные дополнять и более полно раскрывать их сущность.

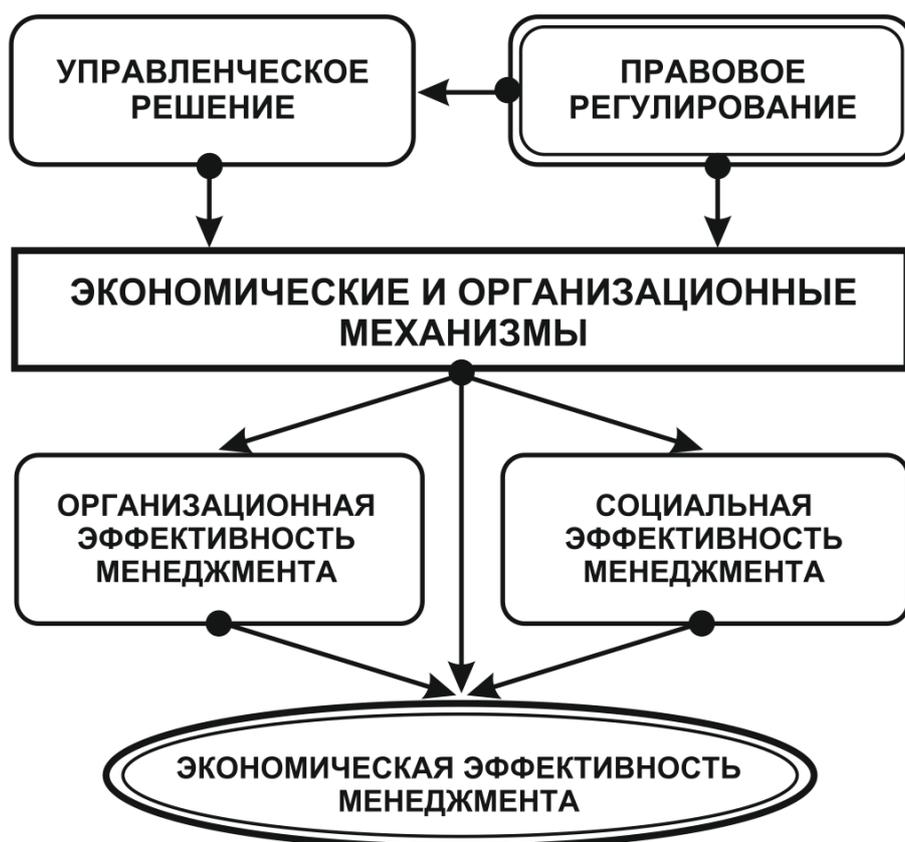

Рис. 1. Влияние правового регулирования на эффективность менеджмента

Законодательные акты регионального значения должны быть объединены в систему, основными целями которой являются:

1. Повышение качества жизни населения региона.
2. Создание конкурентной среды.
3. Эффективное использование природных ресурсов.
4. Развитие экономики и инфраструктуры региона.

5. Применение современных методов экономического регулирования и менеджмента.

Отсутствие противоречий республиканскому законодательству является обязательным требованием, предъявляемым к региональным нормативным актам.

В систему нормативно-директивных и методических документов организации входят стандарты, методики, положения, инструкции и другие документы аналогичной направленности долговременного использования, а также приказы, распоряжения, указания, действующие только в данной организации и утвержденные ее руководством.

Система взаимосвязанных планов, программ и заданий регламентирует порядок работы управляющей и управляемой подсистем системы менеджмента организации.

Научный и практический интерес представляет классификация данных правовых актов как следствие большого количества и качества действующих правовых актов, относящихся к организации менеджмента хозяйствующих субъектов в сфере экономики [1].

Критерии классификации действующих правовых актов можно проранжировать следующим образом:

1. По юридической значимости (Конституция ДНР, подзаконные акты Главы ДНР и Правительства ДНР).

2. По содержанию (общие и специализированные правовые акты, регулирующие специфические управленческие отношения в отраслях и сферах).

3. По характеру влияния: непосредственно регулирующие, косвенно влияющие (например, Гражданский кодекс ДНР, наряду с регламентированием имущественных отношений, оказывает влияние на сущность организации управления экономикой).

Экономическая эффективность менеджмента определяется, с одной стороны, как результат совершенствования управляющей и управляемой систем за счет организационных изменений, с другой – на началах трансформации организационной, социальной эффективности и эффективности применения правовых норм.

В плане технологии менеджмента любое управленческое решение представляет собой совокупность взаимосвязанных и логически последовательных управленческих действий, направленных на решение стоящих перед субъектом управления целей. Объективными факторами,

оказывающих влияние на разработку эффективных и правомерных управленческих решений, выступают нормативное установление полномочий должностного лица, формирующего управленческое решение, его профессионализм и правовая грамотность [8].

Правовое регулирование влияет на эффективность менеджмента путем совершенствования экономических и организационных механизмов системы управления организацией в процессе принятия управленческих решений. При этом экономическая эффективность менеджмента организации рассматривается как результат трансформации организационной и социальной эффективности при непосредственном влиянии правовых норм.

В качестве субъективных факторов может рассматриваться правовая и профессиональная подготовка субъектов управления. Характеристика компетентности должностного лица в осуществлении правового регулирования на эффективность менеджмента связывается не только с его правовой подготовкой, но также с наличием и сформированностью ряда профессионально значимых черт личности: способность к саморазвитию, навыки решения правовых проблем, творческий подход и др. [9].

Во всех случаях лицо, правомочное на принятие управленческого решения, призвано действовать строго в рамках правового поля. В этой связи индивидуальные правовые акты (решения и действия) должностных лиц в научной юридической литературе рассматриваются в качестве правоприменительных актов.

Общими принципами правоприменения являются:

1. Оперативность.
2. Объективность.
3. Единообразие.
4. Справедливость.
5. Эффективность.
6. Целесообразность управленческого решения.
7. Законность правоприменения.

Специфика управленческого типа правоприменения в теории права, как одного из трех основных типов правоприменения (управленческого, судебного, административного) определяется положением субъекта правоприменения, находящегося в служебном или организационном отношении с адресатами решения [8].

В контексте теоретического осмысления правовой природы, алгоритма принятия, а также критериев эффективности управленческого решения необходимо:

1. Определение общей идеологии и специфики основных типов правоприменения.
2. Обозначение параметров рациональной процедуры принятия управленческого решения.
3. Анализ объективных и субъективных факторов, оказывающих

влияние на результативность принятого субъектом управления решения.

Общая социальная значимость правоприменительных актов вне зависимости от субъектов и сфер применения определяется тем, что они служат средством реализации правовых норм, являются привязкой правовой нормы к конкретной хозяйственно-экономической ситуации [4].

Выводы. Эффективность управленческой деятельности применительно к субъекту хозяйственной деятельности может характеризоваться как количественными, так и качественными показателями, характеризующими организационную, социальную и экономическую эффективность менеджмента. Любое управленческое решение вне зависимости от типа правоприменения в своем основании имеет правовые знания субъекта управления, равно как и необходимую теоретическую и практическую подготовку

Значимость правоприменительных актов в процессе создания и реализации эффективных управленческих решений определяется тем, что они служат средством реализации правовых норм, способствующих разрешению конкретной хозяйственно-экономической ситуации, опираясь на правовую компетенцию субъектов управления.

При оценке эффективности системы менеджмента необходимо учитывать комплексное применение всей системы факторов организационных, экономических и правовых механизмов.

Список использованных источников

1. Березкина Т. Е. Организационно-управленческая деятельность юриста: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Т. Е. Березкина, А. А. Петров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2016. – 410 с.
2. Бирюкова Э. Р. Понятие «эффективность» в сфере государственного управления / Э. Р. Бирюкова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 1. – С. 419-422.
3. Васютинский И. Ю. Экономика топографо-геодезического производства / И. Ю. Васютинский, А. Н. Прусаков, В. И. Соломатов. – М.: Картгеоцентр-Геодезиздат, 2001. – 734 с.
4. Вежковец В. Н. Понятие правоприменительных актов органов государственного управления / В. Н. Вежковец, А. А. Харитонов // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2001. № 2 (2). – С. 31-39.
5. Винокуров Ю. А. Эффективность как фундаментальная экономическая категория / Ю. А. Винокуров // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2010. – № 2. – С. 155–159.
6. Воронов А. Л. Экономико-правовые аспекты обеспечения эффективности работы отраслей, предприятий и организаций / А. Л. Воронов // Экономический анализ: теория и практика. – 2004. – № 2(17). – С. 62-64.
7. Гончарова Л. В. Сравнительный анализ нормативно-правовой базы, регулирующей оценку эффективности деятельности органов власти

- /Л. В. Гончарова, Е. М. Лещенко // РЕГИОН: системы, экономика, управление. – 2019. № 4 (47). – С. 210-216.
8. Демидова И. А. Управленческое решение: правовая природа, алгоритм принятия, критерии эффективности / И. А. Демидова // Проблемы теории и практики управления. Сетевое издание «Академическая мысль». – 2020. – № 1. – С. 12-17.
9. Казак Т. В. Управленческая компетентность и личностные ограничения сотрудников органов внутренних дел / Т. В. Казак // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2007. № 2 (14). – С. 220-223.
10. Ковалев В. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия / В. В. Ковалев, О. Н. Волкова. – Москва: ООО «ТК Велби», 2012. – 546 с.
11. Скотт Синк Д. Управление производительностью: планирование, измерение и оценка, контроль и повышение / Д. Скотт Синк. – Москва: Прогресс, 2019. – 521 с.
12. Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102040027> (дата обращения: 01.12.2021).
13. Эффективность государственного и муниципального управления. Учебное пособие / [В. Ю. Войтович и др.]; Под ред. И. Ю. Чазова, В. Ю. Войтович. – Ижевск: изд-во ИЭиУ ФГБОУ ВО «УдГУ», 2019. – 115 с.

УДК 349.2

В.А. Комаров, канд. юрид. наук, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: gpd-dua@yandex.ru)

ПОНЯТИЕ ТРУДОВОГО СПОРА И ПРОБЛЕМЫ МЕХАНИЗМА ЕГО РАССМОТРЕНИЯ

В данной статье автор проводит анализ понятий «конфликт» и «спор» относительно трудовых правоотношений. Дает определение понятию «трудовой спор». Формирует представление о проблемах механизма рассмотрения трудовых споров в Донецкой Народной Республике. Анализирует содержание нормативных правовых актов, действующих в Донецкой Народной Республике относительно особенностей рассмотрения трудовых споров.

Ключевые слова: спор, конфликт, трудовой спор, конфликт права, конфликт интересов.

Komarov, V.A.

THE CONCEPT OF A LABOR DISPUTE AND PROBLEMS OF THE MECHANISM OF ITS CONSIDERATION

In this article, the author analyzes the concepts of «conflict» and «dispute» regarding labor relations. Defines the concept of «labor dispute». Forms an idea of the problems of the mechanism of consideration of labor disputes in the Donetsk People's Republic. Analyzes the content of regulatory legal acts in force in the Donetsk People's Republic regarding the specifics of the consideration of labor disputes.

Key words: *dispute, conflict, labor dispute, conflict of law, conflict of interests.*

Актуальность темы исследования. Мировой экономический кризис, противоречивые экономические, социальные и правовые реалии обострили проблемы, связанные с реализацией трудовых прав граждан. Вместе с демократизацией общества, изменением экономического курса, признанием различных форм собственности и многообразием хозяйствующих субъектов, Донецкая Народная Республика столкнулась с различными негативными явлениями – спадом производства и экономики, безработицей и тому подобное. Указанные явления вызывают нестабильность, неудовлетворенность в обществе, что часто становится причинами возникновения трудовых споров.

Кроме этого, современные реалии Донецкой Народной Республики заставляют констатировать наличие значительных пробелов в действующем законодательстве. Это обусловлено тем, что Донецкая Народная Республика находится на стадии становления как демократического, правового, социального государства. Следует заметить, что основы трудовых отношений установлены Кодексом законов о труде Украины в соответствии с ч. 2 ст. 86 Конституции ДНР, а также с п. 2 Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» (с изменениями).

Анализ научных исследований. Теоретическую основу настоящего исследования составляют труды в области трудового права, в частности, можно отметить таких ученых, как Н. Т. Вишневская, Д. М. Вишневский, Р. И. Капелюшников, И. Я. Киселев и другие.

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении понятия трудового спора и анализе проблем механизма его рассмотрения.

Изложение основного материала. Разновидностью юридических конфликтов являются трудовые конфликты, объектом которых выступают трудовые отношения и условия их обеспечения.

Необходимо указать, что современное трудовое законодательство оперирует термином «спор». По определению В. Даля, спор есть «словесное состязание, устное или письменное прение, где каждая сторона, опровергая мнение противника, отстаивает свое» [5, с. 234].

Схожее определение слова «спор» содержится в Современном словаре русского языка С. И. Ожегова, которое толкуется следующим образом: «словесное состязание, обсуждение чего-нибудь, в котором каждый отстаивает свое мнение; разногласие, разрешаемое судом» [10, с. 1091], т.е. именно состязание, а не столкновение.

Исходя из приведенных выше определений, очевидно, что спор не предполагает наличия острого противостояния субъектов, здесь речь, скорее, идет о несовпадении точек зрения, столкновении взглядов, а не личностей или коллективов, отсутствует эмоциональный компонент. Кроме того, в конфликтологии одной из важных характеристик конфликтов является острота противоречий между участвующими в нем сторонами, определяющая интенсивность конфликта, согласно которой выделяют конфликты низкой, средней и высокой интенсивности [4, с. 34].

В рамках темы исследования нас интересуют конфликты низкой интенсивности, протекающие в форме спора между оппонентами. Исходя из этого, можно заключить, что спор и конфликт соотносятся как часть и целое, а законодатель, заменив слово «конфликт» словом «спор», ориентирует стороны на уменьшение накала противостояния, разрешение его правовыми средствами на основе взаимодействия. Следовательно, отказ от применения термина «трудовой конфликт» в современном законодательстве представляется оправданным.

Природу трудовых споров отличает их структура, то есть совокупность элементов, составляющих объект. Однако, поскольку любой спор (конфликт) – это динамически взаимосвязанная система, процесс, растянутый во времени, то его структура – это совокупность устойчивых связей, обеспечивающих целостность спора (конфликта), функционирование его системы какое-то время в социальном пространстве [9, с. 121].

Структуру трудового спора как разновидности юридического конфликта можно представить в виде трех взаимосвязанных составляющих.

Субъектами конфликта могут выступать люди, личности и организации, социальные группы, самоуправляемые общины, органы власти и управления, бизнес-структуры, этносы, партии, государство. Субъектов трудовых споров можно определить в зависимости от вида спора. Так, индивидуальный трудовой спор возникает между работником и нанимателем, а также, как отмечает Н.С. Пилипенко, между нанимателем и лицом, ранее состоявшим в трудовых отношениях с этим нанимателем, или лицом, изъявившим желание заключить трудовой договор с нанимателем, и получившим необоснованный отказ в заключении трудового договора [11, с. 6].

Особенность юридического конфликта, по мнению М. И. Иншина, заключается в том, что он связан с реализацией или нарушением тех или иных норм права, а соответственно, и с прекращением, изменением или возникновением правовых отношений между его субъектами. Юридический

конфликт является высшей, наиболее цивилизованной формой социального конфликта [7, с. 72].

Особенностью трудовых конфликтов и споров, которая объединяет эти понятия, является то, что они возникают в процессе применения наемного труда. С правовой точки зрения, трудовыми конфликтами или спорами, называются споры между администрацией и работниками вследствие применения законодательства о труде или установления условий труда [6, с. 77].

В зарубежном праве трудовые споры рассматриваются как конфликты интересов (или экономические споры) и конфликты права (иначе юридические споры). Конфликты интересов могут быть урегулированы в согласовательном порядке, на основании компромиссов. Конфликты права появляются при нарушении трудовых отношений, установленных юридическими актами, как следует, в зарубежном законодательстве приоритет имеет понятие «трудовой конфликт» [6, с. 78].

Некоторые авторы отмечают, что трудовые разногласия, в зависимости от их предмета, могут быть двух видов – либо трудовыми конфликтами, либо трудовыми спорами. Термин «расхождение» является синонимом как для слова «спор», так и для слова «конфликт», из чего следует, что термин «трудовое расхождение» является общим, объединяющим понятием, указывающим на наличие различных позиций трудовых правоотношений или по установлению условий труда, или по применению норм трудового законодательства [12, с. 6].

На основе анализа понятий конфликта и спора можно заключить, что трудовой конфликт и трудовой спор тесно взаимосвязаны, а точнее трудовой спор вытекает из трудового конфликта. Это обусловлено тем, что, во-первых, конфликт, как уже отмечалось выше, – это противоположность интересов, взглядов, а противоположность, в свою очередь, – это неодинаковость, непохожесть взглядов и интересов. Во-вторых, расхождение – это понятие, которое охватывает разного рода противоречия и несогласованности. Если между работодателем и работником в процессе выполнения производственной деятельности возникают какие-либо разногласия – это означает, что у этих субъектов имеются неодинаковые взгляды, например, относительно продолжительности рабочего времени, когда работодатель считает, что установлена продолжительность рабочего времени в необходимой мере, которая способствует увеличению производства, а рабочий, в свою очередь, считает, что когда увеличивается рабочее время, то должно увеличиваться, как следствие, и вознаграждение за труд, размер которого при данных условиях работодатель менять не имеет желания. В данном случае возникает конфликт, который может быть законченным, если стороны с помощью переговоров придут к решению, которое будет вполне удовлетворять обе стороны конфликта. То есть, если стороны пришли к компромиссу, спор не возникает. Когда же стороны не достигают согласия по предмету конфликта, последний превращается в спор, так как конфликт интересов будет рассматриваться

органом, который был уполномочен на это, например, судом. Как известно, в судебном порядке всем гражданам предоставляется право осуществлять защиту своих интересов, которая строится на доказывании своей правоты и принципе состязательности, то есть, стороны словесно отстаивают свои интересы по поводу уже существующего предмета разногласий – спора.

Понятие «трудовой спор» должно использоваться, когда речь идет об урегулировании разногласий субъектов трудовых правоотношений юрисдикционным органом, а понятие «трудовой конфликт» должно использоваться лишь до передачи разногласий в указанный орган.

Превалирующей все же является точка зрения тех ученых, которые настаивают на правильности применения категории «трудовой спор», поскольку именно эта категория закреплена законодательно.

Вопрос о механизме правового регулирования порядка решения коллективных трудовых споров и конфликтов имеет довольно большое значение, поскольку быстрое и эффективное решение спора и конфликта, а также предупреждение их возникновения, в первую очередь, зависит от того, насколько совершенной и эффективной является правовая база, регулирующая процедуру разрешения спора.

Правовой основой решения коллективных трудовых споров являются положения Конституции Донецкой Народной Республики. Так, в ст. 1 Конституции Донецкая Народная Республика провозглашена социальным государством, в котором человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются наивысшей социальной ценностью. Социальная направленность является определяющей при осуществлении государственной политики в процессе реформирования экономики. Не последнее место при этом занимает защита социальных прав человека. Право на труд, право на объединение в профсоюзы с целью защиты трудовых и социально-экономических прав и интересов являются основными правами человека, получившими конституционное закрепление. При этом в Конституции также провозглашены гарантии реализации этих прав [2].

Согласно ст. 221 КЗоТ Украины, трудовые споры рассматриваются:

- 1) комиссиями по трудовым спорам;
- 2) районными, районными в городе, городскими судами.

При этом, отмечается, что такой порядок рассмотрения трудовых споров, возникающих между работником и собственником или уполномоченным им органом, применяется независимо от формы трудового договора [1].

Многие исследователи акцентируют внимание на том, что основным источником трудового права – Кодекс законов о труде, который был утвержден Верховной Радой Украины 10.12.1971 года и вступил в силу с 01.06.1972 года, был принят во времена командно-административной экономики и ориентирован на ситуацию, когда государство выступало и законодателем, и исполнителем собственных законов, а также практически единственным

работодателем. В соответствии с этим, данный кодифицированный акт не содержит положений, касающихся порядка разрешения коллективных трудовых споров, поскольку в это время коллективные споры не признавались и не регламентировались государством [8, с. 113].

Отсутствие кодифицированных актов как трудового, так и любого другого права усиливает гибкость трудового права, его динамику и реакцию на потребности и требования производства, отвечающего интересам экономической рентабельности, большей эффективности предпринимательства, но вместе с тем ослабляет защищенность наемных работников, затрудняет отдельным работникам, не владеющим тонкостями юриспруденции, применение трудовых норм в свою пользу.

Так, комиссия по трудовым спорам (далее КТС) является первичным (досудебным) органом по рассмотрению трудовых споров, возникающих между работником и работодателем (организацией, учреждением) за исключением споров, по которым законодательством установлен иной порядок их разрешения.

В случае наличия на предприятии (организации, учреждении) КТС, работник имеет право обратиться с соответствующим заявлением о нарушении норм трудового законодательства.

КТС рассматривает индивидуальные трудовые споры, возникающие между работником и работодателем, по вопросам применения законов и иных нормативных правовых актов о труде, коллективного договора, трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), если работник не урегулировал разногласия при непосредственных переговорах с работодателем.

Таким образом, при возникновении трудового спора, рассмотрение которого входит в компетенцию комиссии по трудовым спорам, созданной на предприятии, работник должен подать соответствующее заявление первоначально в КТС, где его рассматривают по существу. Если работник не согласен с вынесенным решением КТС, он может обжаловать его в суде. Согласно статье 39 Конституции ДНР каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [2]. Следовательно, даже если на предприятии функционирует КТС, работник имеет право выбора: обращаться для решения спора с заявлением в комиссию или непосредственно в суд.

Кроме того, при отсутствии КТС на предприятии (организации, учреждении), если права работника были каким-либо образом нарушены работодателем, работник вправе обратиться в Государственную инспекцию по соблюдению трудового законодательства Донецкой Народной Республики с письменной жалобой, в которой должны быть указаны нарушения трудовых прав, допущенные работодателем.

Согласно Положению о Государственной инспекции по вопросам соблюдения законодательства о труде Донецкой Народной Республики целью создания инспекции является обеспечение соблюдения трудового

законодательства на предприятиях, в учреждениях и организациях всех форм собственности [3].

Государственный департамент труда ДНР решает не только вопросы, возникающие в сфере социально-трудовых отношений, но и развивает эффективное взаимодействие между государством, работодателями и работниками. В связи с этим, Государственная служба труда обеспечивает соблюдение работодателями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права и охраны труда, а также осуществляет государственный надзор и контроль.

Развитие индивидуального трудового спора проходит несколько ступеней:

- действие (или бездействие) правообязанного субъекта трудового права по применению нормы трудового законодательства;
- различие в оценке сторонами действия (или бездействия);
- попытка сторонами самостоятельного урегулирования спора, посредством проведения переговоров;
- в случае отсутствия согласия в переговорном процессе перенесение разногласий в юрисдикционный орган, что означает возникновение трудового спора.

Следует отметить, что в действующем законодательстве о порядке разрешения индивидуальных трудовых споров отсутствует указание на то, что стороны спора обязаны попытаться разрешить возникшие разногласия самостоятельно в переговорном процессе, в частности:

- не установлен запрет на обращение работника в комиссию по трудовым спорам или в суд, если он не пытался урегулировать разногласия с нанимателем;
- не закреплены обязанности нанимателя принимать участие в урегулировании разногласий;
- не предусмотрены меры ответственности за отказ в подобном участии.

По-иному в законодательстве решается вопрос относительно момента возникновения коллективных трудовых споров. Моментом возникновения коллективного трудового спора считается дата отказа нанимателя в удовлетворении всех или части требований работников.

Выводы. Обобщая результаты проведенного анализа, можно подвести итоги:

1) Трудовой спор является видом социального конфликта. Он обладает собственной структурой, обусловленной природой данного правового явления. Все структурные элементы спора тесно взаимосвязаны между собой: «изъятие» любого из них либо полностью исключает наличие спора, либо существенным образом трансформирует его характер.

2) Спор и конфликт соотносятся как часть и целое, а законодатель, заменив слов «конфликт» словом «спор», ориентирует стороны на уменьшение накала противостояния, разрешения его правовыми средствами на основе

взаимодействия. В связи с этим, представляется целесообразным отказ от применения термина «трудовой конфликт» в современном законодательстве.

3) В целях придания трудовому спору процессуально-правового характера значимым с юридической точки зрения является определение момента его возникновения, с которым автор связывает дату создания представителями сторон спора примирительной комиссии.

Список литературы

1. Кодекс законов о труде Украины: [утверждён Законом Украины от 10.12.71 № 322-VIII]. URL: [https:// zakon.rada.gov.ua/laws/show/322-08#Text](https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/322-08#Text) (дата обращения: 11.10.2021).
2. Конституция Донецкой Народной Республики [принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики. Протокол № 1 от 14 мая 2014 года]. URL: <http://dnr-online.ru> (дата обращения: 11.10.2021).
3. О создании Государственной инспекции по вопросам соблюдения законодательства о труде Донецкой Народной Республики [Указ Главы Донецкой Народной республики от 04.06.2015 № 234]. URL: http://gostrud-dnr.ru/documents/polozhenie_gostrud_dnr.pdf (дата обращения: 11.07.2021).
4. Беленцов С. И. Конфликтология: учебное пособие / С. И. Беленцов, Т. Ю. Копылова. – Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2014. – 185 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль; под ред. проф. И. А. Бодуэна дэ Куртэне. – 3-е изд., испр. и значительно доп. – Москва: Товарищество М.О. Вольфа, 1909. – Т. 4. – 855 с. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01003972232?page=234&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 21.10.2021).
6. Жданова О. С. Правовая сущность понятий «трудовой спор», «трудовой конфликт» и их соотношение / О. С. Жданова, С. А. Жданов // Актуальные проблемы права: теория и практика. – 2016. – № 34. – С. 70-82.
7. Иншин М. И. Трудовые конфликты и трудовые споры в системе социальных отношений / М. И. Иншин // Форум права. – 2006. – № 2. – С. 71-75.
8. Кабанец В. О. Шляхи вдосконалення національного законодавства, що регулює трудові спори / В. О. Кабанец // Право і Безпека. – 2005. – Т. 4, № 3. – С. 113-117.
9. Лукин Ю. Ф. Конфликтология: управление конфликтами: Management of the conflicts: учебник для вузов / Ю. Ф. Лукин. – Москва: Академический Проект; Гаудеамус, 2007. – 799 с.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 100 000 слов, терминов и выражений / С. И. Ожегов. – М.: Мир и Образование, 2015. – 1376 с.
11. Пилипенко Н. С. Правовое регулирование досудебного рассмотрения индивидуальных трудовых споров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Пилипенко Наталия Сергеевна. – Минск, 2015. – 27 с.

12. Трудові спори та порядок їх розгляду: навч. посіб. / авт.: П. А. Бущенко, А. М. Слюсар, Н. М. Швець; за заг. ред. В. В. Жернакова. – Харків: Нац. ун-т «Юрид. акад. України ім. Ярослава Мудрого», 2013. – 110 с.

УДК 344.3

С.Ю. Леонов, аспирант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: leonovst@mail.ru)

Н.Н. Трофимов, Донецкий национальный университет (г. Донецк)

(e-mail: rkpuvdy@yandex.ru)

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье проанализирована история становления и развития военнослужащего как специфического субъекта права, его отражение в нормативных правовых актах Донецкой Народной Республики. Высокая значимость данного вопроса заключается в правильном его понимании военнослужащими, военными юристами и учеными-правоведами.

Ключевые слова: *служивые люди, военнослужащий, военная служба, вооруженная защита государства, беспрекословное выполнение приказа.*

Leonov, S.Yu.,

Trofimov, N.N.

ON THE ISSUE OF THE STATUS A SERVICEMAN: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The article analyzes the history of formation and development of serviceman as a specific subject of law, his reflection in the normative legal acts of the Donetsk People's Republic. The high importance of this issue lies in its correct understanding by military personnel, military lawyers and legal scholars.

Key words: *-serving people, a serviceman, military service, armed defense of the state, unquestioning execution of an order.*

Актуальность темы исследования заключается в том, что вопрос об историческом и правовом аспекте понятия военнослужащего как специфическом субъекте права является актуальным как для самих военнослужащих, так и иных лиц, в том числе в правоприменительной практике. Историческое прошлое, настоящее и будущее указывают нам на необходимость детального изучения данного вопроса.

Целью статьи является рассмотрение актуального вопроса: понятие военнослужащего, его исторические корни, а также правовое положение военнослужащего в прошлом и в настоящее время.

Анализ научных исследований показывает, что теме о понятии военнослужащего, его исторического и правового аспекта хоть и уделялось

внимание со стороны ученых-правоведов, однако его специфика не является глубоко изученной.

Изложение основного материала. Конституция Донецкой Народной Республики (ч. 1 ст. 52) возлагает на граждан обязанность и долг по защите Отечества. Институт защиты Отечества реализуется различными правовыми средствами, в том числе учреждением военной службы как особого вида государственной службы. Проблема сотрудничества государства и граждан в вопросах прохождения военной службы требует своевременного решения и приобретает особый характер в связи с формированием верховенства права и гражданского общества в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР), а также сохранением военных угроз.

В ДНР осуществляется комплекс мер по совершенствованию государственного механизма, включая ту ее часть, в которой граждане проходят военную службу. Военнослужащие играют ключевую роль в обороне и безопасности государства и, следовательно, в построении общества, основанного на демократии и праве. В процессе военного строительства повышается эффективность и улучшаются условия военной службы, решаются вопросы совершенствования законодательства в этой области, которые реализуются на научной основе. В этом отношении актуальность научных исследований в этой области очевидна.

Вопросу об определении понятия военнослужащего, его статуса уделяли большое внимание многие ученые, среди которых можно назвать таких как Д. Н. Артамонов, В. К. Белов, П. Р. Бобровский, А. Ф. Воронов, А. М. Добровольский, В. А. Кучинский и А. И. Тюрин.

В русском языке термин «служащий» обозначает человека, находящегося на службе.

Военнослужащий – это человек, проходящий военную службу, предназначенный для решения задач в области безопасности и обороны государства.

В наше время военнослужащие представляют собой социальную группу, состоящую из отдельных субъектов права, выполняющих определенные социально необходимые функции. Одновременно они выполняют обязанности (общие, должностные и специальные) в созданных и действующих государственных органах и организациях, в которых законом предусмотрена военная служба.

История возникновения и развития государств неразрывно связана с появлением у них вооруженных сил (вооруженных отрядов), «воинов», «служивых людей», а затем и военнослужащих.

В структуре социально-политических отношений древних восточных государств важную роль стала играть верховная власть во главе с царем. Концентрация власти в руках одного человека оказала свое влияние на систему управления вооруженными силами государств. Верховный правитель

единолично решал все вопросы военного строительства и часто сам становился во главе армии.

Точно определить дату появления профессии «военный» невозможно. Самыми древними представителями этой профессии были вожди племен, которые защищали свои территории и свой народ от захватчиков.

В последующем, по мере развития государства как общественно-политической структуры, военные формирования постепенно реформировались: профессиональные или на безоплатной основе.

Самые ранние сведения о военных событиях можно найти в памятниках письменности стран Древнего Востока (VI-I в. до н. э.).

По мере развития армий Древнего Востока в их составе наблюдалась постоянная тенденция к профессионализации. Так, например, на ранних этапах развития египетского государства (период Древнего Царства) большинство войск составляли ополченцы из свободных общин, собранные в регионах страны.

Боевая подготовка армии Древнего Востока была основана на улучшении индивидуальной подготовки бойцов к бою с метательным и холодным оружием, управлением колесницей и т. д. Обучение состава армии преследовало две цели: добиться безусловного послушания воина и сформировать у него моральные и психологические качества, позволяющие ему сражаться с полным напряжением физических сил.

Интересные сведения о воспитании китайских солдат содержатся в знаменитом трактате полководца Сунь-цзы о военном искусстве. Он подчеркивает, что высокая подготовка воинов и военная дисциплина являются ключом к победе.

Обширный материал по вопросам военного искусства содержат труды историков Древней Греции (Геродот, Ксенофонт, Плутарх) и Древнего Рима (Тит Ливий, Иосиф Флавий, Юлий Цезарь).

В определенный период исторического развития у государства возникла необходимость введения воинской обязанности, при этом появились и новые правовые отношения граждан и государства.

Разделение свободного населения на четыре имущественные категории легло в основу формирования войск, в частности, в Древней Греции. Первоначально армии были сформированы в соответствии с системой милиционной или ополченской: каждый свободный человек в возрасте от 18 до 60 лет считался обязательным и должен был по требованию государства (руководителей) проходить военную службу. Ему приходилось закупать оружие и снаряжение за свой счет. Граждане первых двух самых богатых классов служили в кавалерии. Из людей среднего достатка комплектовалась тяжелая пехота. Бедняки служили в легкой пехоте или на флоте. Значительное внимание в древнегреческих государствах уделялось обучению и воспитанию воинов.

После распада Римской Империи в V веке в Европе, Византии, во многих странах Азии и Африки возникли первые феодальные государства. Основной силой их армий было народное ополчение, ядром которого был феодальный отряд. Основной же причиной появления официальной военной профессии было формирование государства с законодательством и системой правления. Но люди, возглавлявшие отдельные вооруженные группы, существовали до образования цивилизованного государства. Образование крупных централизованных государств, развитие ремесел и мануфактур привели к радикальным изменениям в организации и вооружении армии, которая теперь набиралась в основном в период войны.

В Древнерусском государстве, где основная часть населения состояла из зависимых крестьян и свободных общин, постепенно консолидировавшихся в процессе феодализации, армия состояла уже не из всего народа, а только из его части. Постоянным ядром Киевской Руси была дружина князя. В случае военной опасности созывалось ополчение «свободных» людей – крестьян и горожан. Народное ополчение продолжало сохранять большое значение. Оно участвовало во всех больших войнах против внешних врагов – печенегов, половцев. Только благодаря поддержке народных масс были возможны грандиозные походы и победы русского войска.

Основой русского войска XV века стал великокняжеский двор, состав которого был из мелких служивых людей. С течением времени великокняжеский двор значительно увеличился и превратился в великокняжеское войско.

Второй составной частью этого войска являлись «городовые полки». Они набирались из горожан. Их основу составляла «московская рать», т. е. войска, укомплектованные ремесленниками, купцами и представителями других слоев жителей Москвы.

Третьей частью войска была «рубленая рать», т. е. рать, собранная с определенного количества сох. Эта рать называлась также «посошной ратью» и ее выставляло сельское население по установленному расчету.

Четвертой составной частью русского войска были казачьи войска. Уже со второй половины XIV века они несли службу по Хопру и Дону, Быстрой и Тихой сосне и другим рекам. Возникла линия укрепленных городов, обороняемая «городовыми казаками». Сторожевую службу несли станичные казаки. Для станичной службы выставлялся один воин с 20 дворов. Летописи отмечали также «засечную стражу», оборонявшую пограничные укрепления.

Пятая составляющая армии состояла из наемных отрядов иностранцев.

Впервые «служилые люди» упоминаются в период Великого княжества Московского: так называли дворян, связанных с великим князем обязанностью служить ему, «нести военное дело».

В соответствии с «Уложением о службе» 1555 года, «Судебником» Ивана IV (1559 год), «Соборным уложением» Алексея Михайловича (1649 год)

«служилые люди» («ратные люди») находились на «государевой службе», за что получали землю и «государево жалованье».

Впоследствии в России появилась новая категория служащих, которых набирали «по прибору» (по набору). Им не давали за службу земли и поместья, а получали они из казны денежное и хлебное жалованье, одежду и обувь, «доспехи и снаряжение». К ним относились стрельцы, пушкарки, казаки.

Труды Петра I и его соратников («Учреждения в бою», «Правила сражения», «Устав воинский»), обобщающие боевой опыт российской армии, излагали идеи о способах обучения войск и их организационной структуре, внесли значительный вклад в развитие военного искусства в России.

Основу государственной службы, в отличие от службы государю, в том числе и в военной области, заложила таблица чинов, введенная Петром I «табель о рангах ...» 1722 года, согласно которой все должности, в том числе военные, были разделены на 14 классов, или чинов.

Возникают и развиваются государства, а вместе с ними появляются и «служивые люди», вооруженные силы, «воины», а в дальнейшем и военнотружущие.

«Есть такая профессия – Родину защищать», – говорят про военных. И так, кто является военнотружущим в соответствии с законодательством ДНР?

Конечно, это общее описание, потому что деятельность военнотружущих заключается не только в том, чтобы держать оружие в руках, есть еще военные врачи, юристы, журналисты. Обязанности военнотружущего зависят от занимаемой им должности, а должность, которую он получил – от воинского звания, стажа и опыта службы.

Все граждане ДНР в соответствии с ч. 4 ст. 25 Конституции ДНР имеют равный доступ к военной службе как к виду государственной службы. Согласно п. 1 ст. 21 и пункт 2 ст. 32 Закона ДНР от 13.02.2015 № 08-ИНС «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Закон № 08) на военную службу призываются граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, а первый договор о военной службе могут заключать граждане обоего пола в возрасте от 18 до 55 лет. Военнотружущий, впервые поступивший на военную службу, принимает Военную присягу. Приведение к Военной присяге имеет важное юридическое значение, поскольку именно с ним связано полное возложение обязанностей по военной службе [1].

В силу ст. 2 Закона № 08 военную службу граждане проходят в Вооруженных силах ДНР и внутренних войсках Министерства внутренних дел ДНР, в инженерных, дорожно-строительных воинских формированиях при органах государственной исполнительной власти, Министерстве государственной безопасности, органах государственной охраны и Государственном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти ДНР, спасательных воинских формированиях республиканского органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере гражданской обороны, чрезвычайных

ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах и создаваемых на военное время специальных формированиях [2].

Перечень лиц, являющихся военнослужащими, определен в п. 1 ст. 2 Закона ДНР от 13.02.2015 № 09-ІНС «О статусе военнослужащих» (далее – Закон № 09). К ним относятся граждане, проходящие военную службу: в качестве офицеров, прапорщиков, солдат и сержантов в Вооруженных силах ДНР; Государственной пограничной службе при Министерстве государственной безопасности ДНР; во внутренних войсках Министерства внутренних дел ДНР; в органах государственной охраны; в Службе внешней разведки ДНР; в спасательных воинских формированиях республиканского органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах; курсанты военных образовательных организаций профессионального образования, проходящие военную службу по контракту или до заключения с ними контракта; в других воинских формированиях, созданных в соответствии с законодательством ДНР [3].

Граждане, находящиеся в запасе и призванные на военные сборы, не являются военнослужащими, хотя в некоторых случаях они по своему правовому статусу приравниваются к военнослужащим (п. 2 ст. 2 Закона № 09). Формализация их статусом военнослужащих происходит не полностью и исключительно в целях социально-правовой защиты в случае возникновения неблагоприятных последствий при прохождении ими военных сборов (например, посягательств на жизнь и здоровье).

Таким образом, в соответствии с законодательством ДНР понятие «военнослужащий» имеет следующие характеристики: во-первых, военнослужащим является физическое лицо, гражданин в возрасте не менее 18 лет (за исключением отдельных случаев не менее 16 лет – п. 1 ст. 33 Закона № 08), призванный или поступивший на военную службу гражданином, который становится участником правоотношений по военной службе; во-вторых, военнослужащий должен соответствовать требованиям законодательства о военной службе; в-третьих, военнослужащий получает воинское звание в установленном порядке; в-четвертых, военнослужащий выполняет функции в государственных органах и организациях, в которых законом предусмотрена военная служба, в административно-политической сфере (оборона и безопасность); в-пятых, военнослужащий приносит присягу на верность государству.

Особенности военной службы: установлено единоначалие, подчиненность (субординация), твердая воинская дисциплина, составляющие существо воинской службы, которые основаны на статьях 34 и 43 Устава внутренней службы Вооруженных Сил ДНР, утвержденного Указом Главы ДНР от 23.06.2017 № 164, в соответствии с которыми по своему служебному и

военному положению военнослужащие по отношению к другим могут быть начальниками и подчинёнными. Приказ начальника должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок.

Законом № 09 устанавливаются основы статуса военнослужащих в ДНР. При этом в соответствии с Законом № 08 военнослужащими являются граждане, проходящие военную службу (п. 3 ст. 2). Субъектами государственно-правовых отношений, относящихся к военной службе, является, с одной стороны, государство, представленное Вооруженными Силами, другими войсками, военными формированиями и органами, в которых законом предусмотрена военная служба, с другой – граждане, проходящие военную службу и тем самым выполняющие конституционное обязательство по защите Родины, то есть военнослужащие.

Особенности военной службы, которые выделяют его особый вид государственной службы, определяют наличие черт правового статуса военнослужащего как специфического субъекта права, прямо предусмотренных п. 2 ст. 1 Закона № 09: «На военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита ДНР, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни. В связи с особым характером обязанностей, возложенных на военнослужащих, им предоставляются льготы, гарантии и компенсации».

Правовой статус военнослужащего как конкретного субъекта права включает в себя все права, свободы, гарантируемые государством, а также обязанности и ответственности, юридически закрепленные Конституцией и законодательством ДНР в целях выполнения этой категорией лиц военной службы в военной организации государства.

Основные способы формирования вооруженных сил отдельных иностранных государств военнослужащими.

В Китайской Народной Республике (далее – КНР) имеется Народно-освободительная армия Китая (НОАК), которая укомплектовывается смешанным образом: по призыву на военную службу и на контрактной основе. Тем не менее, набор граждан на обязательную военную службу по-прежнему является приоритетом при наборе в эти вооруженные силы. В соответствии со ст. 55 Конституции страны «защита Родины и сопротивление агрессии являются священной обязанностью каждого гражданина КНР. Прохождение военной службы и участие в народном ополчении – почетная обязанность гражданина КНР в соответствии с законом». В соответствии с действующим законодательством все граждане КНР мужского пола в возрасте от 18 до 35 лет являются военнослужащими. Призыву на действительную военную службу подлежит лицо мужского пола, которому в год призыва исполнилось 18 лет. Кроме того, женщины в возрасте от 18 до 22 лет могут быть набраны или приняты на военную службу по собственному желанию. Срок обязательной военной службы составляет 2 года.

Корейская Народная Армия (далее – КНА) – это армия Корейской Народно-Демократической Республики (далее – КНДР). КНА включает в себя сухопутные, воздушные и зенитные войска, военно-морские силы, ракетные силы стратегического назначения и тактические силы специального назначения. По разным оценкам, общее количество военнослужащих в армии составляет около 1 миллиона человек. В КНА военная служба является обязательной как для мужчин, так и для женщин, а граждане призываются в возрасте с 17 лет. Срочная военная служба длится 10 лет для мужчин и 3 года для женщин (КНДР является одной из немногих стран, где женщины проходят военную службу наравне с мужчинами). Большинство войск находится в демилитаризованной зоне на границе с Южной Кореей, поскольку страна находится в состоянии временного перемирия после окончания Корейской войны в 1953 году, а вооруженные силы находятся в состоянии постоянной боевой готовности.

Добровольное поступление в вооруженные силы осуществляется в США, Франции, Великобритании. Опыт ведущих западных стран показывает, что переход на добровольный набор вооруженных сил на контрактной основе является чрезвычайно сложным процессом, связанным с решением ряда политических, военных, социальных и других проблем.

Полная профессионализация вооруженных сил в Великобритании требует значительных затрат. Набор на военную службу осуществляется путем поступления добровольцев в возрасте от 17,5 до 33 лет. Вооруженные силы Французской Республики полностью состоят из добровольцев с 2002 года. Граждане в возрасте от 18 до 32 лет принимаются на действительную военную службу в качестве добровольцев. Вооруженные силы Соединенных Штатов полностью укомплектованы путем набора добровольцев. Переход на профессиональную армию был вызван войной во Вьетнаме, проигранной Соединенными Штатами. Мужчины и женщины в возрасте от 17 до 40 лет могут поступить на военную службу с учетом их соответствия требованиям по состоянию здоровья и квалификации.

Выводы. Возникновение и развитие государств всегда связана с появлением у них вооруженных сил, «воинов», «служивых людей», а в настоящее время и военнослужащих.

Военнослужащие – это социальная группа, состоящая из отдельных субъектов права, выполняющих определенные социально необходимые функции и задачи в созданных и действующих государственных органах и организациях, в которых законом предусмотрена военная служба.

Основным условием, определяющим понятие военнослужащего, является поступление гражданина на военную службу и, как следствие, зачисление его в орган, учреждение или организацию, в которой законом предусмотрена военная служба, на определенную военную должность, а также прохождение военной службы в воинском звании.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/> – (дата обращения 16.11.2021).
2. Закон Донецкой Народной Республики от 13.02.2015 № 08-ІНС «О воинской обязанности военной службе» (ред. от 17.09.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/> – (дата обращения 16.11.2021).
3. Закон Донецкой Народной Республики от 13.02.2015 № 09-ІНС «О статусе военнослужащих» (ред. от 17.09.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/> – (дата обращения 16.11.2021).
4. Артамонов Д. Н. Общевоинские уставы – свод правил поведения и деятельности военнослужащих / Д. Н. Артамонов, Ф. И. Побежимов. – Москва, 1964. – С. 122-123.
5. Белов В. К. Военное право: Учебник / В. К. Белов, А. Ф. Воронов, Е. Н. Голенко – Москва: «За права военнослужащих», 2006. – С. 383-384.
6. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва, 1967. – № 42. – С. 551-552.
7. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России / Л. Д. Воеводин. – Москва, 1997. – С. 30-31.
8. Добровольский А. М. Военно-административные законы. Военная служба. Конспект лекций (по изданию 1905 года) / А. М. Добровольский – Санкт-Петербург, 2004. – С. 8-9.
9. Золотарев В. А. На пути к регулярной армии России. От славянской дружины к постоянному войску / В. А. Золотарев, Ю. П. Квятковский – Санкт-Петербург: Logos, 2000. – С. 124-125.
10. Кучинский В. А. Личность, свобода, право / В. А. Кучинский – Москва, 1978. – С. 114-115.
11. Стариков Ю. Н. Служебное право: Учебник / Ю. Н. Стариков – Москва: БЕК, 1996. – 698 с.
12. Теория государства и права: Курс лекций / [Н. И. Матузов и др.]; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Москва: Юристъ, 2002. – 245 с.

УДК 327.5

Н.Е. Мазина, канд. полит. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: mazina_nataliya@mail.ru)

И.А. Копыл, правозащитник, ОО «Справедливая защита» (г. Донецк)

(e-mail: kop.iva@yandex.ru)

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ДОНБАССЕ

В статье проанализированы перспективы привлечения к ответственности субъектов вооруженного конфликта в Донбассе, виновных в нарушении норм международного гуманитарного права. Рассматриваются понятия «вооруженный конфликт», «внутригосударственный вооруженный конфликт», «субъект вооруженного конфликта».

Ключевые слова: *внутригосударственный вооруженный конфликт, субъект вооруженного конфликта, государство, индивид, привлечение к ответственности, международное гуманитарное право, Женевские конвенции.*

Mazina, N.E.,

Kopyl, I.A.

PROSPECTS OF BRINGING THE SUBJECTS OF THE ARMED CONFLICT IN DONBASS TO JUSTICE

The article analyzes the prospects for bringing to justice the subjects of the armed conflict in Donbass, guilty of violating the norms of international humanitarian law. The concepts of «armed conflict», «internal state armed conflict», «subject of an armed conflict» are considered.

Key words: *intrastate armed conflict, subject of armed conflict, state, individual, accountability, international humanitarian law, Geneva Conventions.*

Актуальность темы исследования. Вооружённый конфликт, начавшийся в апреле 2014 года на юго-востоке Украины, является классическим для эпохи «новых войн» и попадает под определение «немеждународный (внутригосударственный) вооруженный конфликт». Однако в реалиях глобального мира любой вооружённый конфликт затрагивает интересы основных геополитических игроков, на том или ином уровне связан с вмешательством иностранных государств, и как следствие интернационализируется. Кроме этого, до настоящего время не сформирована доктринальная дефиниция интернационализированных вооруженных конфликтов (ИВК), защита и правовая помощь, предоставляемая жертвам ИВК, является минимальной, а привлечение к ответственности субъектов, допустивших в ходе конфликта нарушение норм международного гуманитарного права, применяется избирательно и в единичных случаях.

По статистике, внутригосударственные вооружённые конфликты является самыми распространёнными в современном мире. Так, из опубликованной в ежегодном отчёте Уппсальской программы данных о

конфликтах (UCDP) следует, что за период с 2005 до 2015 годы: «Из 50 активных конфликтов только один имел межгосударственный характер (конфликт между Индией и Пакистаном). Борьба в рамках остальных (внутригосударственных) конфликтов велась за власть (19 конфликтов), территорию (29 конфликтов) или то и другое одновременно (1 конфликт)» [3, с. 197]. Все вышеперечисленное в свете проявляющихся новых правовых очертаний различных типов современных вооруженных конфликтов, с учетом обозначившейся тенденции к расширению сферы применения МГП на внутригосударственные вооружённые конфликты обуславливает актуальность исследования в рамках заявленной проблематики.

Целью статьи является рассмотрение понятия «внутригосударственный вооруженный конфликт» в контексте оценки перспектив привлечения к ответственности субъектов вооруженного конфликта в Донбассе, виновных в нарушении норм международного гуманитарного права.

Анализ научных исследований. Понятия «внутригосударственный (немеждународный) вооруженный конфликт», «субъект вооруженного конфликта», проблемы нарушения прав человека и вопросы применимости к внутригосударственному вооруженному конфликту норм международного гуманитарного права представлены в научных трудах и публикациях таких отечественных ученых, как И. Н. Арцибасов, К. А. Бекашев, А. В. Герасимов, А. М. Джалилова, М. С. Ветрюк, Ю. М. Колосов, А. В. Лельков, С. В. Маликов, Е. А. Морозова, Б. А. Смирнов, М. А. Рыльская, А. И. Рыжов, Б. Р. Тузмухамедов и других.

Перспективы привлечения государств к международной ответственности за нарушения норм международного гуманитарного права проанализированы в работах российского ученого, юриста-международника К. Л. Сазоновой [12].

Эксперт по международной военной политике и военно-техническому сотрудничеству Института проблем безопасности СНГ Б. А. Смирнов в своих научных публикациях рассмотрел различные международно-правовые и политические подходы к квалификации внутригосударственного вооруженного конфликта [14].

В ряде научных трудов выдающегося советского и российского юриста-международника Б. Р. Тузмухамедова представлены дефиниции понятия «вооруженный конфликт» и Международно-правовая классификация вооруженных конфликтов [15].

Изложение основного материала. Международное гуманитарное право делит вооружённый конфликт на два типа: международный и немеждународный (внутригосударственный). При этом в современной правовой доктрине существует множество синонимов, обозначающих последний: вооружённый конфликт немеждународного характера, внутренний вооружённый конфликт, внутригосударственный вооружённый конфликт и т.д.

В рамках представленной работы мы будем использовать термин «внутригосударственный вооруженный конфликт», на наш взгляд наиболее полно подходящий для реализации поставленной цели.

Договорное международное гуманитарное право устанавливает также различие между немеждународными вооруженными конфликтами по смыслу общей ст. 3 Женевских конвенций 1949 г. и немеждународными вооруженными конфликтами, подпадающими под определение, данное в ст. 1 Дополнительного протокола II [16]. Следует пояснить, что в ст. 3 рассматривается внутригосударственный вооруженный конфликт, который может протекать как между правительством и вооруженными группами, так и только между вооруженными группами.

В дополнительном протоколе II рассматривается более узкое определение, предполагающее вооруженное противостояние только между правительственными вооруженными силами с одной стороны и «антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами», при этом необходимым условием является контроль со стороны вооруженных групп над частью территории, который позволяет осуществлять непрерывные и согласованные военные действия, а также применение ими Протокола II [4, с. 17].

Деление вооруженных конфликтов на международные и немеждународные сложилось исторически в результате того, что правительства не желают, чтобы международное право регулировало их действия по поддержанию правопорядка и безопасности внутри государства. Именно поэтому вооруженный конфликт в классическом праве войны рассматривался именно как международный (между государствами). Немеждународные же конфликты оставались в области национального права [7, с. 63].

Включение в Женевские конвенции 1949 года общей для всех конвенций ст. 3, где было зафиксировано понятие «немеждународный вооруженный конфликт», стало одним из самых значительных шагов в развитии международного гуманитарного права. Как следствие, организованные вооруженные группы стали считаться «сторонами» в вооруженном конфликте со своими собственными обязанностями в области международного гуманитарного права независимо от любого формального признания состояния войны противостоящим государством. Однако договаривающиеся государства подчеркивали, что применение положений общей ст. 3 «не будет затрагивать юридического статуса находящихся в конфликте сторон» [6, с. 18].

Важным критерием, определяющим возможность применения норм международного гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта, является уровень насилия в ходе противостояния сторон. Например, для возникновения ситуации международного вооруженного конфликта достаточно применения силы с враждебным намерением одним государством против другого. Здесь следует подчеркнуть, что именно враждебное намерение

остаётся по умолчанию предпосылкой развития международного вооруженного конфликта. Другими словами, международное гуманитарное право не может применяться в тех случаях, когда вред причинен неумышленно или в результате насилия со стороны отдельных лиц, действующих без одобрения или молчаливого согласия государства, которое они представляют [7, с. 68].

В случае внутригосударственных вооружённых конфликтов проблему следует рассматривать сквозь призму государственного интереса. Каждое государство в рамках своей территории обладает монополией на насилие, применяемое им с правоохранительной целью. И если возникают случаи вооружённого насилия между государством и вооружённой группой, либо между вооружёнными группами, эти меры противодействия остаются в юрисдикции национального права до тех пор, пока уровень насилия не достигнет определённого уровня интенсивности.

Общий перечень субъектов международного гуманитарного права достаточно широк. Как отмечает профессор К. А. Бекашев: «международное гуманитарное право может применяться ко всем субъектам международного права: государствам и государственно-подобным образованиям, международным организациям; национально-освободительному движению, противоборствующим сторонам во внутреннем вооруженном конфликте; индивидам» [2, с. 753]. Кроме того, следует отметить, что международное гуманитарное право распространяет своё действие как на представителей государственной власти, так и на частных лиц. Так, американский военный трибунал в Нюрнберге заявил: «законы и обычаи войны связывают частных лиц не в меньшей степени, чем официальных лиц из состава правительства и военный персонал» [9, с. 173].

Исходя из определения внутригосударственного вооружённого конфликта, представленного выше, можно выделить два основных субъекта внутригосударственных вооружённых конфликтов, способных нести ответственность за нарушение норм международного гуманитарного права: государство и индивид. Причём за нарушение норм международного гуманитарного права для государства предусмотрена международно-правовая ответственность и уголовная ответственность для физических лиц [13, с. 167].

Принципы ответственности государства за нарушения норм международного гуманитарного права наиболее полно изложены в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее Проект статей), принятом Комиссией международного права на ее пятьдесят третьей сессии в 2001 году и представленный Генеральной Ассамблее ООН в качестве части доклада Комиссии о работе этой сессии [19, с. 26–143]. Данные статьи получили очень широкую поддержку и применялись на практике, в том числе и Международным Судом ООН [6].

Для того чтобы нарушения права попадали под межгосударственные нормы, они должны заключаться в действиях, которые приписываются государству. В противном случае нарушения права могут повлечь

индивидуальную уголовную ответственность, и именно эта вторая возможность отличает международное гуманитарное право от большинства других областей международного права [6, с. 167].

Деянием государства является «поведение любого из его органов, независимо от занимаемого им места в системе государства, при условии, что он действует в своем официальном качестве» [17]. При этом государству присваивается и поведение лица или образования, не являющегося органом государства, если они уполномочены осуществлять элементы государственной власти. Важно отметить, что Международный суд ООН определяет данный тезис как норму обычного права [17]. Превышение отдельным государственным органом своих полномочий не освобождает государство от ответственности. Каждое государство должно принять все законодательные, административные и иные меры к тому, чтобы нормы международного права, закрепленные в конвенциях и соглашениях, выполнялись всеми государственным органами и конкретными лицами (например, военнослужащими) [1].

Привлечь государство к международной ответственности можно посредством Международного суда ООН – главного органа международного правосудия, обладающего компетенцией судить государства. Заметим, что сделать это в случае внутригосударственного вооруженного конфликта вообще, и вооруженного конфликта в Донбассе в частности, достаточно затруднительно, поскольку решения Международного суда ООН для государств имеют лишь рекомендательный характер. Кроме того, Международный суд ООН вправе рассматривать дело лишь в том случае, если соответствующие государства дали согласие на то, чтобы стать стороной разбирательства в Суде (принцип согласия сторон). Нам представляется сомнительным, что государство Украина согласится рассматривать в этой инстанции данный внутригосударственный вооруженный конфликт.

Индивидов возможно привлечь к ответственности в рамках создаваемых по решению Совета Безопасности ООН международных трибуналов, а также в рамках Международного уголовного суда [12, с. 43].

Правительство Украины подало два заявления (17 апреля 2014 года и 8 сентября 2015 года) о признании юрисдикции Международного уголовного суда в отношении преступлений, предположительно совершенных на территории страны. Рассмотрев данные заявления, Прокурор Международного уголовного суда г-жа Фату Бенсуда пришла к выводу, что «на основании двух заявлений правительства Украины в соответствии с пунктом 3 статьи 12 Статута, представленных 17 апреля 2014 года и 8 сентября 2015 года соответственно, Суд может осуществлять юрисдикцию в отношении преступлений, предусмотренных Римским статутом и совершенных на территории Украины начиная с 21 ноября 2013 года и далее» [18].

Данный факт даёт возможность привлечь к индивидуальной ответственности физических лиц, виновных в нарушении норм международного гуманитарного права.

Однако из Римского статута Международного уголовного суда следует, что суд дополняет национальную юрисдикцию государства. И рассмотрение дела в суде возможно лишь тогда, когда «государство не желает или не способно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом» [11].

На территории, подконтрольной украинскому правительству, правосудие в делах, связанных с конфликтом, не осуществляется должным образом, о чем подробно рассказано в отчёте Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека «Права человека в отправлении правосудия в уголовных делах, связанных с конфликтами в Украине: апрель 2014 года – апрель 2020 года» [8]. Отмечается пристрастное отношение со стороны органов правосудия к фигурантам, относящимся к «пророссийской» стороне конфликта и наоборот – неспособность системы вершить правосудие в делах, где фигурантами выступают «проукраински» настроенные граждане.

Кроме того, представители украинских радикальных националистических группировок осуществляли нападение на судей (в отчёте задокументировано 12 подобных случаев), на фоне полного бездействия органов правопорядка. Со стороны органов прокуратуры и СБУ оказывалось давление на судей. Так, в отчёте Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека было задокументировано 7 подобных случаев. Более того, наблюдатели отметили связь между прокуратурой и СБУ с одной стороны и радикальными националистами с другой.

Всё вышеописанное даёт основания усомниться в способности украинского государства возбудить и расследовать должным образом уголовные дела, связанные с нарушениями международного гуманитарного права в ходе внутригосударственного вооруженного конфликта в Донбассе.

При этом на территории Донецкой и Луганской Народных Республик расследование органами власти украинского государства провести невозможно, а доказательства, собранные следственными органами непризнанных Республик, ставятся под сомнение. Общественные организации, работающие в Республиках по фиксации военных преступлений, могут лишь заявлять о ставших известным им фактах, однако проводить полноценные следственные действия не способны, что в свою очередь создаёт предпосылки для проведения расследования Офисом прокурора Международного уголовного суда.

В результате 11 декабря 2020 года прокурор Международного уголовного суда г-жа Фату Бенсуда заявила об окончании предварительного изучения ситуации по Украине и о возможном переходе на этап расследований [5].

Однако Верховная Рада Украины вскоре проголосовала за законопроект №2689 от 27.12.2019 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно имплементации норм международного уголовного и гуманитарного права», тем самым предприняв попытку уйти от юрисдикции Международного уголовного суда [10]. Впрочем, проведение эффективного и беспристрастного расследования по данной категории дел на уровне национальной юрисдикции Украины представляется сомнительным.

Тем не менее, для привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении международного гуманитарного права есть три возможности:

1) Расследование ситуации по конфликту в Донбассе Офисом прокурора Международного уголовного суда. Этот вариант, пожалуй, является наиболее перспективным ввиду весомости и беспристрастности принятых данной инстанцией решений. В данном случае стоит сделать упор на прозрачную и повсеместную работу общественных активистов по сбору доказательств нарушения норм международного гуманитарного права с последующей передачей их в Офис прокурора Международного уголовного суда.

2) Расследование ситуации по конфликту в Донбассе в пределах украинской национальной юрисдикции. Данная юрисдикция для жителей Донбасса достаточно бесперспективна в связи с высоким уровнем радикализации украинского общества, демонизации и дегуманизации жителей Республик, а также общей неспособностью украинской судебной и правовой систем эффективно разрешать дела, связанные с данным внутригосударственным конфликтом, а также обеспечить безопасность свидетелям и пострадавшим в результате нарушений норм международного гуманитарного права со стороны членов украинских вооружённых формирований.

На наш взгляд, необходимо досконально изучить возможности привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении международного гуманитарного права в рамках украинской юрисдикции с целью аргументированного отказа от данного варианта.

3) Расследование ситуации по конфликту в Донбассе в рамках юрисдикции Донецкой и Луганской Народных Республик. Учитывая мнение ряда отечественных и западных исследователей о том, что «международный вооружённый конфликт имеет место, когда вооружённая группа заявляет, что она представляет собой государство и пользуется поддержкой части населения», правительствам Республик стоит развивать этот тезис через научное сообщество. Кроме того, необходимо имплементировать нормы международного гуманитарного права в законодательство ДНР и ЛНР и проводить расследование нарушения международного гуманитарного права, опираясь на принципы гласности, прозрачности и беспристрастности.

Выводы. Вышеперечисленное позволило прийти к выводу о том, что понятие «вооружённый конфликт» наиболее полно отражает сущность вооружённого насилия с точки зрения современных реалий. Вооружённые

конфликты подразделяются на международные и немеждународные, причём в случае немеждународного (внутригосударственного) вооруженного конфликта писаное право применяется значительно уже. Кроме того, нарушается принцип правового равенства сторон в конфликте.

В ходе рассмотрения возможностей привлечения к ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права субъектов внутреннего вооружённого конфликта в Донбассе наиболее перспективным представляется расследование ситуации по Украине Офисом прокурора Международного уголовного суда.

Видится целесообразным имплементировать нормы международного гуманитарного права в национальное законодательство ЛНР и ДНР и проводить всесторонний сбор доказательств и расследования нарушений норм международного гуманитарного права в ходе продолжающегося внутригосударственного вооруженного конфликта. Следует подчеркнуть важность осуществления этой деятельности на принципах гласности, беспристрастности и прозрачности с привлечением государственных структур и гражданских активистов.

Список литературы

1. Батырь В. А. Международное гуманитарное право: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп./ В.А. Батырь.– М.: Юстицинформ, 2011. – 452 с.
2. Бекашев К. А. Международное право: учебник для бакалавров / К. А. Бекашев – Москва: Проспект, 2020. – 896 с.
3. Ежегодник СИПРИ 2016: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. – ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. – Москва: ИМЭМО РАН, 1998 – 2016. – 2017. – 1044 с.
4. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним. Издание пятое, дополненное. – Москва: МККК, 2011. – 300 с.
5. Заявление Прокурора МУС г-жи Фату Бенсуда о завершении предварительного изучения ситуации в Украине [Электронный ресурс] // Международный Уголовный Суд URL. Официальный сайт.– Режим доступа: www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=201211-otp-statement-ukraine&ln=Russian (дата обращения: 30.05.2021).
6. Кроуфорд Дж. Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния [Электронный ресурс] / Дж. Кроуфорд. – United Nations Audiovisual Library of International Law: United Nations, 2013. – 13 с. – Режим доступа: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/rsiwa/rsiwa_r.pdf (дата обращения: 18.04.2021).
7. Мельцер Н. Международное гуманитарное право: общий курс / Н. Мельцер. – Москва: МККК, 2017. - 417 с.
8. Права человека в отправлении правосудия в уголовных делах, связанных с конфликтами в Украине: апрель 2014 года – апрель 2020 года [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org>

- /EN/Countries /ENACARegion /Pages/UARports.aspx (дата обращения: 30.05.2021).
9. Принципы права вооруженных конфликтов(2011).[Электронный ресурс] / Международный комитет красного креста (МККК). Официальный сайт.– Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/publication/eric-david-principles.htm> (дата обращения: 18.04.2021).
 10. Проект Законау про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо імплементації норм міжнародного кримінального та гуманітарного права [Электронный ресурс] // Верховна Рада України.– Режим доступа: https://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=67804 (дата обращения: 30.05.2021).
 11. Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 20.03.2021).
 12. Сазонова К. Л. Перспективы привлечения государств к международной ответственности за нарушения норм международного гуманитарного права [Электронный ресурс] / К.Л. Сазонова // Legal Concept. 2018. №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-privlecheniya-gosudarstv-k-mezhdunarodnoy-otvetstvennosti-za-narusheniya-norm-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava> (дата обращения: 31.04.2021).
 13. Сассоли М. Ответственность государства за нарушения международного гуманитарного права [Электронный ресурс] / М. Сассоли.– Международный журнал Красного Креста. – 2002. – № 845-847. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-gosudarstva-za-narusheniya-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava> (дата обращения: 20.03.2021).
 14. Смирнов Б. А. Международно-правовые и политические подходы к квалификации вооруженного конфликта немеждународного характера [Электронный ресурс] / Б.А. Смирнов // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право.– 2017. – №2 (11). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-i-politicheskie-podhody-k-kvalifikatsii-vooruzhennogo-konflikta-nemezhdunarodnogo-haraktera> (дата обращения: 27.04.2021).
 15. Тузмухамедов Б. Р. Международно-правовая классификация вооруженных конфликтов: дефиниции и реальность / Б. Р. Тузмухамедов // Пути к миру и безопасности. – 2018. – № 1(54). – С. 44-53.
 16. Экспертное заключение Международного Комитета Красного Креста: Как определяется в международном гуманитарном праве термин «вооруженный конфликт»? (2008 г.) [Электронный ресурс] // Международный комитет красного креста (МККК). Официальный сайт – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/document/kak-opredelyaetsya-v-mezhdunarodnom-gumanitarnom-prave-termin-vooruzhennyu-konflikt> (дата обращения: 27.04.2021).

17. International Court Of Justice [Электронный ресурс] / Annual Reports, 1998-1999. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/annual-reports> (дата обращения: 18.03.2021).
18. Report on Preliminary Examination Activities (2020) – Ukraine [Электронный ресурс] / The International Criminal Court (ICC). – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=2020-otp-rep-PE-UKR> (дата обращения: 30.05.2021).
19. Yearbook of the International Law Commission 2001 Volume II Part Two Report of the Commission to the General Assembly on the work of its fifty-third session [Электронный ресурс] / United Nations New York and Geneva, 2007. – Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_2001_v2_p2.pdf (дата обращения: 21.03.2021).

УДК 343.9

Н.С. Мироненко, аспирант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: nikita_mironenko@mail.ru)

В.И. Козюберда, канд. юрид. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: slavik941@yandex.ru)

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ТЯЖКОЙ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

В статье проводится анализ понятия и основных криминологических черт тяжкой насильственной преступности против жизни и здоровья личности. Акцентируется внимание на том, что под тяжкой насильственной преступностью против жизни и здоровья личности следует понимать совокупность общественно опасных деяний, которые совершены на конкретной территории за определенный промежуток времени и проявляются в посягательстве на жизнь и здоровье лица путем применения физического или психического насилия над личностью потерпевшего с целью причинения ему физического или морального вреда.

Ключевые слова: преступность, насильственная преступность против жизни и здоровья личности, криминологическая характеристика.

Mironenko, N.S.,

Kozyuberda, V.I.

CONCEPT AND BASIC CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SEVERE VIOLENT CRIME AGAINST PERSONAL LIFE AND HEALTH

The article analyzes the concept and main criminological characteristics of severe violent crime against the life and health of an individual. Attention is focused on the fact that grave violent crime against the life and health of an individual should

be considered as a set of socially dangerous acts that are committed in a specific territory for a certain period of time and are manifested in an encroachment on the life and health of a person through the use of physical or mental violence against the personality of the victim with the purpose of causing him physical or moral harm.

Key words: *crime, violent crime against the life and health of an individual, criminological characteristic.*

Актуальность. Проблема тяжкой насильственной преступности против жизни и здоровья человека всегда была и останется одной из самых злободневных и болезненных проблем общества, острым социальным фактором его дестабилизации. Как свидетельствует история человечества, эти деяния всегда вызывают негативный социальный резонанс. Степень цивилизованности общества измеряется именно отношением одного человека к жизни и здоровью другого, поскольку жизнь и здоровье – это основные ценности, а все остальные являются производными от них. Но цена понимания такой простой истины иногда ни с чем несравнима.

На высшем законодательном уровне – в Конституции Донецкой Народной Республики указано, что каждый имеет право на жизнь. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам (статья 14).

Заметная распространенность преступлений насильственной направленности против жизни и здоровья человека в структуре всей преступности, нестабильность их динамики, приобретение новых негативных качественных характеристик, предельно высокий уровень общественной опасности, трудности их предупреждения – это лишь немного из того, что обуславливает актуальность данной темы и потребность в углубленном исследовании насильственных проявлений, их уголовно-правовом и криминологическом анализе, оценке комплекса факторов, которые их вызывают, разработке путей борьбы с ними.

Анализ научных исследований. Определенные аспекты этой многогранной проблематики в свое время рассматривались известными учеными-криминалистами, криминологами, процессуалистами, специалистами в области психологии, психиатрии, педагогики и философии. Весомый вклад сделан такими учеными как Ю. М. Антонян, Н. И. Бажанов, В. В. Вандышев, В. В. Голина, В. В. Гульдман, П. С. Дагель, А. И. Долгова, А. Г. Кальман, В. П. Коновалов, А. Н. Костенко, Д. А. Корецкий, В. В. Лунеев, В. С. Минская, Э. Ф. Побегайло, В. И. Полубинский, Д. В. Ривман, В. Я. Рыбальская, О. В. Старков, В. В. Сташис, А. Д. Тартаковский, Л. В. Франк, В. И. Шакур, Г. И. Чечель, В. Е. Христенко и др. Однако особенности современного социального, политического и экономического положения в Донецкой

Народной Республике диктуют необходимость расширения и углубления знаний по этой проблеме в криминологии вообще и виктимологии в частности.

Целью исследования является всестороннее криминологическое исследование понятия тяжкой насильственной преступности против жизни и здоровья личности.

Изложение основного материала. Фундаментальным понятием криминологии является понятие преступности. Преступность как социальное явление всегда вызывало повышенный интерес представителей разных профессий – юристов, социологов, политиков, историков, журналистов и просто граждан.

На протяжении веков в понятие преступности вкладывался самый различный смысл в зависимости от эпохи, социально-политического устройства, криминальной политики, проводившейся тем или иным государством.

Первые попытки определить и проанализировать понятие преступности были предприняты философами-просветителями XVIII века. Так, по мнению Монтескье, человек вследствие ограниченности разумного предвидения, подчиненности ложным взглядам и страстям нарушает законы природы и общества. Но справедливый законодатель в значительной мере может противостоять социальным отклонениям путем заботы о благонравии народа, экономии репрессии, ее личном характере и соответствии с тяжестью причиненного вреда [11, с. 112, 124].

Французский мыслитель Жан-Жак Руссо твердил, что решающим для противодействия преступности является преобразование общественных отношений, гуманизация государства и права [15, с. 117, 160]. Огромное значение имела вышедшая в свет в 1764 году книга Ч. Бекариа «О преступлениях и наказаниях», где приоритет отдается идее предупредительного воздействия наказания, которое должно быть публичным, немедленным и соответствующим деянию [2, с. 210].

Постулат о том, что лучше предупредить, чем наказывать, не утратил своей актуальности и в наши дни.

Индетерминизм, или философия абсолютной свободной воли, исключал понятие преступности как таковое. Преступность рассматривалась как следствие неспособности массы усвоить твердые правила поведения.

Антропологический детерминизм предусматривал детерминированность поведения человека биологическими факторами, различными аномалиями организма. В этой концепции преступность воспринималась как большее или меньшее проявление биологических «прирожденных программ» [4, с. 131].

Основатель этой теории Ч. Ломброзо в результате многочисленных проведенных исследований признал наряду с идеей о прирожденном преступнике также влияние на генезис преступного поведения социальных факторов, которые активно изучали его ученики Р. Гарофало и Э. Ферри.

В криминологической науке становление понятия преступности связано с теорией социального детерминизма. Впервые в области изучения преступности в XIX веке был выявлен такой научный факт: состоя из отдельных индивидуальных преступных актов, возникает явление, в корне отличное от частей, из которых оно состоит. Эти части создают преступность как социальное явление, которое существует в обществе и связано с условиями этого общества.

Впервые была подчеркнута первостепенная важность социальных условий, продемонстрирована социальная детерминированность преступности, ее относительная независимость от воли и взглядов отдельных людей, ее производный характер от условий социальной среды [16, с. 41].

В дореволюционной России вопросы, связанные с преступностью рассматривали такие ученые как И. Я. Фойницкий, А. А. Пионтковский, М. Н. Гернет, С. В. Познышев, Н. Н. Полянский, М. П. Чубинский и другие.

Они разработали ряд значимых положений для исследования места в обществе детерминации и связи преступности с другими явлениями, личности преступника и эффективности мер воздействия на преступность.

В 20-30 годы прошлого столетия криминологические исследования были фактически свернуты и возобновились с конца 50-х годов XX века. В одной из первых фундаментальных работ этого направления – «Преступление и преступность» Н.Ф. Кузнецовой – преступность определялась как «относительно массовое, социальное явление, которое имеет уголовно-правовой характер и состоит из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период времени» [9, с. 173]. Это первое в советской криминологической литературе определение понятия преступности стало классическим и нашло широкое применение в теории и практике.

И. Н. Даньшин в своем труде «Преступность: понятие и характеристика, причины и условия» определяет преступность как относительно массовое, исторически изменчивое явление, которое имеет определенную временную и территориальную распространенность и представляет собой органическую, построенную на статистических закономерностях совокупность антиобщественных деяний, запрещенных уголовным законом [5, с. 16]. Интересное определение понятия преступности приведено в труде В. В. Голиной «Преступность: понятие и реальность», где под преступностью понимается сформированная и осознанная людьми в ходе своего исторического развития вредная разновидность человеческого поведения, запрещенная уголовным законом и выраженная в пролонгированной множественности запрещенных уголовным законом деяний и связанных с ними негативными последствиями [4, с. 128].

Можно сделать вывод, что понятие преступности включает такие признаки, как: историческая изменчивость; социальность; уголовная противоправность; органическая совокупность преступлений, построенная на

статистических закономерностях; пролонгированная множественность запрещенных уголовным законом деяний и связанных с ними негативными последствиями.

По нашему мнению, следует присоединиться к определению, что преступность – это относительно массовое, исторически изменчивое социальное явление, которое является органичной совокупностью уголовно-правовых, построенных на статистических закономерностях деяний, которые влекут негативные последствия как для отдельного индивида, так и в общегосударственном и мировом масштабах.

Для эффективного, научно-обоснованного противодействия преступности необходимы полные и точные знания о действительном состоянии этого явления, что, в свою очередь, требует постоянного обновления сведений об уровне, структуре, динамике преступности, а также лицах, которые совершают преступления. Все это охватывается понятием «криминологическая характеристика преступлений».

Приведенное понятие применяется в криминологической науке и на практике уже длительное время. Между тем в теории оно еще не получило однозначного толкования. Вопрос о том, какие признаки и свойства стоит включать в криминологическую характеристику преступлений, решается противоречиво. Одни авторы включают сюда широкую систему характеристик преступности (преступлений): показатели, отражающие ее количественно-качественные параметры; особенности, имеющие значение для понимания детерминант преступных проявлений; признаки и особенности, которые учитываются при организации предупредительной деятельности [6, с. 7].

Некоторые криминологи понятие криминологической характеристики преступлений трактуют более узко, сведя ее к количественным и качественным показателям – состоянию, структуре, характеру и динамике. Встречается в литературе и взгляд на криминологическую характеристику преступлений, как сведения об их количественных и качественных показателях и виновных лицах [10, с. 99]. Последняя точка зрения, по нашему мнению, наиболее приемлема.

Научное осмысление указанных показателей позволяет выявить влияние на преступность многочисленных и разносторонних факторов. На этой основе базируется прогнозирование изменений, которые могут произойти в преступности, что и обеспечивает научный прогресс в этой сфере. Все это не может не способствовать повышению уровня организации противодействия преступности, в том числе и рассматриваемой, тем более что современная криминология находится на таком этапе развития, который можно охарактеризовать как этап более детального и углубленного исследования конкретных проявлений преступности, выработки на этой основе предложений, направленных на предупреждение преступлений (в том числе и насильственных преступлений против жизни и здоровья личности), рекомендаций о формах и методах практической деятельности органов

государства и общественности в этом направлении, этапах дальнейшего развития теоретических проблем криминологии.

Преступность как социальное явление состоит из определенных видов, одним из которых является насильственная преступность против личности, важной составной частью которой является тяжкая насильственная преступность против жизни и здоровья личности.

Тяжкая насильственная преступность является самым опасным видом посягательств против личности, поскольку касается важнейших человеческих ценностей, таких как жизнь, здоровье, половая неприкосновенность, которые являются неотъемлемыми правами человека с момента его рождения и закреплены в статьях 14 – 15 Конституции Донецкой Народной Республики.

В международных документах отмечается, что насилие, являясь преступным деянием, представляет собой процесс, который проходит на индивидуальном уровне, на уровне общества и является весьма распространенным на мировой арене.

Суть насилия часто определяется как тип действий или поведения социальных субъектов, при котором другие субъекты подвергаются физическому или психическому давлению или причиняется прямой физический вред.

Понятие «насилия» закон разделяет на физические действия против потерпевших и психическое насилие (угрозу).

Насилие может возникнуть только при взаимодействии двух или нескольких сторон. Если взаимодействуют две стороны, каждая из них имеет свое понятие насилия, зависящее от количества факторов, которые вкладываются в это явление, качества данного понятия и силы каждого фактора. Качество определяется порядком, в котором рассматриваются те или иные факторы указанного явления.

Практически в каждом насилии присутствует психическое насилие, в том числе и в физическом – страх получить еще больше повреждений, чем уже получено. Физическое насилие можно рассматривать как продолжение психического.

Физическое насилие всегда предполагает противоправное общественно опасное действие на физическую сферу потерпевшего. Иными словами, речь идет о нарушении телесной неприкосновенности личности. Что же касается психического насилия, то, как считают некоторые ученые, само это понятие является доктринальным. Правомерно говорить лишь об угрозе насилия [12, с. 11].

Проблематика тяжкой насильственной преступности против личности широко освещается в юридической и, в частности, криминологической литературе. На сегодняшний день ученые не имеют единого мнения о том, какие же преступления относить к тяжкой насильственной преступности против личности. Ряд авторов к этой группе относит умышленные убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, хулиганство, изнасилование [1].

Другие авторы к насильственной преступности относят все преступления, связанные с насилием или с угрозой причинения насилия [13, с. 73].

Сторонники третьей позиции достаточно широко толкуют понятие насильственной преступности, включая в нее все преступления, указанные в соответствующих разделах Уголовного Кодекса – умышленное убийство; убийство матерью новорожденного ребенка; убийство, совершенное в состоянии аффекта; убийство при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; причинение смерти по неосторожности; доведение до самоубийства [8, с. 439].

В зарубежной криминологии, исходя из узкого толкования насильственной преступности, к ней относят только те деликты, совершением которых нарушается физическая и психическая неприкосновенность потерпевшего [7, с. 165].

По-разному трактуется и понятие тяжкой насильственной преступности. Некоторые исследователи определяют насильственную преступность как явление социальной патологии, проявляющееся в постоянном и относительно массовом воспроизводстве уголовно-правового характера экстремальных поведенческих актов физического и психического насилия над личностью, что, на наш взгляд, является слишком широким толкованием [14, с. 32].

Часть ученых акцентирует внимание на том, что насильственная преступность предполагает совершение преступлений, во время которых насилие является элементом мотивации, а не просто средством достижения цели.

Некоторые авторы определяют насильственную преступность как умышленные преступные действия, посягающие на защищенные уголовным законом общественные отношения, призванные обеспечить физические блага граждан (жизнь и здоровье), которые совершаются против воли потерпевшего путем психического или физического насилия и возникают, как правило, на почве личной неприязни, мести, ревности, удовлетворения полового влечения или из хулиганских побуждений [3, с. 83]. Такая позиция кажется нам самой приемлемой, ибо оптимально охватывает все составляющие данного понятия.

По нашему мнению, под тяжкой насильственной преступностью против личности нужно понимать совокупность общественно опасных деяний, перечень которых законодательно определен, исходя из ст. 15 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики, которые совершены на конкретной территории за определенный промежуток времени и проявляются в посягательстве на жизнь и здоровье лица путем применения физического или психического насилия над личностью потерпевшего с целью причинения ему физического или морального вреда.

Вывод. Таким образом, по нашему мнению, под тяжкой насильственной преступностью против жизни и здоровья личности следует понимать

совокупность общественно опасных деяний, перечень которых законодательно определен, исходя из статьи 15 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики, которые совершены на конкретной территории за определенный промежуток времени и проявляются в посягательстве на жизнь и здоровье лица путем применения физического или психического насилия над личностью потерпевшего с целью причинения ему физического или морального вреда.

Список использованной литературы

1. Алимов С. Б. Предупреждение насильственной преступности: достижения, проблемы / С. Б. Алимов // *Вопр. борьбы с преступностью*. – Москва, 1988. Вып.47. – С. 24–27.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – Москва: Стелс, 1995. – 304 с.
3. Василевич В. Поняття кримінологічної характеристики насильницьких злочинів / В. Василевич // *Право України*. – 1997. – № 12. – С. 82-84.
4. Голина В. В. Научные подходы к деятельности по предупреждению преступности / В. В. Голина // *Проблемы законности: респ. междувед. науч. сб.* – Харьков, 1996. – Вып. 31. – С. 127-136.
5. Даньшин И. Н. Преступность: понятие и общая характеристика, причины и условия: Учеб. пособие / И. Н. Даньшин. – Киев: УМК, 1988. – 88с.
6. Заказные убийства в России. – Москва: Букмэн, 1998. – 384 с.
7. Кернер Х. Ю. Криминология. Словарь-справочник / Х. Ю. Кернер / Пер. с нем. – Москва: Норма, 1998. – 391 с.
8. Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. – Москва: Изд-во БЕК, 1998. – 556 с.
9. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова – Москва: МГУ, 1969. – 230 с.
10. Мойсеева О. Віктимність неповнолітніх як психолого-правова проблема / О. Мойсеева // *Право України*. – 2011. – № 7. – С. 99-100.
11. Монтескье Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье. – Москва: Наука, 1955. – 803 с.
12. Петелин Б. Я. Направленность личности и мотивы преступного поведения: Учеб. пособие / Б. Я. Петелин. – Москва: Изд-во МГУ, 1973. – 56 с.
13. Побегайло Э. Ф. Насильственная преступность: современные тенденции, перспективы борьбы / Э. Ф. Побегайло // *Сов. государство и право*. – 1988. – № 9. – С. 72-75.
14. Побегайло Э. Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с ней / Э. Ф. Побегайло. – Москва: Юрид. лит., 1990. – 48 с.
15. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – Москва: Наука, 1969. – 703 с.
16. Шнайдер Г. Криминология / Г. Шнайдер / Пер. с нем. Москва: Прогресс – Универс, 1994. – 503 с.

УДК 342.518 (045)

Г.Н. Панчук, канд. истор. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: grazsport@yandex.ru)

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В данной статье автор, рассматривая структуру государственного аппарата Донецкой Народной Республики, даёт возможность для формирования целостного мнения о сущности данного государства. Государственная власть в Донецкой Народной Республике построена с опорой на принцип разделения власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Данная характеристика закономерно вытекает из исторических особенностей формирования Республики. Обособленным институтом власти, не подчиняющимся ни одной из ветвей, является Прокуратура Донецкой Народной Республики.

С целью исключения узурпирования власти одним лицом или группой лиц и соблюдения принципов демократии Конституцией ДНР закреплён механизм работы системы сдержек и противовесов.

Ключевые слова: государственная власть, ветви власти, международная политика.

Panchuk, G.N.

THE SYSTEM OF STATE POWER IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

In this article, the author, considering the structure of the state apparatus of the Donetsk People's Republic, makes it possible to form a holistic opinion about the essence of this state. State power in the Donetsk People's Republic is built on the basis of the principle of division of power into three branches: legislative, executive and judicial. This characteristic naturally follows from the historical features of the formation of the Republic. A separate institution of power, not subordinate to any of the branches, is the Prosecutor's Office of the Donetsk People's Republic.

In order to exclude the usurpation of power by one person or a group of persons and the observance of the principles of democracy, the DPR Constitution enshrines the mechanism of the system of checks and balances.

Key words: statepower, branches of government, international politics.

Проблема создания идеальной системы государственного управления относится к одним из наиболее актуальных на протяжении всей истории существования государства. Наличие различных конструкций организации органов государственной власти, форм и способов реализации государственных полномочий на протяжении многих лет позволило выработать разные организационно-правовые модели, объединяющим началом которых являются конституционно-правовые принципы организации государства и государственной власти.

Становится очевидным главное назначение государства – управлять делами общества. Эти властные полномочия оно осуществляет через образованные им государственные органы, которые представляют собой единую систему, поскольку они находятся в тесной взаимосвязи: одни органы избираются или образуются другими; могут руководить деятельностью других органов; одни подконтрольны и подотчетны другим.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом объективных предпосылок, среди которых центральное место занимают процессы установления отношений общества молодого государственного образования (Донецкой Народной Республики) и конституционное их закрепление в условиях не признанности этого государства. Все это вместе взятое требует нового осмысления места и роли государства в его трихотомии – общества, личности и перспектив развития этих отношений и на этой основе разработать оптимальные модели строительства и функционирования государственной власти в Республике.

Следует отметить, что преобразования государственной власти невозможны без коренного изменения методов и способов государственного управления, приемлемых в условиях изменения формы государства как следствия новых экономических отношений, демократизации общества, приоритета прав человека.

Анализ научных исследований показывает, что на сегодняшний день ни в конституционно-правовом законодательстве, ни в государственно-правовой доктрине не сформировался единый подход к пониманию принципов осуществления государственной власти и построению их согласованной системы.

Исследованием конституционно-правовых принципов осуществления государственной власти в Российской Федерации занимались такие известные ученые, как С. А. Авакьян, А. В. Безруков, В. А. Лебедев, М. С. Саликов и др. Однако многие вопросы, связанные с их пониманием, закреплением в нормативных правовых актах, систематизацией, остаются исследованными не в полной мере. Теоретической базой статьи стали исследования историков, правоведов, политологов: А.С. Алексеева, М. В. Баглая, М. И. Байтина, Е. Б. Болотина, Б. Н. Габричидзе, Л. Л. Григоряна и других.

Для более содержательного рассмотрения вопроса о государственном аппарате Донецкой Народной Республики были рассмотрены нормативные правовые акты государства, среди которых: Конституция ДНР, Закон «О выборах депутатов Народного Совета Донецкой Народной Республики», принятый Постановлением Народного Совета № 207-ИНС от 29.12.2017, Закон «О статусе депутата Народного Совета Донецкой Народной Республики», принятый Постановлением Народного Совета № 70-ИНС от 15.08.201, Закон «О Правительстве Донецкой Народной Республике», принятый Постановлением Народного Совета № 02-ИНС от 30.11.2018 и другие.

Цель статьи заключается, прежде всего, в том, чтобы, рассматривая структуру государственного аппарата Донецкой Народной Республики сформировать целостное мнение о сущности данного государства, дать оценку опыта взаимодействия институтов гражданского общества и государства в условиях реализации права народа на самоопределение.

Изложение основного материала. Донецкая Народная Республика провозгласила свою независимость в 2014 году после проведения национального референдума. Сегодня Республика находится в процессе построения правового суверенного государства. Конституция Донецкой Народной Республики, принятая Постановлением Верховного Совета № 1-1 от 14.05.2014 закрепляет ряд демократических принципов, в соответствии с которыми источником власти в Республике является народ, присвоение властных полномочий или захват власти недопустимы, государственная власть осуществляется путем разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Выдвижение данных принципов является закономерным последствием особенностей условий становления Донецкой Народной Республики как отдельного суверенного государства.

Однако ДНР находится под международной политической и экономической блокадой и изоляцией. Хотя в республике создана собственная Конституция, основанная на принципе народного правления, и она строит собственную социальную систему, мировое сообщество не признает ее выбор. Несмотря на то, что республика обладает всеми характеристиками суверенного государства – контроля над территорией, административной системой с эффективным государственным аппаратом и фактическим суверенитетом, она не получает международного дипломатического признания и не может де-юре стать объектом международных отношений. Как и в случае других постсоветских непризнанных стран, международное сообщество занимает твердую позицию и ставит принцип нерушимости границ выше принципа самоопределения. Данная тема является актуальной, так как Республика претендует на статус признанного правового государства.

В соответствии с частью 1 статьи 6 Конституции ДНР государственная власть в Донецкой Народной Республике осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны [1]. Таким образом, законодатель закрепляет в Основном законе Республики принцип разделения властей, что закономерно вытекает из исторических особенностей формирования государства, так как именно данный принцип обеспечивает свободу граждан во всех сферах жизнедеятельности общества. Рассмотрение государственного аппарата считаем целесообразным начать с краткого исторического экскурса в формирование легитимной власти на территории Республики.

Первым государственным органом, сформированным на территории ДНР, был Верховный Совет Донецкой Народной Республики, являющийся

прообразом ныне действующего Народного Совета Донецкой Народной Республики. В состав данного органа входили делегаты от территориальных общин, общественных организаций и партий в количестве 150 человек. Изначально было обозначено, что Верховный Совет – временный законодательный орган Республики, который прекратит свое существование после проведения первых демократичных парламентских выборов. 24 сентября 2014 года Верховным Советом были приняты законы, регламентирующие выборы Главы Донецкой Народной Республики и депутатов Парламента Донецкой Народной Республики, а также назначена дата выборов. Таким образом, Верховный Совет обеспечил легитимный переход власти из рук революционных временных органов в руки к демократически избранным и постоянно действующим.

Глава Донецкой Народной Республики. В соответствии с частью 1 статьи 56 Конституции ДНР Глава Донецкой Народной Республики – высшее должностное лицо, осуществляющее верховное представительство государства в международных отношениях и внутривнутриполитической жизни страны. Он является символом государственности, единства нации, координатором взаимодействия различных ветвей власти. В установленном Конституцией ДНР порядке он обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти [1].

Глава ДНР избирается на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Отправные положения по выборам Главы ДНР содержатся в главе 4 Конституции ДНР, а их детализация – в Законе «О выборах Главы Донецкой Народной Республики», принятом Постановлением Народного Совета № 206-ИНС от 29.12.2017. Главой Республики может быть избран гражданин Донецкой Народной Республики, достигший возраста 30 лет и обладающий пассивным избирательным правом. Главой может быть избран гражданин, постоянно проживающий на территории государства не менее 5 лет непосредственно перед выборами. Не имеет права избирать и быть избранным Главой гражданин, признанный судом недееспособным или содержащийся в местах лишения свободы по приговору суда [5; 12]. Глава Республики избирается сроком на пять лет и не может замещать указанную должность более двух сроков подряд [1]. Однако статья 61 Конституции ДНР предусматривает случаи досрочного прекращения полномочий Главы.

30 ноября 2018 года вступил в силу Закон «О внесении изменений в Конституцию Донецкой Народной Республики», предложенный Главой и принятый Народным Советом. В соответствии с нормами данного закона, Глава Республики больше не совмещает свои обязанности с обязанностями главы Правительства, но при этом участвует в формировании исполнительной ветви власти – назначает с согласия Народного Совета Председателя Правительства, принимает решение об отставке Правительства [2]. Данный нормативно-

правовой акт позволил более полноценно реализовать принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную.

Полномочия Главы Республики закрепляются в статье 59 Конституции ДНР, при этом указанный перечень не является исчерпывающим. Считаем необходимым выделить следующие группы полномочий Главы Республики:

1. Представительские полномочия;
2. Полномочия Главы Республики относительно Народного Совета;
3. Номинационные полномочия Главы Республики;
4. Полномочия Главы Республики в сфере национальной безопасности, обороны и военной политики.

(В соответствии со ст. 8 Закона ДНР «О безопасности», принятым Постановлением Народного Совета № 04-ИНС от 24 декабря 2014 г., Глава Республики в области обеспечения безопасности осуществляет ряд полномочий).

5. Полномочия Главы Республики в сфере прав и свобод человека и гражданина.

Нормативно-правовыми актами Главы Республики являются указы (постановления) и распоряжения, обязательные для исполнения на всей территории Донецкой Народной Республики [2].

Законодательная власть в Донецкой Народной Республике. В соответствии с частью 1 статьи 63 Конституции ДНР Народный Совет – Парламент Донецкой Народной Республики является постоянно действующим высшим и единственным законодательным (представительным) органом государственной власти Донецкой Народной Республики [1]. Как высший орган законодательной власти, Народный Совет является органом представительной демократии, выражает и защищает волю и интересы народа республики.

Правовой статус Народного Совета определен главой 5 Конституции ДНР, а также Законом «О статусе депутата Народного Совета ДНР». В состав Народного Совета входит 100 депутатов, которые избираются на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет.

К ведению Народного Совета ДНР относятся следующие вопросы:

1) принятие Конституции ДНР и законов, внесение в них изменений, а также их толкование, принятие постановлений Народного Совета и внесение в них изменений;

2) установление административно-территориального устройства Республики и порядка его изменения, рассмотрение вопросов об изменении границ государства, утверждение соглашения об изменении границ;

3) утверждение Республиканского бюджета и отчета о его исполнении;

4) утверждение программ социально-экономического развития государства, представленных Председателем Правительства, заслушивание ежегодных отчетов Председателя Правительства о результатах деятельности Правительства;

5) назначение выборов депутатов Народного Совета и выборов Главы Республики, установление порядка проведения выборов в органы местного самоуправления на территории государства, назначение референдума, принятие решения о досрочном прекращении полномочий Главы;

6) установление республиканских налогов, а также порядка их взимания;

7) установление порядка управления и распоряжения государственной собственностью;

8) осуществление контроля за соблюдением и исполнением законов, исполнением Республиканского бюджета, соблюдением установленного порядка распоряжения собственностью ДНР.

Законопроекты рассматриваются Народным Советом в двух чтениях. Принятый закон направляется в течение пяти дней Главе для подписания и обнародования. Закон вступает в силу со дня его официального опубликования, если иное не предусмотрено в самом законе. Право законодательной инициативы в Народном Совете принадлежит Главе, Правительству, представительным органам местного самоуправления, образованным на территории государства. Также законодательная инициатива принадлежит Верховному Суду и Генеральному прокурору по вопросам их ведения.

Исполнительная власть Донецкой Народной Республики. В соответствии со статьей 75 Конституции ДНР исполнительную власть осуществляет Правительство Донецкой Народной Республики. В состав Правительства входят Председатель Правительства, его заместители, министры. Решением Главы в его состав могут быть включены руководители иных республиканских органов исполнительной власти. Правовой статус Правительства определен главой 6 Конституции ДНР, а также Законом «О Правительстве ДНР». К ведению Правительства относятся:

1) разработка и осуществление мер по обеспечению комплексного социально-экономического развития Республики;

2) обеспечение проведения единой государственной политики в области финансов, науки, образования, культуры, здравоохранения, физической культуры и спорта, социального обеспечения, безопасности дорожного движения и экологии;

3) осуществление мер по реализации, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, охране собственности и общественного порядка, противодействию терроризму и экстремизму, борьбе с преступностью; осуществление мер по обеспечению государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; предотвращению ограничения прав и дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности;

4) разработка и представление в Народный Совет проекта Республиканского бюджета и проектов программ социально-экономического

развития; предоставление в Народный Совет ежегодных отчетов о результатах своей деятельности;

5) обеспечение исполнения Республиканского бюджета, подготовка отчет о его исполнении, а также отчетов о выполнении программ социально-экономического развития;

6) осуществление управления государственной собственностью ДНР [1; 15].

Нормативно-правовыми актами Правительства являются постановления и распоряжения. Они издаются на основании и во исполнение Конституции и являются обязательными на территории Республики.

Судебная власть Донецкой Народной Республики. В соответствии с частью 1 статьи 80 Конституции ДНР правосудие в Республике осуществляется только судом [6]. Закон «О судебной системе Донецкой Народной Республики», принятый Постановлением Народного Совета № 241-ИНС от 31.08.2018, дополняет конституционное положение следующим образом: «Судебная власть осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия народных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия» [6].

Судебная власть является самостоятельной ветвью власти и действует независимо от законодательной и исполнительной власти. Судебную систему Донецкой Народной Республики составляют: Конституционный Суд Донецкой Народной Республики, Верховный Суд Донецкой Народной Республики, Апелляционный суд Донецкой Народной Республики, Арбитражный суд Донецкой Народной Республики, районные, городские, межрайонные суды Донецкой Народной Республики, Военный суд Донецкой Народной Республики, составляющие систему судов общей юрисдикции. Судебная власть призвана защищать закон, правовые основы государства и общества от любых нарушений, кто бы их не совершал. Особая роль судебной власти определяется тем, что она является своеобразным арбитром в спорах о праве.

Наряду с судебной властью глава 8 Конституции ДНР регламентирует конституционно-правовой статус Прокуратуры Донецкой Народной Республики. Расширяет положения Конституции ДНР, касающиеся данного вопроса, закон «О Прокуратуре Донецкой Народной Республики», принятый Постановлением Народного Совета № 122-ИНС от 15.04.2016.

Прокуратура – единая государственная централизованная система органов, осуществляющих от имени Республики надзор за соблюдением Конституции ДНР, исполнением законов и нормативных правовых актов Главы, действующих на территории Республики [4].

Вопрос о месте прокуратуры в системе аппарата государства является дискуссионным. В Конституции ДНР положения, касающиеся прокуратуры, включены в главу 7 «Судебная власть и прокуратура». Исходя из этого, некоторые ученые полагают, что целесообразно прокуратуру относить к

органам судебной власти. Однако это мнение противоречит конституционному положению, в соответствии с которым судебную власть осуществляют только суды. Следовательно, прокуратура не входит ни в одну из ветвей государственной власти ДНР. Она является самостоятельным, независимым государственным органом, выполняющим в механизме государства особую, свойственную только ей функцию надзора за точным и единообразным исполнением законов в Республике.

Выводы. Таким образом, на основе собранного, обработанного и изложенного материала очевиден тот факт, что орган государственной власти в Донецкой Народной Республике является звеном аппарата государства, наделенного властными полномочиями и материально-финансовыми средствами. Структура и сфера функционирования того или иного органа государственной власти в Республике определяется законом. Именно от эффективности функционирования органа государственной власти напрямую зависит эффективность деятельности аппарата государства в целом.

Классификация органов государственной власти позволяет, во-первых, понять специфику, сущность каждого из органов государственной власти Республики. А во-вторых, опираясь на результаты классификации, можно устранить неточности в структуре государственного аппарата, исключить органы, дублирующие деятельность друг друга, выработать окончательную систему нормативно-правовых актов, которая бы определяла статусные, структурно-организационные, процессуальные аспекты, а также исключала коллизии внутри себя. Государственная власть в Донецкой Народной Республике построена с опорой на принцип разделения власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Это обосновано историческими особенностями формирования Республики. Следует особо подчеркнуть, что обособленным институтом власти, не подчиняющимся ни одной из ветвей, является Прокуратура Донецкой Народной Республики. С целью исключения узурпирования власти одним лицом или группой лиц и соблюдения принципов демократии Конституцией ДНР закреплен механизм работы системы сдержек и противовесов.

Государственный аппарат – совокупность органов и должностных лиц, осуществляющих на профессиональной основе управленческие функции государства и обладающих монополией на государственное принуждение. Говоря о соотношении понятий «государственный аппарат» и «механизм государства», очевидно, что государственный аппарат, государственные предприятия и государственные учреждения в совокупности составляют один механизм Республики. К тому же, становится целесообразным причислять в состав механизма ДНР и материальные придатки в виде народной милиции, полиции, органов безопасности, исправительных учреждений, так как механизм государства может выполнять свое предназначение только при условии взаимодействия вышеперечисленных структур.

Как видно из выше сказанного, орган государственной власти Донецкой Народной республики представляет собой звено аппарата государства, наделенное властными полномочиями и материально-финансовыми средствами. Структура и сфера функционирования органа государственной власти определяются законом. Именно от эффективности функционирования органа государственной власти напрямую зависит эффективность деятельности аппарата Республики. И это непереносимое условие должно соблюдаться. В мировой практике выработался ряд общепринятых оснований классификации органов государственной власти. Рассматривая государственный аппарат Донецкой Народной Республики, можно выделить органы государственной власти на основании их функционального назначения.

Подводя итоги исследования, можно сделать выводы о том, что органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Таким образом, законодатель закрепляет в Основном законе Республики принцип разделения властей, который к тому же сочетается с системой сдержек и противовесов. Первым временным законодательным органом Донецкой Народной Республики был Верховный Совет, предназначение которого заключалось в передаче власти из рук революционных временных органов в руки к демократически избранным и постоянно действующим.

На данный момент высшим и единственным законодательным органом государственной власти является Народный Совет Донецкой Народной Республики. Исполнительную власть возглавляет Правительство Донецкой Народной Республики. Судебная власть является самостоятельной ветвью власти и действует независимо от законодательной и исполнительной власти. Высшая судебная власть принадлежит Верховному Суду Донецкой Народной Республики.

30 ноября 2018 года вступил в силу Закон «О внесении изменений в Конституцию ДНР», в соответствии с которым Глава Республики больше не совмещает свои обязанности с обязанностями Председателя Правительства. Данный нормативно-правовой акт позволил более полноценно реализовать принцип разделения государственной власти [4]. Глава Республики, не относясь ни к одной из ветвей власти, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие всех государственных органов. Также в Конституции ДНР предусмотрен особый статус Прокуратуры, не включающейся в имеющиеся ветви власти, но осуществляющей контрольно-надзорные функции. Данные характеристики позволяют отметить сложность государственного аппарата, действующего в Донецкой Народной Республике.

Таким образом, становление государственного управления предполагает интегрирование Донецкой Народной Республики и в Российскую Федерацию, и в мировую систему. В Республике должна осуществляться деятельность всех государственных структур, на основе принятых в мировой практике традиций широкого сотрудничества по всему спектру межгосударственных отношений, основанных на цивилизованных принципах.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики [Текст электронный]: [принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики №1-1 от 2014.05.14] // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 15.11.2021).
2. О внесении изменений в Конституцию Донецкой Народной Республики [Текст электронный]: Закон Донецкой Народной Республики № 01-ПНС-Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vnesenii-izmenenij-v-konstitutsiyu-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 15.11.2021).
3. О системе государственной службы Донецкой Народной Республики [Текст электронный]: Закон Донецкой Народной Республики №32-ИНС – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-gos-sluzhbe/> (дата обращения: 15.11.2021).
4. О Прокуратуре Донецкой Народной Республики [Текст электронный]: Закон Донецкой Народной Республики №122-ИНС. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-prokurature-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 15.11.2021).
5. О выборах Главы Донецкой Народной Республики [Текст электронный]: Закон Донецкой Народной Республики №206-ИНС. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/zakon-o-vyborah-glavy-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 15.11.2021).
6. О судебной системе Донецкой Народной Республики [Текст электронный]: Закон Донецкой Народной Республики № 241-ИНС. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakondonetskoj-narodnoj-respubliki-o-sudebnoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 15.11.2021).
7. О Правительстве Донецкой Народной Республики [Текст электронный]: Закон Донецкой Народной Республики № 02-ПНС. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakondonetskoj-narodnoj-respubliki-o-pravitelstve-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 15.11.2021).
8. Алексеев А. С. К учению о юридической природе государства и государственной власти / А.С. Алексеев. – М.: Юнити, 2004. – 238 с.
9. Еримбетов С. С. Конституционно-правовые основы высшей исполнительной власти зарубежных стран / С.С. Еримбетов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №12-10. – С. 1904 -1907.

10. Звягинцева Д. В. Понятие и правовая природа органов исполнительной власти / Д. В. Звягинцева, И. В. Кудряков // ScienceTime. – 2016. – №5 (29). – С. 198-201.
11. Мещеряков А. Н. Формирование концепции единой системы публичной власти в отечественном конституционном праве / А. Н. Мещеряков, А. В. Безруков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 8. – С. 16–21.
12. Носова А. А. Единая система публичной власти: проблемы и перспективы / А. А. Носова, П. И. Кононов // Молодой ученый. – 2021. – № 19 (361). – С. 228-230.

УДК 341.1/.8

Ю.А. Соловьёва, канд. юрид. наук, доцент, Донецкий национальный университет (г. Донецк)

(e-mail: soloveva5585@bk.ru)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВСЕОБЩЕЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассмотрены вопросы правовой регламентации всеобщей и национальной безопасности в контексте системного отражения принципов их реализации; дан краткий обзор международного законодательства, регламентирующего право на создание государствами систем коллективной и индивидуальной безопасности.

Ключевые слова: безопасность, всеобщая безопасность, международная безопасность, национальная безопасность, коллективная система безопасности, индивидуальная система безопасности.

Solovyova, U.A.

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR PROVIDING GLOBAL AND NATIONAL SECURITY

The article deals with the issues of legal regulation of international and national security in the context of the systematic reflection of the principles of their implementation; a brief overview of international legislation governing the right of states to establish collective and individual security systems is presented

Key words: safety, universal security, international security, National security, collective security system, individual security system.

Актуальность темы исследования. Сегодня обеспечение всеобщей безопасности является главной проблемой современности. На это в свое время справедливо указывал бывший Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (далее – ООН) Кофи Аннан, по утверждению которого серьезными угрозами для мира и безопасности человечества в XXI веке являются не только международные войны и конфликты, а также насилие против гражданского населения, организованная преступность, терроризм,

применение оружия массового уничтожения, нищета, смертоносные инфекционные заболевания и «деградация» окружающей среды (поскольку эти явления несут не менее катастрофические последствия) [1].

Кроме того, события последних лет свидетельствуют об обострении проблем национальной безопасности отдельных государств, вызванных соперничеством между ведущими странами мира за передел сфер влияния, последствием которого является эскалация терроризма, увеличение потока нелегальной миграции, обострение политических и социально-экономических проблем в ряде государств, трансформирующихся в вооруженные конфликты и прочее.

Эти и другие факторы свидетельствуют о неэффективности разработанных на сегодня механизмов обеспечения как всеобщей (международной) безопасности в целом, так и защиты национальных интересов государств в частности. Ведь естественно, что путь к гарантиям безопасности каждого отдельного государства, как основной единицы международной системы, должен лежать через общемировое укрепление всеобщей безопасности, что должно быть обеспечено с помощью не военных, а политических и международно-правовых средств.

Анализ научных исследований. Отдельные вопросы обеспечения международной и национальной безопасности являются предметом исследования российских специалистов как в области политологии, так и международного права, а именно: А. В. Назаренко [2], С. А. Костин [3], И. А. Орлова [4, с. 31-37] и др. В тоже время в юридической литературе наблюдается недостаток внимания исследователей к вопросам правовой регламентации указанной сферы правоотношений.

В связи с этим целью данного исследования является системный анализ совокупности международно-правовых основ всеобщей и национальной безопасности.

Изложение основного материала. Устав ООН [5] определил как одну из главных целей создания и деятельности этой организации объединение усилий международного сообщества для поддержки безопасности, а страны-участники Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в ст. 5 Заключительного акта от 1 августа 1975 г. [6] обязались воздерживаться от любых действий, которые могут ухудшить ситуацию до такой степени, что возникнет угроза поддержанию безопасности. То есть, в указанных актах под безопасностью понимается некоторое качество международных отношений, которое ставится в зависимость от того или иного уровня межгосударственных правоотношений.

Всеобщую безопасность в широком смысле можно трактовать как систему международных отношений, основанную на соблюдении всеми государствами общепризнанных принципов и норм международного права и исключаящую решения спорных вопросов и разногласий между ними с помощью силы или угрозы ее применения.

Несколько иного подхода в данном вопросе придерживаются авторы третьего издания книги «The Charter of the United Nations: A Commentary» [1], которые международную безопасность предлагают рассматривать как «трансформацию международных отношений, при которой каждое государство имело бы гарантию нерушимости мира или как минимум того, что любое нарушение мира будет ограниченным по своим последствиям». По мнению исследователей, под международной безопасностью необходимо также понимать право каждого государства прибегнуть к любой соответствующей системе безопасности, а также юридическое обязательство каждого государства поддерживать такие системы.

По нашему мнению, в таком понимании международной безопасности можно выделить два момента: первый связан с правом и возможностью государства «существовать» в международной системе, опираясь, прежде всего, на свой суверенитет, прибегая к средствам защиты своей национальной безопасности; второй – гарантированная поддержка мирового сообщества в случае нарушения основных принципов и норм права международной безопасности.

Что касается категории «национальная безопасность», то первоначально она употреблялась как синоним обороноспособности государства и под ней понимали, прежде всего, военную и политическую безопасность. Однако в начале 1990-х гг. в научных исследованиях проблему «национальной безопасности» начинают рассматривать под разными углами. Так, бывший министр обороны США Г. Браун отмечал, что безопасность – это способность сохранять физическую целостность и территорию, поддерживать экономические отношения с другими странами мира, на разных уровнях защищать от внешнего негативного воздействия свои институты и систему управления, контролировать свои границы. Исследователи Европейского Центра по изучению вопросов безопасности им. Дж. К. Маршалла (Германия) считают, что безопасность – это общий термин, который включает как понятие национальной обороны, так и отношения страны с иностранными государствами [7, с. 69-70].

В контексте отмеченного, хотелось бы привести норму п. 1 ст. 5 Указа Президента Российской Федерации (далее – РФ) от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где закреплено, что под национальной безопасностью РФ необходимо понимать состояние защищенности национальных интересов РФ от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [8].

Таким образом, ссылаясь на заявление Генеральной Ассамблеи ООН, необходимо отметить, что сегодня национальная и всеобщая безопасность становятся все более взаимосвязанными [1] и, как нами уже отмечалось, путь к

обеспечению безопасности каждого отдельного государства лежит через общемировое укрепление всеобщей безопасности.

В соответствии с нормативными гарантиями обеспечения всеобщей безопасности, действующее международное право призвано служить миру. Прежде всего это касается основных принципов международного права, направленных на обеспечение сотрудничества и международной защиты народов, причем эти принципы лишь тогда достигают цели, когда действуют взаимосвязано. Юридическую основу права международной военной безопасности составляют следующие основные принципы международного права: принцип неприменения силы, принцип мирного разрешения споров, принцип разоружения [9, с. 127].

Так, принцип неприменения силы или угрозы силой юридически закреплен в п. 4 ст. 2 Устава ООН [5]. В Декларации о принципах международного права 1970 г. [10] конкретизированы действия, от которых государства должны воздержаться в своих международных отношениях. Так, государства должны воздерживаться от пропаганды агрессивных войн. Кроме того, каждое государство должно воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения существующих международных границ другого государства или в качестве средства решения международных споров, в том числе территориальных, и вопросов, касающихся государственных границ. Вместе с тем, каждое государство должно воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения международных демаркационных линий, таких как линии перемирия, установленных или соответствующих международному соглашению, стороной которого является данное государство. Также государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы. Каждое государство должно воздерживаться от любых насильственных действий, лишающих народы их права на самоопределение, свободу и независимость. Кроме того, государства должны воздерживаться от организации или поощрения организации иррегулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников, для вторжения на территорию другого государства. Каждое государство должно воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве. Территория государства не может быть объектом военной оккупации, являться результатом применения силы в нарушение положений Устава ООН. Территория государства не должна быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения. Никакие территориальные приобретения, являющиеся результатом угрозы силой или ее применения, не должны признаваться законными.

Принцип мирного разрешения международных споров получил характер императивной нормы международного права вместе со вступлением в силу Устава ООН [5], в соответствии с п. 3 ст. 2 которого «все члены Организации Объединенных Наций решают свои международные споры мирными

средствами таким образом, чтобы не ставить под угрозу международный порядок и безопасность». В соответствии со ст. 33 Устава ООН «стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны, прежде всего, стараться разрешить спор путем переговоров, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору». Устав ООН не приводит исчерпывающий перечень таких средств, а лишь указывает на возможные способы решения конфликта. Кроме того, нормы международного права не содержат императивной обязанности государства применять конкретное средство, а наоборот, предоставляют возможность свободного выбора способов решения спора, которые отвечали бы обстоятельствам и характеру такого спора.

Хотелось бы также отметить, что Устав ООН и другие международно-правовые акты определяют разоружение как принцип международного права и одновременно всеобщего, справедливого, ненасильственного и демократического мира. Разоружение также является материальной гарантией мира, направлением совместных усилий всего мирового сообщества по формированию системы глобальной стабильности и безопасности. Мероприятия по разоружению, которые используют государства, могут включать в себя как межгосударственные соглашения, так и односторонние акции; это могут быть договоренности, касающиеся ограничения территорий, или детально разработаны механизмы, направленные на демилитаризацию мира.

Отметим также, что международное право предусматривает создание государствами систем безопасности (индивидуальной и коллективной). Система индивидуальной безопасности государств – это совокупность используемых государством индивидуальных гарантий обеспечения своей безопасности. Создав нормы международного права, закрепляющие перечень и состав международных преступлений, государства не отказались от собственных средств обеспечения своей безопасности, а использовали международно-правовые средства как дополнительные гарантии последней [11, с. 274].

Одним из способов обеспечения индивидуальной безопасности государства является право на самооборону. Так, в доктрине самооборону определяют «как право государства на принудительное обеспечение своей территориальной неприкосновенности и политической независимости от насильственного акта в форме вооруженного нападения, осуществляемое с соблюдением норм международного права» [12, с. 12].

Нормативной основой применения самообороны государством считается ст. 51 Устава ООН [5], где закреплено неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена ООН, до тех пор, пока Совет Безопасности

ООН (далее – СБ ООН) не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности.

Самооборону в юридической литературе принято понимать как осуществляемое с соблюдением норм международного права право государства на ответные вооруженному нападению действия, направленные на обеспечение своей территориальной целостности и политической независимости. Международный Суд ООН в отношении индивидуальной самообороны отметил, что реализация этого права предполагает, что «соответствующее государство стало жертвой вооруженного нападения». Присоединяясь к мнению Ф. Худиевой, считаем, что самооборона не может быть средством борьбы с вооруженной агрессией, так как согласно ст. 39 Устава ООН СБ решает, совершена агрессия или нет, а наличие вооруженного нападения определяет само государство, ставшее его жертвой (ст. 51). Поэтому самооборона является одним из средств борьбы с вооруженным нападением, а не агрессией [13, с. 344].

В тоже время, фактическое неравенство государств в возможности обеспечения индивидуальной безопасности компенсируется организацией ими групповых систем безопасности. Так, система коллективной безопасности, созданная в рамках ООН, основывается на полном запрете применения силы или угрозы силой в отношениях между государствами. Устав ООН [5] возлагает на СБ ООН главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, определяет обязанность установления любой угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии, а также уполномочивает на принятие юридически обязательных решений. СБ ООН – единственный из органов, который может принимать юридически обязательные для государств решения. Таким образом, государства-члены ООН берут на себя международно-правовое обязательство выполнять решения СБ ООН, который играет ведущую роль в определении любой угрозы миру, его нарушения или акта агрессии (ст. 39 Устава ООН), уполномочен требовать выполнения временных мер (ст. 40 Устава ООН) и решает, какие меры военного или невоенного характера государствам следует принять (ст. 41, 42 Устава ООН) [5].

В соответствии с разделом VII Устава ООН [5] СБ ООН может принимать решения о принудительном применении силовых мер с целью поддержания и восстановления международного мира и безопасности, особенно, если предыдущие этапы миротворчества не привели к положительному результату. Такие меры варьируются от экономических санкций до международных военных акций. Примером реализации санкционированных военных операций является инициирование военных действий ООН по отношению к Корее в 1950 г. во время корейской войны, применение коалиционных сил в Ираке и Кувейте в 1991 г. и в Ливии в 2011 г. За последнее десятилетие санкции вводились в отношении Ирака, бывшей

Югославии, Ливии, Гаити, Либерии, Руанды, Сомали, Судана, Сьерра-Леоне, Союзной Республики Югославии (включая Косово), Афганистана, Эфиопии.

В случаях, когда усилия для мирного решения проблемы не дают необходимого результата, могут быть введены более решительные меры с применением «всех необходимых мер», вплоть до военных действий, для решения конфликта. Примерами могут служить следующие: военные действия по восстановлению суверенитета Кувейта после вторжения Ирака (1991 г.), по оказанию гуманитарной помощи в Сомали (1992 г.), защиты гражданского населения в Руанде (1994 г.), восстановление законной власти в Гаити (1994 г.), восстановление мира в Восточном Тиморе (1999 г.).

По этому поводу В. В. Нечаев отмечает, что «важность решений СБ состоит в том, что они регулируют первоочередные политические вопросы, связанные с поддержанием всеобщего мира и безопасности народов, а также в том, что выполнение этих решений является обязательным для всех государств». По мнению В. В. Нечаева, решения СБ ООН имеют безусловную юридическую силу и являются значимыми источниками международного права [14, с. 23].

Еще одним примером создания коллективной системы безопасности является Организация Договора о коллективной безопасности, ст. 3 Устава [15] которого закреплено, что целями Организации являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам.

Выводы по проведенному исследованию. Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, при определении категории «международная безопасность» необходимо выделять два момента: первый связан с правом и возможностью государства «существовать» в международной системе, опираясь, прежде всего, на свой суверенитет, прибегая к средствам защиты своей национальной безопасности; второй – гарантированная поддержка мирового сообщества в случае нарушения основных принципов и норм права международной безопасности. Во-вторых, сегодня национальная и всеобщая безопасность становятся все более взаимосвязанными и путь к обеспечению безопасности каждого отдельного государства лежит через общемировое укрепление всеобщей безопасности. В третьих, юридическую основу права всеобщей и национальной безопасности составляют, прежде всего, следующие основные принципы международного права: неприменения силы, мирного разрешения споров, разоружения. В-четвертых, на сегодня в международном праве предусмотрено создание государствами таких систем безопасности: индивидуальной и коллективной (региональной и международной).

Список литературы

1. Новое международное право в области защиты и безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21998> (дата обращения: 10.10.2021). – Загл. с экрана.
2. Назаренко А. В. Национальная и международная безопасность: концепции и реалии в XX - начале XXI вв.: историко-политологический анализ: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Алексей Владимирович Назаренко. – М., 2008. – 230 с.
3. Костин С. А. Международно-правовое обеспечение коллективной безопасности в Европе: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Костин Сергей Андреевич. – М., 2014. – 208 с.
4. Орлова И. А. Развитие современной системы права международной безопасности / И. А. Орлова // Управленческое консультирование. – № 10. – 2017. – С. 31-37.
5. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 10.10.2021).
6. Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе: заключительный акт (Хельсинки, 1975 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 10.10.2021).
7. Корж І. Ф. Державна безпека: методологічні підходи до системи складових поняття / І. Ф. Корж // Права інформатика. – № 4(36). – 2012. – С. 69-75.
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 10.10.2021).
9. Сергунин А. А. Международная безопасность и новые подходы и концепты / А. А. Сергунин // Полис. – 2005. – № 6. – С. 126-137.
10. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 10.10.2021).
11. Міжнародне право: Основні галузі: підруч. / за ред. В. Г. Буткевича. – Київ: Либідь, 2004. – 816 с.
12. Скакунов Э. И. Самооборона в международном праве / Э. И. Скакунов. – Москва: Международные отношения, 1973. – 174 с.

13. Худиева С. Содержание самообороны государств в современном международном праве / С. Худиева // Международное право. – № 6. – 2018. – С. 343-346.
14. Нечаев В. Соблюдение основ международного права в контексте деятельности ООН / В. Нечаев // Молодой ученый. – 2011. – № 7. – Т. 2. – С. 22-25.
15. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года, подписанным 10 декабря 2010 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti / (дата обращения: 10.10.2021).

УДК 341.218

В.В. Чамлай, канд. юрид. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: valentinovich-v@mail.ru)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ ЗА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ, ВОЗНИКШИХ В РАМКАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Постоянные конфликты и внутренняя борьба между гражданами одного государства, имеющими различные идеологические взгляды и культурные ценности, является предметом исследования ряда отечественных ученых. В статье проведен комплексный анализ причин межэтнических конфликтов, а также сформулированы основные причины перехода от внутреннего конфликта к осознанной борьбе за самоопределение, с дальнейшим созданием новых государственных образований.

Ключевые слова: конфликт, государство, идеология, гражданская война, самоопределение.

Chamlai, V.V.

TOPICAL PROBLEMS OF THE STRUGGLE FOR SELF-DETERMINATION OF UNRECOGNIZED STATES IN THE FRAMEWORK OF THE POST-SOVIET AREA

Constant conflicts and internal strife between citizens of one state with different ideological views and cultural values are the subject of research by a number of Russian scientists. The article provides a comprehensive analysis of the causes of interethnic conflicts, and formulates the main reasons for the transition from internal conflict to a conscious struggle for self-determination, with the further creation of new state formations.

Key words: conflict, state, ideology, civil war, self-determination.

Актуальность темы исследования. Проблемы существования и развития непризнанных государств в рамках постсоветского пространства все чаще становятся предметом обсуждения ряда информационных передач, а также объектами исследования отечественных ученых-правоведов. Особый научный интерес и актуальность с точки зрения современных ученых данная тема приобрела вместе с увеличением численности непризнанных государств. Первый этап появления непризнанных государств начался после распада СССР в 90-е годы XX столетия, что привело к появлению на политической карте таких государственных формирований, как Абхазия, Нагорно-Карабахская Республика, Южная Осетия и Приднестровская Молдавская Республика. Вторым этапом появления плеяды непризнанных государств сопряжен с периодом современности, когда на политической карте бывшего СССР возникло еще два непризнанных государства: Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика, как следствие вооруженной агрессии Украины в 2014 году.

Постоянная актуальность данной темы обусловлена рядом факторов, среди которых социальная напряженность, гуманитарные проблемы, проявление активности националистических организаций и постоянные человеческие жертвы, – становятся частью новостей информационных таблоидов ведущих СМИ, впрочем, как и ряд вопросов урегулирования конфликтов на территории постсоветских государств.

Анализ научных исследований. В процессе написания научной статьи было проведено комплексное независимое исследование ряда научных работ таких исследователей, как В. Я. Гросул, А. Н. Данилова, Г. Н. Михеевой, Л. В. Сергеевой, А. И. Суздальцева [4, 5, 11, 12, 13].

Цель исследования: определить круг проблем и причин, препятствующих урегулированию конфликтов и снятия социальной напряженности непризнанных государств. Также важно обозначить причины глобальных противостояний, повлекших появление межэтнических конфликтов в процессе самоопределения непризнанных государств.

Результаты исследования. Процесс развития и становления непризнанных и частично признанных государств обусловлен рядом проблем, которые берут начало с завершением противостояния СССР и США. Безусловно, падение советского режима значительно ослабило внешнеполитическое влияние сверхдержавы на мировое сообщество. Раскол советского государства привел к распаду бывших республик на независимые государства. Важно учитывать, что ряд экономических потрясений затронул все постсоветские республики. Интересно отметить, что конфликты на Кавказе, связанные с событиями в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии коснулись событий начала 90-х годов XX столетия.

Проблемы самоопределения непризнанных государств, численность которых в мировой практике неуклонно растет, весьма разнообразны. Так, основой многих противоречий и вооруженных конфликтов чаще всего принято

считать идеологические и религиозные противоречия, близкие по своей сути. Ситуация в Нагорном Карабахе, связанная с вооруженными событиями 90-х годов XX века, вызвана религиозными противоречиями. Противостояние православных армян и религиозных оппонентов азербайджанцев, обернулось межэтническими столкновениями, в результате которых на смену мирным митингам и протестам после распада СССР была провозглашена независимость Нагорно-Карабахской Республики, желающей отделиться от Азербайджана. Отсутствие консенсуса по вопросам проведенного референдума подогревалось тем, что Азербайджан начал проводить политику геноцида по отношению к армянам, что в итоге привело к необратимости разрушительного процесса. Так в Киргизии 5 мая 1994 года был подписан Бишкекский протокол [7]. Согласно подписанному соглашению вооружение было отведено с обеих сторон, хотя итоговый статус и судьба Нагорного Карабаха так и осталась неопределенна. В результате национального конфликта пострадало более 50000 человек, а боевые столкновения происходят по сей день. Даже посредничество в урегулировании ситуации ведущих государств Европы, а также влияние России не может гарантировать, что участники противостояния придут к решению конфликта мирным путем, в силу постоянной эскалации отношений между противоборствующими сторонами отношений.

Противостояние между Абхазией и Арменией стало ярким примером тупиковой ситуации в решении конфликта, возникшего на религиозной почве, что подтверждается результатами встречи лидеров Армении и Азербайджана в рамках Мюнхенской конференции по безопасности 2020 года, где Ильхам Алиев был категоричен в том, что «Нагорный Карабах — это часть Азербайджана. Это международный признанный факт», в то время как Никола Пашинян дал понять азербайджанскому лидеру, что силовое решение проблемы невозможно [8]. Кроме того, важно отметить, что сторонами урегулирования конфликта с 1992 года выступают по сути страны, которые имеют ряд противоречий во взаимоотношениях: США, Россия и Франция как представитель ЕС. В результате отсутствия единой концепции урегулирования конфликта на протяжении последних 30 лет обе стороны нагорно-карабахского конфликта периодически ведут боевые действия, что с позиции международной практики недопустимо. Таким образом, по сути, противостояние на территории НКР является ярким примером отсутствия волевого решения мирового сообщества в решении вопроса признания новообразовавшегося государства. Именно признание независимости Нагорно-Карабахской Республики стало бы отправной точкой в урегулировании конфликта, последствия которого имеют как исторические корни противостояния, так и разрушительные масштабы, вызванные беспорядочными боевыми действиями и неоправданными жертвами мирного населения с обеих сторон.

Не меньший интерес с позиции образования непризнанного государства имеет череда вооруженных конфликтов в рамках Грузии, которые обернулись появлением Абхазии и Южной Осетии. Кровавопролитные войны захлестнули

кавказские народы, которые в итоге привели к ряду разногласий между Грузией и Россией, что в свою очередь обернулось военными событиями 2008 года. Важно учитывать, что политические силы во главе с первым президентом Грузии Звиади Константиновичем Гамсахурдия имели националистический уклон и негативное отношение к национальным меньшинствам, к числу которых относились жители Абхазии. В силу внутренних распрей и политического противостояния внутри грузинского государства Абхазская республика заявила претензии о самоопределении народа Абхазии, с требованиями независимости. Отсутствие консенсуса обернулось вооруженным конфликтом 1992-1993 годов, вследствие которого более 30000 человек вынуждены были покинуть своё место жительства. Новый лидер страны Э. А. Шеварнадзе принял курс на сближение с Россией в рамках урегулирования Абхазского конфликта, что предполагало урегулирование конфликта, при котором обе стороны конфликта стали участниками переговорного процесса в Женеве с привлечением как наблюдателей из России, так и участников ОБСЕ и Группы друзей генерального секретаря ООН в составе представителей США, Германии, Франции, Великобритании. Следующим этапом в урегулировании отношений стало подписание в мае 1994 года «Соглашения о прекращении огня и разъединении сил» с 12-километровой зоной безопасности с размещением Коллективных сил СНГ по поддержанию мира. Большая часть стремлений урегулирования отношений между непризнанной Абхазией и Грузией в период конца 90-х годов XX столетия сводилась к точечным терактам и возобновлением военных действий, связанных с действиями националистических групп Грузии на территории Абхазии и вооруженных формирований: «Белый Легион», «лесные братья», представляющих интересы грузин, проживающих на территории Абхазии. Так или иначе, создание нестабильности и экономические трудности стали существенными препятствиями в продвижении к признанию Абхазии, которая до сегодняшнего дня находится в статусе частично признанного государства с экономической блокадой со стороны большинства мирового сообщества. Предопределяющим в положении Абхазии на мировой арене стали события с обострением отношений между народностями вследствие действий так называемых грузинских «партизан».

Проблемы в вопросах урегулирования статуса непризнанного государства на рубеже веков в большей степени сопряжены с изменениями ситуации внутри России, как гаранта сохранения стабильности как на территории Абхазии, так и в рамках Южной Осетии. Активный процесс урегулирования отношений между сторонами конфликта зашел в тупик в связи с необходимостью определения статуса Абхазии в рамках Грузии что по сути противоречило самой идее независимости Абхазии в целом. Больше того, «розовая революция» 2003 года в Грузии не только сместила Э. Шеварнадзе, но и стала началом большой кампании «западных партнеров», сделавших ставку на энергичного и оппозиционного лидера М. Саакашвили, готового

расшатывать ситуацию на Кавказе, предоставив свободу действий незаконным вооруженным формированиям и частным военным компаниям, в качестве раздражителя обстановки на территории оппозиционных непризнанных государств. Создание экономического вакуума, а также открытые обвинения проевропейского правительства в военной поддержке непризнанного государства стали ключевым этапом в международном признании Абхазии, проведя аналогию с ситуацией в Косово, как прецедента для мирового признания. Отсутствие гарантий безопасности в зонах этнических разногласий обернулось эскалацией не менее длительного и кровопролитного конфликта грузин с осетинами. Истоки конфликта берут свое начало с момента падения Российской империи. Так, с падением династии Романовых в 1917 году Грузия предъявила право на территорию Южной Осетии. На протяжении становления советской власти осетины испытывали притеснение со стороны Грузии и советской власти, которое обернулось в итоге разделом Осетии на Южную и Северную часть, при которой Северная Осетия входила в состав РСФСР, а Южная стала частью Грузинской ССР на правах автономии. Падение советского режима привело к активизации требований Южной Осетии в праве на самоопределение, наряду с другими кавказскими народами. Принятие Закона Республики Грузия от 11.12.1990 года № 63-1 «Об упразднении Юго-Осетинской автономной области» усугубило положение национальных меньшинств непризнанного государства [6].

Активизация националистических движений внутри Грузии повлияла на усиление эскалации межэтническими группами в силу идеологических разногласий. Открытая фаза боевых действия пришлась на январь 1991 года, когда в Цхинвал ворвались грузинские вооруженные отряды. Активный обстрел мирных жителей, атаки на колонны беженцев стали частью новостных сводок конфликта в 1991-1992 годах. Так, в феврале 1991 года поступавшее из Грузии электроснабжение было отключено, а жители региона после ряда обстрелов вынуждены были бежать на территорию Северной Осетии и России. Грузинские вооруженные формирования вели массированный огонь по жилым кварталам Цхвинвала. Мародерство и военная агрессия стали частью существования Южной Осетии, проблемы которой были абсолютно неинтересны международному сообществу. Решение гуманитарной катастрофы в регионе и борьба с блокадой легла на плечи Северной Осетии. В целях урегулирования обстановки были заключены Сочинские соглашения между президентом России Б. Ельциным и президентом Грузии Э. Шеварнадзе, пришедшему к власти не без помощи России, способствующей подавлению власти диктатора З. Гамсахурдии. Выполняя роль миротворца, новая власть Грузии способствовала завершению противостояния в конфликте. Новое обострение противостояния произошло в период, когда националистические силы вновь расширили круг своих полномочий во времена правления М. Саакашвили. Обострение ситуации в 2008 году привело к 5-и-дневной войне между Россией и Грузией, которая устремилась к продвижению в НАТО после

выхода из состава СНГ, в который Грузия вошла во время управления Э. Шеварнадзе [3].

Геополитическая борьба перешла в новую стадию, вследствие чего конфликт стал неизбежен. Поддержание международной безопасности и развитие межнационального диалога сопряжено с созданием условий для безопасности мира. Появление на мировой арене конкурентного оппонента США в лице России привело к глобальным изменениям всей геополитической ситуации в целом. На момент 2008 года Грузия провела совместные учения с подразделениями США, демонстрируя готовность к решению этнического конфликта с непризнанными Южной Осетией и Абхазией силовым путем, обеспечивая якобы целостность Грузии в рамках действующей конституции. Являясь гарантом безопасности народов Кавказа, Россия под руководством лидера страны Д. Медведева провела силовую операцию, отбив 9 августа 2008 года Цхинвал. Урегулировать ситуацию удалось благодаря вмешательству лидеров ЕС, которые прибыли в Тбилиси. Благосклонность к США президентов Польши, Литвы и Украины, во главе с В. Ющенко, пришедшему к власти также путем государственного переворота, как и грузинский лидер М. Саакашвили. Появление в Тбилиси боевых самолетов США привело международное сообщество к эскалации конфликта, который мог обернуться началом более масштабных боевых действий мирового масштаба.

В итоге волевые усилия РФ позволили избежать геноцида населения Южной Осетии, остановив западную экспансию Кавказа. Вместе с тем решение вопроса силовым путем поставило под угрозу дальнейшее мирное сосуществование в одном государстве абхазов, осетин и грузин. Примечательно, что в выступлении Главы МИД России С. Лаврова в рамках расширенного заседания Комитета Совета Федерации по международным делам была четко обозначена позиция России на сохранение принципов международного права по сохранению мира в рамках международных миротворческих обязательств применительно к урегулированию данного конфликта. Выполнив миротворческую миссию, Россия впервые в новой истории заявила о своей значимости на международной арене, заявив о недопустимости притеснения национальных меньшинств, в рамках действующих норм международного права. Правильность действий в ситуации военного конфликта подтверждается также докладом от 30.09.2008 года в Брюсселе послам 27 стран-членов ЕС и представителю ООН Главы комиссии Хайди Тальявини, в котором указывалось, что грузинские войска первыми вошли на территорию Южной Осетии, а военная операция России, носившая оборонительный характер, не противоречила международному праву [3].

Тем не менее, дальнейшего широкого признания ни Абхазия, ни Южная Осетия не получили. Лишь последовательные действия России в признании Южной Осетии и Абхазии в сентябре 2008 года позволили им решить проблему изоляции данных государств европейским сообществом. Финансовая и гуманитарная поддержка государств позволяет создать необходимые условия

для мирного проживания кавказских народов в рамках частично признанных государств, исключив негативное влияние американских и европейских оппонентов, которые в последние десятилетия стремительно нагнетают обстановку в других регионах, соседствующих с Россией.

Интересна в данном контексте судьба Приднестровской Молдавской Республики, которая с точки зрения геополитической ситуации на сегодняшний день находится в наиболее бесперспективном положении. Появлению Приднестровской Молдавской Республики способствовали события, сопряженные с распадом СССР [2].

Приднестровская Молдавская Республика по сути является самым старым непризнанным государством на территории постсоветского пространства, возникшим в 1990 году. Наличие культурных разногласий возникло на языковой почве, которые обернулись вооруженным противостоянием 1992 года. Так, население Приднестровской Молдавской Республики во главе со столицей – городом Тирасполь – не поддержало идею Молдовы о запрете русского языка в качестве государственного. Стремление Молдовы к притеснению русскоязычного населения, чье количество составляет порядка 30% от общей численности населения Приднестровья, обернулось массовыми протестами и военными столкновениями, которые длились в течение 5 месяцев, до урегулирования конфликта российскими миротворцами, которые по настоящее время пребывают на территории Республики. Важно отметить, что в последнее время ситуация в Приднестровье оставляет желать лучшего, в силу обострения отношений с Украиной, которая в последнее время переживает русофобские настроения.

Фактически Приднестровье находится в сложном экономическом положении, потому как экономический потенциал и промышленные предприятия не имеют возможности свободной реализации собственной продукции в силу непризнанности. Стратегическая роль Приднестровья в настоящее время также сомнительна, потому как вся Молдова в целом является источником дешевой рабочей силы. Значительный отток трудоспособного населения привел к значительному уменьшению численности населения. Вышеперечисленные обстоятельства не оставляли шанса населению в целом, да и сама Молдова не видит перспектив для процветания и развития, являясь государством с массой экономических и социальных проблем. Увеличение влияния националистических группировок также препятствует урегулированию конфликта и признанию территории, которую молдаване считают сепаратистским анклавом.

С позиции международного права урегулированию вооруженного конфликта на территории ПМР разрешению конфликта не способствовало принятие Меморандума «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем» от 08 мая 1997 года [10].

Согласно данному соглашению определялись обязательства участников конфликта, а также возможность выбора внешнеэкономических партнеров и

дальнейших перспектив развития непризнанной республики. На сегодняшний день решение проблемы замороженного конфликта 1992 года не нашло дальнейших перспектив в развитии государства. Важно отметить, что международная общественность никак не способствует признанию территорий в качестве независимого государства, географическое положение которых ставит вопрос о транзите продовольствия в Приднестровье, а также усилению прессинга со стороны Украины, способствующей интеграции Республики в состав Молдовы. Появление новых блокпостов на территории между Приднестровьем и Украиной является нарушением международного права, что для современной Украины, впрочем, традиционно. Наиболее яркими и актуальными противостояниями среди непризнанных государств стали события борьбы жителей Донбасса за собственную независимость. Провозглашение Донецкой и Луганской Народных Республик в 2014 году ознаменовало проявление ряда разногласий, которые охватили русскоязычное население после событий государственного переворота в Киеве.

Проблемы противоречий между жителями Донбасса, центральной и западной Украины берут свое начало задолго до событий 2014 года. Первым опасным звонком для русскоязычного населения стали события 2004 года, связанные с чередой цветных революций, включая оранжевую революцию с приходом к власти В. Ющенко. Именно в период правления В. Ющенко националистические силы стали явно проявлять свои истинные цели по угнетению русскоязычного населения. Важно отметить, что смена политического лидера в рамках страны не изменила расклада сил, даже с приходом к власти В. Януковича, выходца из донецкого региона. Именно середина нулевых годов вызвала недоумение и раскол, следствием которого стали в итоге события Гражданской войны с жителями ДНР и ЛНР. Стремление к евроинтеграции и пропаганда русофобских настроений стала причиной ряда разногласий, урегулировать которые проукраинская марионеточная власть решила силовым путем.

Обострение революционных настроений в Киеве привело к смещению В. Януковича и переходу обязанностей президента к спикеру Верховной Рады Украины А. Турчинову. Так, вместе с приходом новой власти стало ясно, что новое парламентское большинство, сформированное из выходцев из Западной Украины, видит процесс разрешения проблемы идеологических противоречий силовым путем.

В новое правительство, сформированное во главе с оппозиционными силами А. Яценюка и ВО «Батькивщина», вследствие своего доминирования в украинском парламенте, вошли силы, одобряющие применение силы на Донбассе. Не признающие новую власть жители восточных регионов перешли к требованиям изменения территориального устройства Украины с последующей федерализацией вплоть до полного отделения и выхода из состава Украины. Стремление к объединению людей восточных регионов Донбасса было вызвано рядом мотивов. Прежде всего, начало вооруженной

операции против мирного населения поставило в тупик дальнейшее урегулирование противоречий мирным путем.

Нападение регулярных вооруженных сил, а также распространение детальности незаконных добровольческих объединений с националистическими взглядами усугубило ситуацию на территории нынешних ДНР и ЛНР. Непризнание результатов майских референдумов о самоопределении от 2014 года способствовало началу так называемой «Антитеррористической операции», под которой по сути завуалированы для международного сообщества силовые акции по устрашению и уничтожению населения, имеющего идеологические взгляды, противоречащие позиции действующего правительства Украины.

Важно отметить, что ни ныне действующая власть во главе с В. Зеленским, ни предшественники в лице П. Порошенко не предприняли абсолютно никаких мер для урегулирования конфликта в мирном ключе. Мировое сообщество игнорирует тот факт, что ведение Гражданской войны с жителями Донбасса на протяжении 7 лет именуется в украинских СМИ как война с Россией. Кроме того, ДНР и ЛНР воспринимаются как сепаратистские организации, с применением санкций вплоть до уголовного преследования по отношению к гражданам, имеющим оппозиционные взгляды. Фактически боевые действия на территории Донбасса ведутся до сегодняшнего дня, а украинская сторона игнорирует «Минские соглашения», проводит провокационные вылазки для диверсионных операций и периодические обстрелы территорий, близких к линиям разграничения. Гуманитарная катастрофа вследствие боевых действий в 2014 году была обусловлена тотальным разрушением инфраструктуры, а также дальнейшим плановым введением ограничений на транспортное перемещение с 2016 года с позиции националистически настроенных активистов. Вместе с тем важно обратить внимание, что экономический прессинг на ввоз и вывоз товаров после указа П. Порошенко в марте 2017 года был поддержан на официальном уровне. Свое решение украинские власти обосновали «обострением ситуации с безопасностью и ростом угроз экономической и энергетической безопасности» [9]. Вместе с гуманитарными проблемами еще больше разногласий возникло из-за возможности получения ряда документов, необходимых в процессе жизнедеятельности: свидетельств о рождении, паспортов, дипломов об образовании. Фактически на сегодняшний день современные власти Украины сделали все возможное, чтобы окончательно поставить точку в отношениях с регионами, ранее составлявшими основу промышленного потенциала страны. Отсутствие диалога с представителями властей Республик на официальном уровне является по сути уникальным явлением, потому как на протяжении 2014-2021 годов международное сообщество игнорирует существование ДНР и ЛНР, что по сути противоречит принципам международного права и является недопустимым в условиях развития современного общества, которое в мировом контексте пропагандирует

сохранение прав и свобод, а также признанием человека высшей социальной ценностью.

Подытожив исследование, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что во всех случаях появления непризнанных государств вооруженное противостояние приводит к осложнению ситуации, которая вместе с увеличением численности неоправданных жертв среди мирного населения приводит к апогею в правоотношениях и наступлению точки невозврата. События вооруженных противостояний, а также отсутствие воли международных гарантов реализации признания непризнанных государств делает ситуацию безвыходной, что в свою очередь не позволяет гарантировать создания надлежащих условий для развития общества в мирном русле, сгладив противоречия, возникшие в силу идеологических разногласий, время от времени возникающих между различными категориями населения.

Список литературы

1. Амелина Я. Международное признание Абхазии и Южной Осетии как фактор стабилизации на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2012. №3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-priznanie-abhazii-i-yuzhnoy-osetii-kak-faktor-de-stabilizatsii-na-kavkaze> (дата обращения: 14.11.2021).
2. Ассоциация учёных Молдовы им. Н. Милеску-Спэтару // История Республики Молдова. С древнейших времён до наших дней. – Кишинёв, – 2002. – С. 327.
3. Бушуев М. «Спустя 10 лет: что важно знать о пятидневной войне России и Грузии / М. Бушуев // Информационный сайт DW, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://p.dw.com/p/32kgQ> (дата обращения: 14.11.2021).
4. Гросул В. Я. История Приднестровской Молдавской Республики. Том 2. / В. Я. Гросул // Тирасполь, 2001. – С. 448.
5. Данилов А. Н. Постсоветские трансформации: уроки для будущего / А. Н. Данилов // Социология. – 2005. – № 4. – С. 19-27.
6. Закон Республики Грузия «Об упразднении Юго-Осетинской автономной области» № 63-1 [принят Председателем Верховного Совета Республики Грузия З. Гамсахурдиа, Тбилиси от 11.12.1990 г.]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_Республики_Грузия_от_11.12.1990_об_упразднении_Юго-Осетинской_автономной_области (дата обращения: 12.11.2021).
7. Информационный сайт «История нагорно-карабахского конфликта» – «Новости в России и мире». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/8979501> (дата обращения: 12.11.2021).
8. Информационный сайт «Старые споры о главном» – «Коммерсант» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4258558> (дата обращения: 13.11.2021).

9. Калюков Е. Украина полностью закрыла грузовое транспортное сообщение с ДНР и ЛНР / Е. Калюков // Информационный сайт Телеканал РБК, 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/15/03/2017/58c90af09a7947ca11013646> (дата обращения: 15.11.2021).
10. Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем. URL: <https://polit.ru/article/2006/03/23/memorand/> (дата обращения: 12.11.2021).
11. Михеева Г. Н. Государства «де-факто». Как сложилась судьба непризнанных республик на постссср? / Михеева Г. Н. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eedialog.org/ru/2018/01/15/de-fakto-gosudarstva-na-territorii-sssr-tranzit-bez-mezhdunarodnogo-priznaniya/> (дата обращения: 12.11.2021).
12. Сергеева Л. В. Трансформация политического режима частично признанной республики Абхазии. / Л. В. Сергеев // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/648> (дата обращения: 11.11.2021).
13. Суздальцев А. И. Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. /А. И. Суздальцев// Москва: Культурная Революция, 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа://<http://www.polit.ru> (дата обращения: 15.11.2021).

УДК 340

В.С. Чангли, канд. экон. наук, доцент, Донбасская национальная академия строительства и архитектуры (г. Донецк)

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Автор анализирует различные концепции взаимодействия национального и международного права. Данный анализ позволяет взглянуть на различные точки зрения ученых-юристов по этому вопросу, ознакомиться с положительными и отрицательными сторонами той или иной теории. Автор акцентирует свое внимание на альтернативных моделях взаимодействия национальных и международной правовых систем, применение которых позволит сделать данное взаимодействие максимально эффективным.

Ключевые слова: государство, национальное право, международное право, правовая система, норма права, правительство, теория.

Changli, V.S.

FORMS OF INTERACTION BETWEEN STATE AND INTERNATIONAL LAW: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

This article presents analysis of various concepts of interaction between national and international law. This analysis allows to look at different points of view of legal scholars on this issue, to get acquainted with the positive and negative

aspects of the theory. The author focuses his attention on alternative models of interaction between national and international legal systems, which will make this interaction as effective as possible.

Key words: *State, national law, international law, legal system, rule of law, government, theory.*

Актуальность темы исследования. Проблемы взаимодействия национального и международного права являются крайне актуальными в современном мире. В силу глобализационных процессов, которые наблюдаются в наши дни, государства все больше и больше стремятся укреплять отношения друг с другом. В первую очередь это связано с экономической сферой, и международная торговля сводит государственные границы на нет в целых регионах нашей планеты. Следовательно, перед государствами возникает вопрос – как построить свои национальные системы права таким образом, чтобы их законодательство не противоречило нормам международного права. Взаимное проникновение данных систем права приводит к возникновению множества проблем и противоречий. Поэтому необходимо проанализировать теории взаимодействия государственного и международного права, имеющиеся в наличии, для того, чтобы постараться нивелировать все имеющиеся противоречия за счет колоссального опыта, накопленного в данной области. Это важно учитывать любому современному государству, которое хочет стать достойным членом мирового сообщества.

Анализ научных исследований. В ходе написания данной научной статьи автор ссылается на работы следующих ученых юристов: С. С. Алексеев [1], У. Э. Бетлер [2], Л. А. Лунц [3], Н. В. Миронов [4], Р. А. Мюллерсон [5], В. С. Нерсисянц [6]. Также данную проблему в своих научных работах исследовали В. В. Гаврилов, А. И. Зыбайло, Л. Х. Мингазов, А. В. Барбук и др.

Цель научной статьи заключается в проведении анализа различных форм взаимодействия систем национального и международного права, для выявления самых эффективных из них.

Основное содержание. Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права возникает при выборе между национальным и международным правовым регулированием, когда существуют различия в международном и внутреннем регулировании одних и тех же правоотношений. В настоящее время становится все меньше и меньше таких общественных отношений, которые относились бы исключительно к компетенции государств. Границы сфер международного и национального права, частного и публичного права становятся все менее четкими, что обусловлено транснациональным характером мировых экономических отношений, взаимозависимостью капитала и политической власти. Все чаще международное право непосредственно применяется отдельными лицами, корпорациями и государственными органами (субъектами национального права) в их отношениях друг с другом. Проблема

урегулирования коллизий между международным и национальным правом имеет большое практическое значение.

Вопрос о взаимосвязи международного и национального права долгое время не был центральным вопросом в юриспруденции, вследствие того, что изначально международное право («право народов») не рассматривали на протяжении столетий как особую систему права, фундаментально отличающуюся от других источников права. Необходимо помнить, что в Средние века и в Новое время международные отношения в Европе регулировались не только правом наций. Так, известный английский юрист У. Бетлер в своих «комментариях» кроме международного права выделил такие отрасли права: естественное, божественное, римское, каноническое, торговое, морское, которые также регламентировали международные отношения и дополняли английское общее, статутное право и право справедливости [2, с. 112]. Правовое регулирование затрагивает права и обязанности отдельных лиц, а не государств.

Принятие того факта, что международное, морское, торговое право и другие отрасли права регулируют права и обязанности отдельных лиц, исключает теорию о том, что их нормы не могут применяться непосредственно. Поэтому первой доктриной соотношения международного и внутреннего права, получившей широкое распространение в XVIII веке, стала доктрина инкорпорации (*incorporatio* – лат. «включение»), которую авторитетно поддержали видные английские юристы Мэнсфилд и Блэкстоун.

Согласно этой доктрине нормы международного права являются составной частью права государства и непосредственным образом применяются субъектами национального права, обеспечиваются национальными средствами и способами правовой защиты и принуждения. Эта концепция, невзирая на свое давнее возникновение, по-прежнему применяется к международному обычному праву в государствах Британского Содружества и Соединенных Штатах Америки и по сей день.

Возникновение и реализация концепции разделения властей привели к появлению теории трансформации в Великобритании в первой половине XIX века. В Великобритании, как и во многих других странах Британского Содружества, заключение и ратификация международных договоров считается исключительным правом монарха. Так, монарх вправе формировать государственные обязательства без ведома органа законодательной власти – парламента, что недопустимо с точки зрения верховенства закона и верховной власти, принадлежащей парламенту. Решением этой проблемы на национальном уровне стала теория трансформации, согласно которой международные акты не могут непосредственно функционировать на территории того или иного государства. Для реализации положений международных актов законодателю требуется издать специальный имплементационный акт (*enabling legislation*), то есть преобразовать содержание международного акта во внутригосударственное право. Как

отметил лорд Аткин: «В отличие от ряда других стран, в Империи нормы должным образом ратифицированного договора не имеют силы закона... Если государственная исполнительная власть, действующее правительство, примет на себя обязательства по договору, предписывающие внесение изменений в законодательное регулирование, то ей придется пойти на риск получения согласия парламента на принятие соответствующего статута или статутов».

В 1899 году выдающийся немецкий ученый Г. Триппель опубликовал монографию «Международное и внутреннее право», в которой изложил теорию дуализма. Триппель писал, что международное и национальное право – это не только различные отрасли права, но и различные правовые системы. Это две окружности, которые тесно соприкасаются, но никогда не пересекаются [5, с. 10].

Ученый различает эти правовые системы по двум основным признакам:

1) субъектами национального права являются физические лица, в то время как субъектами международного права являются только государства;

2) источником национального права является воля самого государства, в то время как источником международного права является общая воля государств. По словам Г. Триппель, для того чтобы международное право реализовало свою задачу, оно должно постоянно прибегать к помощи национального права. Без него оно во многих аспектах совершенно бессильно. Оно подобно маршалу, который отдает приказы только генералам и может достичь своих целей только в том случае, если последние, соответственно его указаниям, отдают новые приказы своим подчиненным [5, с. 11].

Концепция дуализма предполагает, что международное право не зависит от воли какого-либо одного государства, потому что оно представляет собой общую волю всех государств. Каждое государство несет обязательство добросовестно выполнять свои международно-правовые обязательства. Тем не менее, государство свободно решать, как оно будет выполнять эти обязательства. В своей правовой системе государство может даже установить преимущество своего законодательства по отношению к международному праву. Конечно, это возможно повлечет за собой ответственность, но эта ответственность будет носить лишь международно-правовой характер и никоим образом не будет иметь юридической значимости для внутригосударственной правовой системы.

Одновременно с теорией дуализма к концу XIX века складывается монистическая теория соотношения международного и национального права. В 1899 году немецкий аналитик В. Кауфман издал работу «Юридическая сила международного права и отношения между законодательной властью (Staatagesetzgebung) и государственными органами». В данном труде Кауфман представил основные постулаты теории монизма, которую позже развил выдающийся австрийский юрист и философ-неокантианец Х. Кельзен в своей нормативистской доктрине о праве. Эта концепция предполагает наличие единой универсальной системы права, которая охватывает правовой порядок на

различных уровнях. Все право формируется в рамках так называемой «основной нормы», которая, по мнению Кельзена, «определяет ведущий фактор правотворчества так, что его можно назвать Конституцией в понимании юридической логики, в отличие от Конституции в значении позитивного права» [6, с. 594]. Международное право имеет преимущественную силу перед другими нормами права. Она находится на вершине иерархической регулятивной пирамиды и определяет юридическую обоснованность других правовых систем. Кельзен не нарушает государство и закон. Для него государство – это не политический институт, который впоследствии связывает себя своими собственными нормами права. Для Кельзена государство изначально представляет собой юридическое лицо. Оно существует только в своих собственных правовых актах.

Государственный правопорядок возможен только на основе международного права, которое служит правовой основой для всех последующих актов государства. Кельзен считает государство юридическим лицом, корпорацией. Взаимоотношения между международным и национальным правом, по мнению Кельзена, сходны с отношениями между национальным правовым порядком и внутренними нормами корпорации. Приписывание прав и обязанностей государству (а не отдельным людям), как говорит Кельзен, «является всего лишь умственной операцией...» [6, с. 600].

Говоря о верховенстве международного права, Кельзен отрицает государственный суверенитет, очевидно, истолковывая его в абсолютном смысле. Международный правопорядок базируется на так называемой "позитивной (фактически установленной) норме", которую Кельзен определяет следующим образом: "в соответствии с общими нормами международного права правительство, осуществляющее рациональный контроль над населением конкретной территории независимо от других правительств, является легитимным правительством, а население, находящееся на этой территории и подконтрольное этому правительству, образует государство (в смысле международного права)" [6, с. 601].

Необходимо подчеркнуть, что монистический подход имеет немалое практическое значение. Учение Кельзена существенно повлияло на процесс формирования правовой системы европейских сообществ.

Альтернативное применение международного права. Государства занимают особое место в международном и внутригосударственном правотворчестве, выступая полноправными участниками как международных, так и внутривнутриполитических процессов и осуществляя посредническую функцию между этими процессами. Коллизия международного и национального права может свидетельствовать о неспособности (нежелании) правительства государства найти компромиссное решение в столкновении международных и национальных интересов, то есть интересов других правительств, международных организаций, экономических элит с интересами национальных элит, политических партий и движений, предпринимателей, профсоюзов и

широкой общественности. Неспособность правительства предусмотреть соответствие между международным и национальным правом может быть следствием объективных причин, например, когда обязательные национальные и международные нормы являются взаимоисключающими или, например, когда государственная бюрократия допускает (или получала от предыдущих правительств) взаимоисключающие международные и внутренние обязательства без намерения или возможности их выполнять. Однако причиной возникновения коллизии между международным и национальным правом может быть также ситуация, когда нет действительного конфликта международных и национальных интересов, но правовая система государства технически не готова к осуществлению международно-правовых обязательств и не удовлетворяет ни правительство, ни международное сообщество. В последнем случае недостатки механизма имплементации должны быть исправлены [4, с. 123].

Противоречие международного и национального права, вызванное не техническими проблемами, а столкновением интересов, носит более проблематичный характер. Урегулирование таких конфликтов в современных условиях зависит только от правительств. Судьи крайне ограничены в средствах поиска политического компромисса и не могут кардинально изменить действующее правовое законодательство. Они вынуждены жертвовать чьими-то интересами. Этого нельзя избежать, но негативные последствия все же можно смягчить.

Действительно, верховенство международного права не может быть оправдано ссылкой на тот факт, что международное право качественно лучше национального права. Напротив, сторонники критической юридической школы (Д. Кеннеди, М. Коскенниemi) приводят много примеров того, как современное международное право продолжает оставаться слишком консервативным и «колониальным», отражая прежде всего интересы создания наиболее влиятельных держав, старого клуба «цивилизованных наций» [1, с. 22-29]. Политики в развивающихся странах могут критиковать экспансию, навязывание западных стандартов посредством международного права и акцентировать относительный характер самих принципов современного международного права. Многие политики развитых стран объективно отмечают, что прогрессивные идеи, которые годами благополучно воплощались в национальном законодательстве, не могут быть закреплены в международном праве в течение продолжительного времени. Наконец, некоторые простые люди могут быть справедливо разочарованы международно-правовым регламентированием, разрушающим их традиционный образ жизни в процессе интеграционных преобразований. Конечно, международное право нельзя идеализировать. Это лишь один из конкурирующих проектов мирового порядка, используемых элитами в процессе принятия важнейших решений. Есть и другие влиятельные политические проекты, которым можно отдать предпочтение в зависимости от времени и

обстоятельств. Однако международное право не следует игнорировать – есть случаи, когда международное право объективно более прогрессивно, чем национальное законодательство.

Международное право представляет собой своего рода альтернативу национальному праву. В ряде случаев международно-правовое регулирование носит более совершенный характер, чем национальное регулирование. Это происходит, когда человек предпочитает сослаться на норму международного права, а не на национальное право, чтобы защитить свои интересы. Но это возможно только в том случае, если международное право имеет непосредственное действие во внутригосударственной правовой системе. Таким образом, национальную правовую систему, которая допускает прямое применение международного права, можно сравнить с рынком, на котором отдельные лица в качестве покупателей выбирают нормы национального и международного права, подходящие для них самих, в качестве конкурирующих друг с другом товаров. Если это так и конкуренция ведется справедливо, то прямое использование международного права способствует взаимному совершенствованию международного и национального законодательства. Возникает впечатление, что возможность отдельных лиц практиковать международное право непосредственно в своей повседневной жизни по собственной воле считается наилучшим способом повышения его авторитета и эффективности. Международное право может достичь той же силы, что и национальное право, если оно войдет в жизнь людей таким же образом, как и национальное право. Когда общество будет иметь такое же представление о международном праве, как и о национальном праве, политикам будет труднее нарушать международные обязательства. Общественное мнение может иметь решающее значение в ситуациях, когда жертвам не приходится опираться на дипломатическую защиту своего государства.

Ввиду того, что у людей могут быть разные интересы (одна часть населения может быть заинтересована в применении международных норм, другая – внутригосударственных), как предусмотреть единство правового регулирования? Можно возразить, что после установления четкой корреляции между источниками международного и национального права эта проблема исключается. Это действительно так. Однако такой подход исключает взаимное совершенствование международного и внутреннего права. Кажется, что в данном случае имеет смысл пожертвовать правовой определенностью во имя более эффективного взаимодействия международного и национального права [3, с. 145].

В каждой отдельной ситуации правительство должно определить, какой социальной группе следует отдать предпочтение и какие нормы (международные или национальные) должны применяться в качестве норм поведения. В то же время независимый суд должен быть уполномочен защищать другие социальные группы, законные ожидания которых были разрушены в результате неприменения правительством конкурирующих норм

международного или национального права. Суд должен использовать эти нормы в качестве базы для определения материальной ответственности государства, поскольку именно государство изначально несет ответственность за несоблюдение своих международных обязательств из-за своего национального законодательства.

Можно возразить, что такой подход обойдется государству достаточно дорого. Однако это не совсем так. Ответственности и затрат можно миновать путем тщательного согласования международных обязательств и национального законодательства. В то же время такой подход дает государству достаточно широкие возможности для защиты своих национальных интересов, но не позволяет ему уйти от ответственности перед физическими лицами за несоблюдение международных обязательств. Модель альтернативного применения международного права напоминает механизм обеспечения полного и своевременного возмещения за национализацию частной собственности иностранцев. Государство может отказаться выполнять международное обязательство, но оно несет ответственность перед соответствующими лицами. Более качественная защита отдельных лиц представляет собой ключ к повышению эффективности как национального, так и международного права. Она должна базироваться на теории защиты законных ожиданий и презумпции согласованности между международными и национальными обязательствами государства. Предлагаемая модель альтернативного применения международного права представляет собой более совершенную, чем традиционные идеи дуализма, для непосредственного воздействия международного права и его верховенства, так как направлена не только на защиту интересов государства, но и интересов отдельных лиц, совмещая свободу государства в процессе принятия решений с его ответственностью перед отдельными лицами.

Выводы. Таким образом, в ходе развития государственного и международного права, учеными-правоведами были сформированы различные концепции и формы их взаимодействия. Так, инкорпорация подразумевает под собой строгое следование целям и содержанию международного установления без переработки норм международного договора. Согласно трансформации, происходит определенная переработка норм международного права при внесении их во внутригосударственное законодательство. Концепция монизма подразумевает под собой взаимодействие двух равных между собой систем. Концепция дуализма, напротив, акцентирует внимание на увеличении роли одной из систем права. Сегодня эти концепции активно применяются законодателями в отраслях права для реализации норм международного договора.

Исходя из вышесказанного, автор приходит к выводу, что максимально эффективной формой взаимодействия государственного и международного права является концепция дуализма. Так, автор полагает, что необходимо выстраивать систему национального права таким образом, чтобы она все-таки

была главенствующей по отношению к системе международного права. В первую очередь государство в своей системе законодательства должно учитывать как национальные интересы, так и интересы своих граждан. Но также следует стремиться к максимальному учету принципов и норм международного права в своей законотворческой деятельности, чтобы не возникало существенных противоречий. На внешнегосударственной арене государство должно максимально соблюдать принципы международного права и взятые на себя международные обязательства, что станет залогом добрососедских отношений, роста экономики и стабильности в данном регионе.

Список использованных источников

1. Алексеев С. С. Учебник Теория права / С. С. Алексеев. – Издание 2-е, переработанное и дополненное – Москва: Издательство БЕК, 1995 – 1018 с.
2. Бетлер У. Э. Взаимодействие международного и национального права (на примере Великобритании) / У. Э. Бетлер // Советское государство и право. – 1987. – № 5. – С. 312.
3. Лунц Л. А. Курс международного частного права. Особенная часть / Л. А. Лунц. – Москва, 1975. – 504 с.
4. Международное право: нормы и юридическая сила / Н. В. Миронов. – Москва: Юрид. лит., 1980. – 158 с.
5. Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права / Р. А. Мюллерсон. – Москва, 1982. – 73 с.
6. Нерсесянц В. С. Философия права: Учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. – 594 с.

УДК 343.98

А.В. Черкашин, аспирант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: donniise@yandex.ru)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУБЪЕКТОВ РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена вопросам использования специальных знаний различными субъектами уголовного процесса. Сведущие лица, к которым относятся судебный эксперт и специалист, являясь носителями специальных знаний, применяют их в своей деятельности, т.е. при проведении судебной экспертизы и при участии в следственных действиях. Следователь или судья используют результаты деятельности судебного эксперта и специалиста

Ключевые слова: *сведущее лицо, судебный эксперт, специалист, носители специальных знаний, реализация специальных знаний.*

Cherkashin, A.V.

DIFFERENTIATION OF SUBJECTS OF REALIZATION OF SPECIAL ECONOMIC KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the use of special knowledge by various subjects of the criminal process. Knowledgeable persons, including a judicial expert and a specialist, being carriers of special knowledge, apply them in their activities, i.e. when conducting a judicial examination and when participating in investigative actions. The investigator or judge uses the results of the activities of the judicial expert and specialist.

Key words: *knowledgeable person, judicial expert, specialist, carriers of special knowledge, implementation of special knowledge.*

Актуальность темы исследования. Современное судопроизводство постоянно сталкивается с необходимостью привлечения сведущих лиц для решения различных вопросов специального характера [17, с. 4].

Прежде чем рассмотреть вопрос о субъектах применения и использования специальных экономических знаний в уголовном судопроизводстве, необходимо определиться с понятием «сведущее лицо».

Анализ научных исследований. Процессуальная фигура сведущего лица на протяжении многих десятилетий играет важную роль в отправлении правосудия. Поэтому ее статус, место среди участников процесса исследовались многими учеными [2; 5; 11]. При этом ни у кого из ученых не вызывает сомнения, что главной характеризующей чертой сведущего лица является наличие специальных знаний [4, с. 62].

Как указывалось ранее, сведущее лицо – это любое незаинтересованное, компетентное лицо, обладающее специальными знаниями в определенной области науки, техники, искусства, ремесла и опытом их использования, и привлеченное к участию в уголовном судопроизводстве с целью содействия в решении вопросов, требующих применения специальных знаний и практических навыков.

К сведущим лицам в уголовном судопроизводстве следует отнести лиц, не являющихся субъектами доказывания, обладающих специальными знаниями, способными в силу этого служить общим задачам и целям уголовного судопроизводства.

Таким образом, исследование проблемы применения и использования результатов специальных знаний должно рассматриваться неотрывно от понятия сведущего лица.

Целью статьи является научное исследование и анализ проблем, связанных с дифференциацией субъектов реализации специальных экономических знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности.

Изложение основного материала. Появление процессуальной фигуры сведущего лица связывают с развитием судебной медицины – научной дисциплины, первой поставленной на службу правосудию, в результате чего

судебные врачи стали неперенными участниками следственных дел о посягательствах на жизнь и телесных повреждениях. «Затем на помощь начали призываться сведущие лица из других областей науки, техники, ремесла» [10, с. 2].

В Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. в статье 325 говорилось: «Сведущие лица приглашаются в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-нибудь занятии» [16, с. 101].

Однако уже во второй половине XIX столетия в официальных документах Российской империи все больше и больше начинает закрепляться термин «эксперт». Этот термин все чаще встречается и в трудах ученых. Так, например, профессор Харьковского университета Л.Е. Владимиров в 1910 году писал, что «допускаются на суде мнения сведущих лиц (экспертов), когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии» [6, с. 104].

Несмотря на то, что употребление термина «сведущее лицо» в судопроизводстве было вытеснено терминами «эксперт» и «специалист» и в настоящее время в процессуальном законодательстве не применяется, в юридической литературе данный термин употребляется применительно к лицам, обладающим специальными знаниями.

Сведущим (лицом) является лицо, которое владеет особыми, часто достаточно редкими, уникальными знаниями и умением их использовать для достижения поставленной цели [18, с. 67]. Поэтому в уголовном процессе в качестве сведущих лиц участвуют специалисты, переводчики, эксперты, педагоги, психологи [8, с. 53].

Результаты деятельности сведущих лиц по конкретной проблематике дают возможность принять своевременные и эффективные меры для избрания правильной и обоснованной позиции сторон в уголовном деле, способствовать созданию эффективного и рационального порядка уголовного судопроизводства в целом, непосредственно влиять на процессуальные решения, как акты правоприменительной деятельности, направленной на обеспечение реализации задач уголовного судопроизводства.

Принято считать, что в уголовном судопроизводстве основными процессуальными формами использования специальных знаний сведущих лиц являются привлечение специалиста и проведение судебной экспертизы.

Вместе с тем нельзя забывать, что в судопроизводстве могут использовать свои профессиональные знания, которые тоже можно отнести к специальным, работники правоохранительных органов и судьи.

Поэтому, в зависимости от процессуального статуса субъектов, реализующих специальные знания в уголовном судопроизводстве, ученые предлагают разделить их на следующие группы:

1) лица, осуществляющие расследование и оперативно-розыскные мероприятия (следователь, дознаватель, прокурор, судья);

2) специалисты, процессуальное положение которых определяется наличием у них специальных знаний. Они обладают определенными процессуальными правами и обязанностями, могут привлекаться к уголовной или иной ответственности. К ним относятся эксперт, специалист, врач, педагог, переводчик, сурдопереводчик;

3) специалисты, процессуальное положение которых не определяется наличием у них специальных знаний (ревизор, сотрудник налоговой инспекции и т.д.) [19, с. 11].

Несмотря на наличие исследований порядка и форм использования специальных знаний в уголовном процессе в трудах Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, А. А. Кравченко, М. Г. Щербаковского, В. Н. Махова, Е. Р. Россинской, А. Р. Шляхова и других ученых, в юридической литературе все же недостаточно внимания уделяется процессуальному статусу лиц, обладающих специальными знаниями и привлекаемых в качестве специалиста и судебного эксперта в уголовном судопроизводстве.

В литературе специальные знания определяются как результат овладения определенным уровнем знаний и навыков деятельности по конкретной профессии и специальности [14, с. 1074], то есть эти знания приобретаются путем получения образования и практической деятельности.

В частности, В.М. Галкин считает, что это знания, которые получены в результате специального обучения или профессионального опыта [7, с. 8]. З. М. Соколовский под специальными знаниями понимает «совокупность сведений, полученных в результате профессиональной специальной подготовки, создающих для их обладателя возможность решения вопросов в какой-либо области» [15, с. 202].

Анализируя данные определения, можно сделать вывод, что участники уголовного судопроизводства, которые ведут процесс или представляют интересы конкретных лиц (следователь, прокурор, судья, адвокат, представитель потерпевшего и т.п.), должны иметь соответствующие специальные знания, необходимые каждому из них для выполнения своих процессуальных функций. Каждый из них должен иметь определенные специальные знания, без которых он не может занимать ту или иную должность или иметь тот или иной статус. В то же время в уголовном судопроизводстве используются не только специальные знания в области юриспруденции, но и, как было указано выше, профессиональные знания специалистов, судебных экспертов, педагогов, переводчиков и других лиц. Поэтому вполне естественным является представление о разных уровнях специальных знаний, которые должны иметь субъекты доказывания, с одной стороны, и специалисты, судебные эксперты – с другой.

Учитывая большую общественную опасность, законодателем в уголовный процесс Донецкой Народной Республики включены статьи,

предусматривающие преступления в сфере экономической деятельности. Данные преступления являются довольно распространенными.

Расследование данных преступлений невозможно без объективной, достоверной, полной и аналитической информации, отраженной в документах бухгалтерского учета, для исследования которой необходимо использовать специальные знания по бухгалтерскому учету. Другими словами, расследование данных преступлений практически невозможно без проведения судебно-экономических экспертиз.

Исторически сложилось так, что судебно-экономическая (бухгалтерская) экспертиза применялась в отдельных случаях при рассмотрении хозяйственных споров и служила инструментом подтверждения или опровержения состава преступления в сфере экономической деятельности. Особенностью этого процесса при изучении обстоятельств указанных преступлений является необходимость использования не только юридических, но и специальных, в том числе экономических, знаний. В процессе расследования важнейшими становятся знания по бухгалтерскому учету, экономическому анализу, хозяйственному контролю и т.д.

К задачам судебно-экономической экспертизы относятся прежде всего вопросы, касающиеся документального подтверждения тех или иных хозяйственных операций, несоблюдения требований законодательства, которые привели к недостаткам, безосновательных оплат и выплат, использования средств не по целевому назначению, неуплаты налогов и т.п. Эксперты-экономисты могут в пределах своих знаний решать вопросы по документальному и нормативному подтверждению расчета убытков, который был предоставлен в суд истцом или установлен ревизорами при проверке и зафиксирован в акте проверки и т.д.

Следует отметить, что развитие судебно-экономической экспертизы сопровождается расширением круга изучаемых вопросов, внедрением новых, современных и сложных методов исследования. Рост сложности экспертных задач и необходимость сокращения сроков выполнения судебно-экономических экспертиз обуславливает поиск принципиально новых путей и возможностей применения новых методов исследования. Ежедневно эксперту-экономисту приходится решать задачи, связанные со многими взаимосвязанными, а главное, не определенными в полной мере факторами. Все это происходит в динамике, на фоне экономических, социальных, экологических условий хозяйствования предприятий, которые постоянно меняются. Колеблются цены на ресурсы, банкротятся поставщики ресурсов и потребители продукции, принимаются новые законы и отменяются старые, изменяются налоговое поле и условия кредитования, политическая ситуация, экономическая конъюнктура. Это далеко не полный перечень факторов, динамику которых приходится учитывать эксперту при выполнении исследований экономической деятельности предприятий и организаций по результатам проверок контролирующих органов.

Учитывая то, что информация о хозяйственных операциях подлежит отражению в бухгалтерском учете, при рассмотрении правонарушений экономического направления объектом исследования выступают именно данные бухгалтерского учета. Бухгалтерские документы подлежат исследованию с точки зрения выявления противоправной деятельности и получения информации об отклонениях в деятельности предприятия. После отражения искаженных данных первичных документов в учетных регистрах и отчетности можно говорить о наличии признаков правонарушений во всей системе бухгалтерского учета.

Таким образом, учетная система является источником информации о возможном совершении субъектами хозяйствования правонарушений экономического характера. Актуальность этого вопроса усугубляется тем, что знания бухгалтерского учета и порядка его применения в ходе осуществления контрольных функций являются специальными для субъектов, в компетенцию которых входит рассмотрение и расследование таких дел. Специфика этих знаний для сотрудников правоохранительных органов заключается, прежде всего, в умении распознать в бухгалтерской информации признаки противоправной деятельности.

Знания бухгалтерского учета, хозяйственного контроля, экономического анализа для судей и работников правоохранительных органов являются специальными. Обычно термин «специальные» употребляют для обозначения профессиональных знаний, которыми оперирует эксперт, и которые не принадлежат к общеизвестным, аккумулированным в повседневной жизни, опыте человека, а также не являются правовыми. Основной акцент в определении «специальные» делается на то, что специальными являются знания, полученные в результате профессиональной подготовки и опыта занятием определенной деятельностью. Потребность в специальных знаниях в процессе расследования или рассмотрения дел в большинстве случаев определяется по усмотрению суда или следователя. Они, как правило, привлекают к процессу расследования экспертов и специалистов, владеющих специальными знаниями для обеспечения объективности и полноты расследования обстоятельств конкретного дела.

Главным критерием разграничения форм реализации специальных знаний в уголовном судопроизводстве является доказательственное значение результатов их использования, так как доказывание составляет главную сущность уголовного процесса. В то же время четкое определение места, значения и содержания каждой из форм специальных знаний имеет важное практическое значение. В зависимости от доказательственного значения результатов использования специальных знаний в уголовном процессе они подразделяются на: процессуальные формы (использование знаний специалистов в осмотре документов, вещей; использование знаний экспертов в рамках проведения судебных экспертиз, использование самим судьей или следователем имеющихся у него специальных технико-криминалистических

знаний в ходе его служебной деятельности) и непроцессуальные формы (консультативная деятельность специалистов, выполнение различных поручений судьи технического характера, неофициальная работа с доказательствами).

В зависимости от законодательной регламентации, формы использования специальных знаний можно разделить на: формы, непосредственно предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством; формы, о которых имеются только упоминания в процессуальном законодательстве; формы, не предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством.

Следует также отметить, что в зависимости от характера применения специальных знаний субъектом доказывания, использующим в доказывании эти знания, формы реализации специальных знаний подразделяются на: формы непосредственного применения субъектами доказывания специальных знаний; формы опосредованного применения или же использования.

В связи с указанным, необходимо определить процессуальные формы реализации специальных знаний в уголовном процессе в зависимости от субъектов, которыми ими обладают: следователя, судьи, специалиста, эксперта.

Следует отметить, что наличие у следователя необходимых сведений, например, в области медицины, бухгалтерского учета и других специальных знаний, полезно при выдвижении версий, поиска доказательств и их оценке. Однако информация из непроцессуальных источников, содержащая сведения специального характера, является лишь поводом для принятия следователем решения об использовании знаний сведущих лиц в формах, установленных законодательством.

По сути можно сказать, что в данном случае речь идет об использовании специальных знаний за пределами, регламентированными уголовным процессом, то есть вне процессуального порядка. Поэтому никто не может поставить в вину следователю, что он не обладает теми или иными знаниями, являющимися профессиональными для врача, экономиста. Следователь, однако, как и лица других специальностей, несет ответственность за полное и правильное применения своих профессиональных знаний. При этом сделать правильный вывод следователю или судье помогает анализ доказательств в их совокупности. Если же у следователя или судьи возникнут сомнения в правильности доказательств, собранных при содействии специалистов, он не может отклонить эти доказательства, а обязан подвергнуть их проверке, в частности назначив повторные экспертизы. Внутреннее убеждение следователя или судьи формируется на основе его профессиональных знаний. По этому поводу мы согласны с мнением Ю.К. Орлова, который отмечает, что экспертная оценка по сравнению с оценкой доказательств следователем или судом отличается в частности тем, что осуществляется с позиций специальных знаний [12, с. 40].

С учетом указанного выше, следует прийти к выводу о том, что в процессуальной форме применяют специальные знания в уголовном процессе лица, непосредственно ими владеющие, т.е. носители специальных знаний – судебный эксперт и специалист. Следователь и судья используют специальные знания судебного эксперта или специалиста, назначая судебную экспертизу или же привлекая специалиста для участия в следственных действиях [3, с. 36]. Такая дифференциация понятий применения и использования специальных знаний отвечает «потребностям судопроизводства» [9, с. 11].

Вместе с тем, в уголовно-процессуальном законодательстве недостаточно места уделяется определению понятия «специалист». В связи с указанным предлагается часть 1 статьи 142 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики дополнить новым абзацем следующего содержания:

«Специалистом является лицо, обладающее научными, техническими или другими специальными знаниями, привлекаемое к участию в следственных (розыскных) действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию».

Подобный недостаток можно отметить и в отношении определения понятия «эксперт». В связи с указанным предлагается часть 2 статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики дополнить новым абзацем следующего содержания:

«Экспертом является сведущее лицо, обладающее необходимыми для решения экспертных задач научными, техническими или другими специальными знаниями и практическими навыками, назначенное как эксперт в порядке, установленном законом, и принявшее экспертизу к своему производству».

В связи с указанным возникает необходимость внесения подобных определений и в специальный закон, регулирующий судебно-экспертную деятельность в Донецкой Народной Республике, а именно: Закон Донецкой Народной Республике «О судебно-экспертной деятельности», заменив существующие в нем формулировки.

Таким образом, специальными знаниями обладает и их применяет или использует конкретное процессуальное лицо. Однако следователи и судьи не имеют права подменять собой эксперта [13, с. 10]. То есть закон, при условии, если следователь или судья обладает специальными знаниями, необходимыми для выяснения тех или иных обстоятельств уголовного дела, не позволяет им брать на себя функции судебного эксперта, обосновывая это необходимостью квалифицированного, тщательного и объективного проведения экспертизы с соблюдением гарантий для всесторонней критической проверки и оценки заключения эксперта как доказательства, опирающегося на специальные

знания. Особенность специальных знаний эксперта заключается в том, что они являются результатом специальной профессиональной подготовки и обучения, практического опыта и навыков. Их содержание составляют теоретически обоснованные и проверенные положения и правила, которые могут принадлежать любой отрасли знаний – науке, технике и т.д. Каждое из них имеет свои особенности и отличается друг от друга.

Вместе с тем ряд ученых, отвергая решение судебным экспертом правовых вопросов, совершенно справедливо считают вопросы права прерогативой органов расследования. И хотя нередко эксперт (представитель судебно-экспертного учреждения) обладает достаточными знаниями в области права, он не должен вмешиваться в сферу деятельности органов расследования, сочетая в одном лице функции эксперта и органа расследования – так же как и лицо, осуществляющее дознания, следователь, прокурор, суд, обладая специальными (неюридическими) знаниями, не вправе подменять судебного эксперта. Если же эксперт, решая вопрос, берет на себя функции, относящиеся к сфере деятельности следствия и суда, то его заключение не приобретает статус судебного доказательства, поскольку экспертиза закон не объясняет [1, с. 31].

Таким образом, специальные знания можно охарактеризовать следующими критериями:

– соотношение специальных и общеизвестных знаний по своей природе изменчиво и зависит от уровня развития социума и интегрированности научных знаний в повседневную жизнь. Взаимосвязь между ними тесная, поскольку существует возможность перехода специальных знаний в обыденные и наоборот. Специальными знаниями обладает и их реализует конкретное процессуальное лицо;

– специальные знания судебного эксперта и специалиста составляют комплексное понятие, охватывающее профессиональные знания в области науки, искусства, техники и ремесла, не являющиеся общедоступными и общеизвестными, а также определенные умения и навыки их применения для получения такого процессуального источника доказательств, как заключение эксперта.

Изучение следственной практики свидетельствует о недостатках использования специальных знаний при расследовании уголовных дел, связанных с экономическими правонарушениями. Причины этого негативного явления многоаспектны, к основным необходимо отнести недостатки законодательного, кадрового, технического и научно-методического обеспечения. Решение этих проблем позволит на более высоком уровне обеспечить практику расследования уголовных правонарушений с использованием специальных знаний.

Необходимость использования специальных знаний в ходе расследования уголовных дел, связанных с экономическими правонарушениями, обусловлена сложностью и спецификой процесса

доказывания обстоятельств в уголовном судопроизводстве. Особенно это характерно для современного периода, когда для подготовки, совершения уголовного преступления используются передовые научные технологии, современные технические средства и т.п.

Во время расследования указанных преступлений использование специальных знаний играет ключевую роль для обеспечения быстрого и беспристрастного расследования, обеспечивает получение криминалистически значимой доказательственной информации и способствует расследованию данной категории преступных деяний. Специальные знания при расследовании указанных преступлений используются в различных формах (проведение экспертизы, участие специалиста в следственных (розыскных) и других процессуальных действиях, консультации и т.п.).

Выводы. С учетом указанного выше, следует прийти к выводу о том, что в процессуальной форме применяют специальные знания в уголовном процессе лица, непосредственно ими владеющие, т.е. носители специальных знаний – судебный эксперт и специалист. Следователь и судья используют специальные знания, которые применил судебный эксперт при проведении судебной экспертизы или специалист при участии в следственных действиях.

Список литературы

1. Аверьянова Т. В. Субъекты экспертной деятельности / Т. В. Аверьянова // Вестник криминалистики. – 2001. – №2. – С. 29-37.
2. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. – Москва: Норма, 2009. – 480 с.
3. Бордюгов Л. Г. Вопросы применения и использования специальных знаний в уголовном процессе Украины / Л. Г. Бордюгов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: Сб. науч. тр. Выпуск 2/36 / ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь». – Минск: Право и экономика, 2014. – С. 33-38.
4. Бордюгов Л. Г. История появления и развития института специальных знаний в отечественном судопроизводстве / Л. Г. Бордюгов // Право Донецкой Народной Республики. – Донецк, Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР, 2016. – № 1. – С. 61-68.
5. Бордюгов Л. Г. История появления и становления процессуальной фигуры «сведущее лицо» / Л. Г. Бордюгов // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики: Збірник наукових праць. Вип. 13 / ред. кол.: М. Л. Цимбал, В. Ю. Шепітько, Л. М. Головченко та ін. – Харків: Право, 2013. – С. 241-250.
6. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах: Части Общая и Особенная / Л. Е. Владимиров. – 3-е изд., изм. и законч. – Санкт-Петербург: Кн.маг. «Законоведение», 1910. – 440 с. URL: <https://www.twirpx.com/file/81904/> (дата обращения 20.11.2021).

7. Галкин В. М. Средства доказывания в советском уголовном процессе / В. М. Галкин. – Москва: ВНИИСЭ, 1968. – Ч. 2. – 67 с.
8. Гришина Е. П. Специалист как сведущее лицо и участник процесса доказывания в уголовном судопроизводстве / Е. П. Гришина, И. В. Абросимов // Современное право. – 2005. – № 8. – С. 52-55.
9. Зинин А. М. О разграничении понятий субъектов использования и применения специальных знаний в уголовном процессе / А. М. Зинин // Эксперт-криминалист. – 2010. – № 2 – С. 9-11.
10. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. – Москва: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА•М), 2001. – 972 с.
11. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: Монография / В. Н. Махов. – Москва: Издательство РУДН, 2000. – 296 с.
12. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): Учеб. пособие / Ю. К. Орлов. – Москва: Юрист, 1995. – 64 с.
13. Притузова, В. А. Заключение эксперта как доказательство в советском уголовном процессе / В. А. Притузова. – М.: Госюриздат, 1959. – 162 с.
14. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров – Москва: Советская энциклопедия, 1988. – 1600 с.
15. Соколовский, З. М. Понятие специальных знаний. К вопросу об основаниях назначения экспертизы / З. М. Соколовский // Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 6. – Киев: Ред. изд. отдел МВД УССР, 1969. – С. 199-205.
16. Устав уголовного судопроизводства // Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с разъяснением их по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената 1866, 1867, 1868 и 1869 гг. Четвертое дополненное издание. – Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1870. – С. 1-560. URL: <https://www.prlib.ru/item/372593> (дата обращения: 23.11.2021).
17. Шапиро Л. Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности. Автореф. дис ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Шапиро Людмила Геннадьевна; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2008. – 51 с.
18. Шевелёв И. А. Язык судопроизводства и участие переводчика в уголовном процессе России: Дис. ... канд. юрид. наук 12.00.09. / Шевелёв Игорь Александрович; Волгоградская академия Министерства внутренних дел России. – Санкт-Петербург, 2008. – 189 с.
19. Щербаковский М. Г. Применение специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений / М. Г. Щербаковский, А. А. Кравченко. – Харьков: Ун-т внутр. дел, 1999. – 78 с.

УДК 369

М.П. Шик, канд. пед. наук, Институт экономики и права (филиал образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений») (г. Севастополь)

(e-mail: galashik53@yandex.ru)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

Рассмотрены проблемные вопросы обязательного социального страхования в Российской Федерации. Определены актуальные направления реформирования пенсионной системы. Преимуществом пенсионной реформы определено распределение ответственности между государством и негосударственными пенсионными фондами. Выделены качества реформированной пенсионной системы – гибкость, распределение ответственности между государством и работодателями. Показана применимость реформированной пенсионной системы РФ для совершенствования пенсионного законодательства ДНР.

Ключевые слова: социальное страхование, социальное обеспечение, пенсии, фонды социального обеспечения, накопительная пенсия.

Shik, M. P.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL REFORMING OF COMPULSORY SOCIAL INSURANCE

The problematic issues of compulsory social insurance in the Russian Federation are considered. The current directions of reforming the pension system are determined. The advantage of the pension reform is the distribution of responsibility between the state and non-state pension funds. Such qualities of the reformed pension system as flexibility, distribution of responsibility between the state and employers are identified. The applicability of the reformed pension system of the Russian Federation for improving the pension legislation of the DPR is shown.

Key words: social insurance, social security, pensions, social security funds, funded pension.

Актуальность темы исследования. Для самоопределившегося независимого социального государства Донецкая Народная Республика (ДНР) важным становится создание законодательства в сфере социальной политики, надежно защищающего трудовые и пенсионные права граждан. В этом плане примером для совершенствования законодательства в Республике может служить концепция пенсионной реформы, широко обсуждаемая в научном сообществе России [9]. Поэтому уточнение основных положений законодательства РФ в вопросах социального страхования и путей его реформирования требует научного анализа.

Цель статьи: сформулировать основные положения реформы обязательного пенсионного страхования в РФ.

Изложение основного материала. В самоопределившемся государстве ДНР наблюдаются процессы системной трансформации общества.

Происходящие в Республике реформы направлены на совершенствование всех сфер общественной деятельности. В период современных общественных преобразований в ДНР существенному пересмотру подвергаются основные представления о важнейших составляющих жизнеобеспечения граждан.

Необходимость совершенствования сферы социальной защиты вызвана еще и тем, что население Донецкой Народной Республики живет в состоянии ожидания новой военной агрессии со стороны Украины. Кроме военно-политических, существенные ограничения на процессы и формы социального обеспечения оказывают и условия политической непризнанности государства. В результате, население Донбасса отрезано от украинских социальных пособий, пенсий, зарплат, а также от международной банковской системы, некоторых международных каналов связи; сужаются возможности в сферах образования и здравоохранения. Несмотря на трудности, государственное строительство и общественная деятельность в Республике направлены на реализацию принципа социальной защищенности граждан.

Как нам стало известно, на территории самоопределившейся республики действует общественная приемная по составлению обращений от обманутых государством Украина пенсионеров в Европейский суд по правам человека. Также работает общественная комиссия, собирающая материалы по фактам нарушений социальных прав жителей указанного региона. Многие видные политики и представители общественности выступают за скорейшее восстановление прав пенсионеров и других слоев населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта. Однако очевидно, что государство Украина уклоняется от выплат по пенсионным долгам гражданам самопровозглашенных республик. В сложившихся условиях патриотически настроенная общественность Донбасса выдвигает приоритетом построение высокоэффективной системы многоканальной социальной защиты населения ДНР. Такая система призвана обеспечивать комплексное содействие человеку в решении его различных жизненных проблем.

Наряду с очевидными позитивными изменениями в социальном строительстве не могут не обратить на себя внимание различные негативные тенденции в становлении самоопределившегося государства ДНР. В первую очередь, к ним мы относим следующие. Проанализировав сообщения СМИ, а также результаты бесед со студентами из ДНР – участниками научных конференций, – отмечаем снижение рождаемости и неоптимальный характер возрастной структуры общества. Долю трудоспособных граждан ДНР следует признать недостаточной, по сравнению с массой населения пенсионного возраста. Значительное число пенсионеров отражается на увеличении расходов республиканского бюджета по направлениям социальной политики. К тому же, можно видеть, что не все лица пенсионного возраста получают такие пенсии, которые удовлетворяют их жизненно необходимые материальные потребности. Уровень пенсий все еще отстает от темпов роста потребительских цен. Также остаются незащищенными от социальных рисков лица, пострадавшие от

несчастных случаев на производстве и в связи с профессиональными заболеваниями, безработные и другие категории граждан с низкими доходами. К социальным рискам, применительно к сложившейся в ДНР общественно-политической ситуации, можем отнести материальную необеспеченность в старости, в случае болезни, в результате несчастного случая, безработицы. Учитывая влияние инфляции, нельзя отрывать проблемы социального обеспечения от уровня развития экономики. Следует принимать во внимание, что значительная часть пенсионных выплат в ДНР производится из средств государственного бюджета. Кроме того, за его счет ежегодно финансируется выплата пенсионного обеспечения военнослужащих, выплата пенсий и надбавок к ним, назначаемым по различным пенсионным программам. Учитывая роль угледобывающей отрасли в экономике ДНР, государство уделяет внимание и пенсионному обеспечению работников, занятых на подземных работах.

Таким образом, для современного Донбасса эффективное регулирование различных социальных явлений выходит на концептуальный уровень. Несмотря на увеличение выплат со стороны государства, их размер следует признать все еще низким, с учетом инфляции и действия других негативных факторов. В настоящее время в ДНР внедрена двухуровневая пенсионная система (государственная базовая пенсионная выплата + солидарные пенсионные выплаты за счет республиканского бюджета, в зависимости от трудового стажа). Как отмечают социальные работники, с которыми мы контактировали в период научной командировки в ДНР, недостатком действующей пенсионной системы следует признать ее непрозрачность. Действительно, работник не всегда в состоянии проследить, за какой период работы и на каком предприятии он получает ту или иную надбавку. Излишняя забюрократизированность процедур установления размера пенсии затрудняет общественный контроль со стороны пенсионеров. Очевидно, что действующая система не отвечает принципу добровольности при формировании трудящимися собственного пенсионного фонда. На сегодняшний день стимулирующим фактором для работников признана возможность формирования личного пенсионного вклада. Однако такой подход требует проработки, применительно к сложившимся реалиям.

Решение рассматриваемых проблем предлагаем искать на уровне методического управления явлениями и процессами, связанными с социальной защитой граждан. Поэтому концептуальный подход к оптимизации пенсионного обеспечения может означать, что целью осуществляемых реформ должно стать укрепление экономического потенциала Республики. В результате проведение пенсионной реформы станет одной из основных задач правительства ДНР. Очевидно, что растущее количество проблем, накопившихся в сфере пенсионного обеспечения, нуждается в усиленном внимании со стороны руководства Республики и немедленном их устранении.

Для государства ДНР основным решением на данном направлении считаем возобновление экономического роста. Тогда построение эффективной пенсионной системы будет базироваться на высоком уровне благосостояния общества. Совершенствование пенсионной системы ДНР видится в оптимизации расходов государственного бюджета в части пенсионных выплат. Очевидным приоритетом для государства и общества становится долгосрочное развитие системы пенсионного обеспечения. Высказанные предположения попытаемся конкретизировать на основе реформирования пенсионного законодательства России.

В современной научной литературе по направлению социального страхования отмечено отсутствие дифференциации страховых взносов в существующей пенсионной системе. Такое положение не способствует экономической заинтересованности работодателя в снижении страховых рисков и связанных с ними выплат. Размер страховых средств по видам страхования определяется без достаточного обоснования. Единой законодательной базы для системы государственного социального страхования не существует. В результате, при высоких страховых тарифах (почти 40% фонда заработной платы) уровень социальных выплат явно недостаточен, и фонды социального страхования постоянно испытывают финансовые трудности. Внебюджетные социальные фонды нередко выполняют функции, несвойственные системе социального страхования [7].

Обратимся к содержанию государственной системы социального обеспечения в РФ. Цель ее реформы направлена на достижение финансовой устойчивости. Система социального страхования должна обеспечивать государственные гарантии гражданам, в плане защиты от различного рода социальных и профессиональных рисков. При таких условиях достигается эффективность использования страховых фондов.

Реформа системы социальных выплат проводится в следующих приоритетных направлениях: 1) установление экономически обоснованных социальных льгот в размере дохода, профессионального опыта и суммы перечисленных страховых взносов. Реализация данного направления осуществляется на основе персонализированного учета страховых премий по отдельным видам страхования. Благодаря такому подходу достигается заинтересованность граждан в увеличении страховых премий за свой счет и контроле расходов страховых фондов; 2) изменение требований по предоставлению социальных пособий, при условии, что страховое пособие выплачивается только в случае потери заработка.

На настоящий период сохраняется необходимость реформирования системы выплат и страховых взносов в государственное социальное страхование. В то же время обсуждается введение трехканальной схемы получения средств, согласно которой большая часть бремени будет ложиться на работодателя, а незначительная часть будет распределяться между работником и государством.

Соотношение между уплаченными взносами устанавливается по видам страхования. Так, страхование от ущерба здоровью работника должно осуществляться исключительно за счет работодателей. Государственным бюджетом обеспечивается страхование минимальных гарантий для неработающих граждан.

Принцип дифференциации ставок в зависимости от суммы расходов по каждому виду страхования признан основным для совершенствования системы страховых премий. Их величина определяется уровнем общей и профессиональной заболеваемости, производственными травмами и другими социальными и профессиональными рисками. Дифференциация ставок направлена на стимулирование работодателя осуществлять меры по улучшению условий и охраны труда, а также по предотвращению и снижению заболеваемости работников. Постепенное увеличение участия работников в страховых премиях по мере увеличения реальных доходов населения повысит роль личных доходов в решении социальных проблем.

Современные достижения в совершенствовании системы социального страхования отображены в Федеральном законе «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [4].

Им предусматривается формирование новой системы социального страхования, аналогичной существующим в развитых странах. В России реализация нового закона возложена на Фонд социального страхования Российской Федерации, и такое положение усложняет реализацию функций данного Закона. Назрела необходимость в принятии закона «О видах обязательного социального страхования в Российской Федерации», который позволил бы выстроить систему фондов социального обеспечения в России.

Проблемы социального страхования обусловлены недостатками управления системы социального обеспечения. Так, в некоторых видах обязательного социального страхования расширено участие страховых организаций, имеющих лицензии и отвечающих особым требованиям, которые гарантируют выполнение страховых обязательств. В более долгосрочной перспективе ряд функций социального страхования будут выполнять независимые профессиональные ассоциации работников и работодателей на отраслевом и региональном уровнях, в то время как государство сохранит законодательные и надзорные функции. Российская экономика преобразуется в социально ориентированную рыночную экономику смешанного типа. Социальное обеспечение, наряду с государственными бюджетными гарантиями, становится основой современной системы социальной защиты населения от бедности.

Например, реализуемый в социальной сфере проект «Прямые выплаты» изменяет традиционную модель взаимодействия между или страхователем работником и Фондом социального страхования (далее – ФСС). В настоящее время работодатели выплачивают страховые взносы в фонд за вычетом

расходов по выплате пособий своим работникам. В свою очередь, органы Фонда социального страхования выплачивают пособия непосредственно застрахованным гражданам [8].

Таким образом, изменена система взаиморасчетов между территориальным органом ФСС и страхователем. При этом размер пособий застрахованным гражданам останется прежним. Региональный филиал ФСС перечисляет следующие виды льгот, выплачиваемых гражданам в рамках прямых платежей:

- пособие по беременности и родам;
- единовременное пособие женщинам, вставшим на учёт в медицинских организациях в ранние сроки беременности;
- единовременное пособие при рождении ребёнка;
- ежемесячное пособие по уходу за ребёнком.

При получении пособий по временной нетрудоспособности, оплате отпуска по болезни (в том числе в связи с несчастными случаями на производстве и (или) профессиональными заболеваниями), можно выбрать способ перечисления платежей: на банковский счет, почтовый перевод или на банковскую карту.

Отмечаем, что временные пособия по инвалидности в течение первых трех дней болезни работника выплачиваются работодателем. Предусмотрено получение своего пособия работником в два этапа: за первые три дня болезни – вместе с зарплатой (от работодателя), за оставшиеся дни – из Фонда социального страхования на свой банковский счет, кредитную карту или почтовое отделение. При этом, работник может подать заявку на получение пособия не позднее шести месяцев с даты окончания страхового случая. Например, для единовременного пособия при рождении ребенка – не позднее шести месяцев с даты рождения. Во всех региональных отделениях ФСС работают многоканальные телефоны горячих линий, по которым можно получить компетентные консультации.

Система социальной защиты населения включает в себя государственные социальные гарантии, социальное страхование и социальную помощь. Социальное страхование представляет собой способ обеспечения социальной защиты от различного рода социальных рисков, связанных с потерей работы и доходов, а также с инвалидностью и смертью работника. Особенность данной формы социальной защиты населения заключается в финансировании целевых внебюджетных фондов, формируемых за счет страховых взносов работодателей и работников при государственной поддержке. Следует признать, что обязательное социальное обеспечение – это особый вид государственной социальной гарантии, предоставляемой за счет целевых внебюджетных средств, а добровольное социальное страхование обеспечивает гражданам дополнительную страховую защиту от социальных рисков на основе коллективной солидарности между работниками и работодателями [1]. При этом из указанных фондов производятся выплаты

пенсий и пособий, осуществляется финансирование различных социальных услуг. Реформированная система социального обеспечения в России использует государственные внебюджетные фонды, в том числе Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, фонды обязательного медицинского страхования (федеральный и территориальные) и Государственный фонд занятости населения Российской Федерации. Между тем, наблюдаемое в настоящее время обострение проблем, связанных с социальным обеспечением в России, является следствием противоречия между растущими социальными потребностями населения и ограниченностью ресурсов государственных внебюджетных фондов в условиях экономического кризиса. В этой связи основным направлением пенсионной реформы в России становится формирование трехуровневой пенсионной системы, включающей базовую (социальную) пенсию, страховку и частную пенсию. Следует подчеркнуть, что пенсионная реформа осуществлена путем реорганизация фондов социального страхования по типу социального риска. Это означает объединение Фонда социального страхования Российской Федерации с фондами обязательного медицинского страхования в единую систему. Также, реформированная система страхования от безработицы предполагает активную позицию государства в сфере занятости, с последовательным повышением уровня страховых выплат. Происходит формирование нового внебюджетного фонда, финансируемого за счет взносов работодателей, обеспечивающего введение обязательного страхования от несчастных случаев на производстве и от профессиональных заболеваний. Тарифная дифференциация этих фондов зависит от уровня профессиональных рисков в различных секторах экономики. Ожидается, что постепенное увеличение доли работников в уплате страховых взносов в государственные внебюджетные фонды на основе введения персонализированного учета приведет к снижению налоговой нагрузки на работодателей и увеличению доходов по социальному обеспечению. Так, совершенствование системы управления внебюджетными государственными фондами социального обеспечения предполагает повышение роли представителей работников и работодателей в органах управления этими фондами. Цель реформы государственного социального страхования в Российской Федерации определена как создание финансово устойчивой системы внебалансовых фондов, которая предоставляет гражданам государственные гарантии защиты от социальных и профессиональных рисков при наиболее эффективном использовании их ресурсов.

Можно сказать, что пенсионные системы стали основой системы социального обеспечения граждан в современном обществе. Однако социальное обеспечение в Российской Федерации не сводится только к пенсионному. С точки зрения количества квот и удельного веса расходуемых средств пенсии перевешивают систему материальной поддержки престарелых и инвалидов.

В настоящее время пенсионные права граждан конвертируются в расчетный пенсионный капитал по формуле, которая учитывает заработок гражданина и его трудовой стаж. Практически у каждого, кому назначена пенсия по возрасту, страховая часть состоит не только из уплаченных взносов, но и из конвертированных пенсионных прав.

Рассмотрим составляющие пенсионного обеспечения в РФ.

Трудовая пенсия – это ежемесячная денежная выплата, компенсирующая застрахованным лицам потерю заработной платы и других выплат и вознаграждений, в связи с нетрудоспособностью по причине старости или инвалидности, а для инвалидов семьи застрахованных лиц – заработной платы и других выплат, потерянных в связи со смертью кормильца.

Трудовая пенсия по старости может состоять из страховой и накопительной частей. Разделение трудовой пенсии по инвалидности и трудовой пенсии в случае потери кормильца на составные части не предусмотрено. Граждане, не имеющие права на пенсию по возрасту, получают социальную пенсию. Условия получения социальной пенсии определены Федеральным законом «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации».

Страховая пенсия компенсирует застрахованным лицам потерю заработной платы и других выплат и вознаграждений, в связи с нетрудоспособностью по причине старости или инвалидности, а также членам семьи застрахованных лиц по заработной плате и другим выплатам, в случае потери кормильца. Отмечаем, что наступление инвалидности и потеря заработной платы и других выплат и вознаграждений в таких случаях не требует предоставления каких-либо доказательств (ст. 3 Федерального закона «О страховых пенсиях») [1].

Назовем категории застрахованных граждан Российской Федерации. К таковым категориям относятся: 1) лица, работающие по трудовому договору, в том числе руководители организаций, являющихся единственными участниками (учредителями), члены организаций, владельцы их имущества (за исключением лиц, обучающихся в очных учебных заведениях среднего профессионального и высшего профессионального образования и получающих плату за данную деятельность), по договору об авторском праве, а также авторов произведений, получающих выплаты и иные вознаграждения в рамках договоров об отчуждении исключительного права на произведения науки, литературы, искусства, публикаций лицензионных соглашений, лицензионных соглашений о предоставлении права использовать научное, литературное, художественное произведение; самозанятые граждане (индивидуальные предприниматели, адвокаты, арбитражные управляющие, нотариусы, занимающиеся частной практикой, и иные лица, занимающиеся частной практикой и не являющиеся индивидуальными предпринимателями); 2) члены крестьянских (фермерских) хозяйств; 3) лица, работающие за пределами территории Российской Федерации, при условии уплаты ими страховых

взносов; 4) члены семейных (родовых) общин малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, занимающихся традиционными отраслями хозяйствования; священнослужители.

Приведенный перечень категорий граждан является открытым, поскольку он предполагает и другие категории граждан, которые имеют отчеты об обязательном пенсионном страховании. В определенном случае страховые взносы выплачиваются лицу, застрахованному другим лицом. Например, для неработающего супруга другой супруг платит страховые взносы для получения им пенсии в будущем.

К застрахованным гражданам Российской Федерации также относятся: 1) нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию; 2) иностранцы и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории Российской Федерации, при соблюдении определенных условий. Следует учитывать, что если гражданин одновременно имеет право на различные виды страховых пенсий, то он должен выбрать для себя один тип пенсии, который будет ему назначен и выделен в виде выплаты. Запрещено получать два вида пенсий одновременно.

Страховая пенсия может быть назначена лицу в любое время, независимо от ее типа, поскольку закон не устанавливает ограничений на периоды, в течение которых она должна применяться после возникновения права на такую пенсию.

Для назначения страховой пенсии по старости должны быть соблюдены следующие условия: 1) достижение соответствующего возраста. Однако некоторые граждане могут получать такую пенсию досрочно в соответствии с утвержденными Правительством Российской Федерации списками рабочих мест, отраслей, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций); 2) страховой стаж составляет не менее 15 лет.

Индивидуальный пенсионный коэффициент рассчитывается по периодам уплаты страховых взносов [10]. При расчете размера пенсии учитывается сумма страховых взносов, уплаченных работодателями по тарифу 10 % или 16 % (выбирается работником) на формирование страховой пенсии (изначально уплачивается сумма в размере 16 %, при этом работник сам определяет, все ли 16 % идут на формирование страховой пенсии, или же 10 % из них пойдут на формирование страховой части и 6 % – на формирование накопительной части). Кроме того, в расчете также учитывается сумма страховых взносов с максимальным налогом на заработную плату, уплачиваемым работодателем по ставке 16 %. Согласно пенсионному законодательству, лица 1967 г. рождения и моложе могут по своему усмотрению выбрать систему формирования пенсионных отчислений. Указанный выбор оформляется соответствующим заявлением (Федеральный закон от 24.07.2002 № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для

финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» [2], Федеральный закон от 01.04.1996 № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» [3]).

Страховая пенсия по инвалидности предполагает соблюдение следующих условий: 1) наличие у застрахованного лица установленной I, II или III группы инвалидности; 2) наличие страхового стажа. При этом не учитываются ни продолжительность страхового периода, ни причины определения пенсии по инвалидности. Кроме того, не имеет значения, возникла ли инвалидность в период трудовой деятельности, или тот факт, что во время получения такой пенсии застрахованный продолжает работать. В случае отсутствия страхового стажа инвалиду устанавливается социальная пенсия.

В настоящий период действует следующий порядок расчета страховой пенсии по инвалидности: если получатель страховой пенсии имеет: 1) страховой стаж не менее 15 лет; 2) сумму баллов индивидуального пенсионного коэффициента не менее 30. Тогда страховая пенсия по инвалидности выплачивается до достижения ими пенсионного возраста, либо по достижению ими возраста досрочного назначения страховой пенсии по старости. Расчет страхового стажа и суммы баллов индивидуального пенсионного коэффициента страховой пенсии по инвалидности устанавливается по тем же правилам, что и для расчета страховой пенсии по старости.

Граждане, которые получают страховую пенсию по инвалидности, имеют право дополнительно получать и фиксированную выплату. В случае проживания с иждивенцами (их количество влияет на размер выплаты), и у застрахованного лица была трудовая деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, размер фиксированной выплаты увеличен.

Страховая пенсия по случаю потери кормильца предоставляется инвалидам, находящимся на иждивении членов семьи кормильца (за исключением тех, кто совершил уголовное преступление, повлекшее смерть кормильца). Если лицо уже получает пенсию после потери кормильца, то оно может перейти на пенсию в случае потери кормильца. Если супруга умершего кормильца заключает новый брак, право на страховую пенсию в случае потери кормильца не утрачивается. Тот же принцип применяется к несовершеннолетним детям – они сохраняют за собой право на получение страховой пенсии в случае потери кормильца в период их усыновления. Отчим и мачеха имеют право на страховую пенсию в случае потери кормильца. Пасынок и падчерица имеют право на страховую пенсию в случае потери средств к существованию наравне с собственными детьми, если они были воспитаны и поддержаны умершим отчимом или умершей мачехой. Порядок расчета страховых пенсий зависит от: 1) суммы пенсионных отчислений – суммы страховых взносов; 2) трудового стажа; 3) обстоятельств назначения пенсии.

Накопительная пенсия складывается из пожизненных фиксированных пенсионных взносов, а также из страховых взносов работодателей (сумма страховых взносов) и доходов от их инвестиций [6]. Установлены следующие условия для назначения накопительной пенсии: 1) возраст лица: 1967 г. р. и старше; 2) гражданин сделал выбор в пользу накопительной пенсии. Накопительная пенсия формируется у граждан, в пользу которых в период с 2002 по 2004 гг. работодатели уплачивали страховые взносы на накопительную часть трудовой пенсии: 1) участников программы Государственного софинансирования пенсии; 2) лиц, направивших средства материнского капитала на формирование накопительной пенсии. Размер накопительной пенсии рассчитывается на основе периода 19 лет выплаты пенсионных взносов, то есть 228 календарных месяцев с даты выплаты пенсии.

Накопительная пенсия может быть сформирована путем инвестирования: 1) управляющей компанией (Пенсионный фонд РФ в рамках договора доверительного управления передает выигравшей конкурс компании управление денежными средствами пенсионных накоплений); 2) Внешэкономбанком; 3) негосударственным пенсионным фондом. При этом следует учитывать, если пенсионные фонды находятся в доверительном управлении управляющей компании или Внешэкономбанка, то накопительная пенсия назначается и выплачивается пенсионным фондом Российской Федерации, который также несет ответственность за результат вложения этих средств. Если пенсионные фонды принадлежат негосударственному пенсионному фонду, этот негосударственный пенсионный фонд назначает и выплачивает накопительную пенсию.

Таким образом, предлагается систему социального обеспечения пенсионных прав граждан Донецкой Народной Республики строить на основе отечественного законодательства, регулирующего данную сферу. В ходе совершенствования организационно-правовой системы социального страхования ДНР целесообразно использовать опыт Российской Федерации. С позиций эффективности социального страхования наиболее привлекательной для граждан представляется система трудовых пенсий. По мнению ученых, пенсии по возрасту отличаются двойной природой: являются элементом государственной пенсионной системы и, одновременно, представляют собой наиболее важную форму обязательного социального страхования [11]. Преимущества реформированной пенсионной системы заключаются в концентрации ресурсов в единых фондах, независимости от бюджета, его целевом использовании, действии государственного и общественного контроля.

Выводы. Рассмотрены системы обязательного социального страхования граждан Российской Федерации. Реформирование пенсионной системы произведено в направлении распределения ответственности между государством и негосударственными пенсионными фондами. Пенсионная система приобрела гибкость, теперь работодатели и застрахованные несут ответственность за ее финансирование. Опыт обеспечения обязательного

социального страхования может быть распространен на социальную сферу нового самоопределившегося государства Донецкая Народная Республика.

Список использованных источников

1. Федеральный закон «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 № 400-ФЗ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://zakonbase.ru/content/base/41346/\(link is external\)](http://zakonbase.ru/content/base/41346/(link_is_external)). – (Дата обращения: 10.09.2021).
2. Федеральный закон «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» от 24.07.2002 № 111-ФЗ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37863/ – Режим доступа: [http://zakonbase.ru/content/base/41346/\(link is external\)](http://zakonbase.ru/content/base/41346/(link_is_external)). – (Дата обращения: 10.09.2021).
3. Федеральный закон «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» от 01.04.1996 № 27-ФЗ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9839/ – Режим доступа: [http://zakonbase.ru/content/base/41346/ \(link is external\)](http://zakonbase.ru/content/base/41346/(link_is_external)). – (Дата обращения: 10.09.2021).
4. Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998 №125 - ФЗ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19559/ – Режим доступа: [http://zakonbase.ru/content/base/41346/\(link is external\)](http://zakonbase.ru/content/base/41346/(link_is_external)). – (Дата обращения: 10.09.2021).
5. Биккужиева А. А. Проблемы социальной защиты населения, анализ подходов к проблеме социальной защиты семьи и детства // Экономика и социум. – 2020. – № 1 (68). – С. 224-230.
6. Блошенко Т. А. Методы и подходы к формированию накопительной части трудовой пенсии // Финансовая жизнь. – 2021. – № 2. – С. 82-84.
7. Завгороднева А. С. Государственное социальное страхование в России: понятие и роль социального страхования в системе социальной защиты населения // Актуальные проблемы административного, финансового и информационного права. Материалы VII ежегодной Всероссийской конференции. – Ставрополь, – 2020. – С. 264-268.
8. Игнатова Н. А. Формирование бюджетов фондов обязательного социального страхования в современных социально-экономических условия / Н. А. Игнатова, И. Ю. Маркушина // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 4 (117). – С. 116-120.
9. Кузнецова Н. А. Отдельные проблемы пенсионной реформы РФ и возможные пути их решения / Н. А. Кузнецова, Т. П. Матвеева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2021. – № 3. – С. 96-98.
10. Никитин В. В. Страховые пенсии в соответствии с законодательством Российской Федерации. Проблемы реализации законодательства // Закон и право. – 2021. – № 5. – С. 24-26.

11. Орлов-Карба П. А. Все о пенсионной реформе в России: монография – Москва: Гардарики, – 2005. – 302 с.

УДК 336.225.68

А.А. Штокалова, аспирант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: alex_shoker@mail.ru)

ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ В ДНР

В статье рассматриваются основные подходы к определению понятия преступления в сфере налогообложения, охарактеризованы виды налоговых преступлений и способы уклонения от уплаты налогов, фиксированных на законодательном уровне.

Ключевые слова: *налоги и сборы, сфера налогообложения, способы уклонения от уплаты налогов, субъект преступления, наказуемость преступления.*

Shtokalova, A.A.

TYPES OF LIABILITY FOR TAX EVASION IN THE DPR

The article considers the main approaches to the definition of crime in the field of taxation, describes the types of tax crimes and ways of tax evasion, fixed at the legislative level.

Key words: *taxes and fees, scope of taxation, ways of tax evasion, subject of crime, criminality of crime.*

Изложение основного материала. Одной из важнейших и одновременно сложных проблем в рыночных условиях хозяйствования является совершенствование взаимоотношений между налогоплательщиками и государством. Налоги в условиях перехода к рыночной экономике должны использоваться не только как источник получения доходов бюджета, но и как важный инструмент финансового регулирования экономики [5].

В таких условиях возрастает значение эффективных управленческих решений в сфере налогообложения, повышается ответственность за их социально-экономические последствия.

Налогам отводится роль обязательного элемента экономической системы государства независимо от того, какую модель экономического развития оно выбирает. Без налогов невозможно функционирование финансовой системы любого государства в целом. Формирование доходной части бюджета – важный аспект деятельности любого государства, в частности, и Донецкой Народной Республики. Налоги становятся не только главным источником формирования государственного бюджета, но и важным финансовым регулятором экономики. С помощью налогов обеспечиваются поступления в государственный и местные бюджеты. Кроме того, налоги

считаются одним из наиболее эффективных рычагов стимулирования экономического развития [5].

Налоги представляют собой обязательные и по юридической форме индивидуальные безвозмездные платежи физических и юридических лиц, которые введены государством с определением их размеров, порядка и сроков уплаты в бюджеты разных уровней или государственные целевые фонды.

Налоги являются эффективным орудием воплощения государственной политики по вопросам экономики и социальной развития. С помощью налогов осуществляется перераспределение валового внутреннего продукта в территориальном и отраслевом аспектах, а также между различными социальными группами. Это перераспределение сглаживает недостатки рыночного саморегулирования, создает дополнительные стимулы для деловой и инвестиционной активности, мотивации труда, поддержание уровня занятости.

Сущность налогов заключается в обязательном перераспределении национального дохода с целью формирования государственных финансовых фондов. Особенностью налогов является их принудительный, обязательный характер, который не требует встречной индивидуальной возмездности со стороны государства [7].

Соблюдение налогового законодательства является необходимым условием финансового развития любого государства. Своевременная и полная уплата обязательных платежей имеет большое значение для развития любого государства, ведь это способствует как укреплению финансового состояния страны, так и улучшению социальной защищенности ее граждан.

В современных условиях развития нашего государства основной задачей действующего законодательства является защита законных интересов страны, предпринимателей и потребителей. Становление рыночных отношений часто связано с увеличением ряда преступлений и появлением новых правонарушений в сфере экономики.

Как свидетельствует практика многих государств мира, в последнее время правонарушения в налоговой сфере выросли до угрожающих масштабов, преступления в этой сфере приобрели массовый характер, а схемы сокрытия доходов стали распространенным явлением [9].

В отношении Донецкой Народной Республики необходимо отметить, что актуальными угрозами национальной безопасности являются экономический кризис, истощение финансовых ресурсов государства, низкий уровень жизни населения. Одной из причин их возникновения является высокий уровень «тенизации» и криминализации национальной экономики.

Ученые отмечают, что способы уклонения от уплаты налогов достаточно разнообразны, а налоговые правонарушения, как правило, носят интеллектуальный характер. Современные налоговые правонарушения имеют такие черты:

- они осуществляются в большинстве случаев в процессе профессиональной хозяйственной деятельности с использованием компьютерных технологий и электронных средств связи;

- маскируются различными приемами и средствами сокрытия нарушений под видом «неудачной» предпринимательской деятельности;

- осуществляются лицами, имеющими высшее образование, хорошо подготовленными в экономическом и организационном аспектах, на первый взгляд являющимися законопослушными гражданами, которые, при этом, к ответственности ранее не привлекались;

- наносят значительный экономический ущерб интересам государства, большинства юридических и физических лиц [1].

За нарушение налогового законодательства, контроль за соблюдением которого возложен на органы доходов и сборов ДНР, применяются следующие виды юридической ответственности – финансовая, административная и уголовная.

Согласно Постановлению Совета Министров Донецкой Народной Республики №2-22 от 27.02.2015 года «О временном порядке применения на территории Донецкой Народной Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях» (КУоАП) [2], на территории ДНР действует Кодекс Украины об административных правонарушениях в редакции 2013 года. Административную ответственность за нарушение налогового законодательства Донецкой Народной Республики регулируют КУоАП, другие законодательные акты, которые предусматривают административную ответственность в финансовой сфере.

Административная ответственность является средством административного воздействия на нарушителей налогового законодательства с применением административно-правовых норм. Основанием для наступления административной ответственности за нарушение налогового законодательства является наличие состава административного правонарушения – виновных или неосторожных действий или бездействий, посягающих на охраняемые законом общественные отношения, за которые законодательством предусмотрена административная ответственность.

Особенностями административных взысканий являются:

- они применяются к физическим лицам и должностным лицам, виновным в налоговых правонарушениях;

- административные санкции не влекут за собой судимости;

- применяются в отношении наименее значительных налоговых правонарушений (проступков), которые по своему характеру в соответствии с законом не влекут уголовной ответственности;

- отсутствие тяжелых правовых последствий [9].

Основанием административной ответственности за нарушение налогового законодательства налогоплательщиком является его противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие или

бездействие, посягающее на охраняемый законом порядок в области финансов и предпринимательской деятельности. Составы этих правонарушений и размер штрафа определен статьями 163-1, 163-2, 163-3, 163-4, 164-1, 164-5, 165-1 КУоАП [2].

В Кодексе Украины об административных правонарушениях отсутствует соответствующий упорядоченный раздел, регулирующий в полной мере по родовому признаку составы административных правонарушений в сфере налогообложения. И, если в Законе ДНР «О налоговой системе» выделен определенный перечень налоговых правонарушений, и, соответственно, налоговых санкций за их совершение, то Кодекс об административных правонарушениях не содержит перечня правонарушений в сфере налогообложения. Поэтому нередко возникают ситуации, когда необходимо привлекать к ответственности за правонарушения в сфере налогообложения на основании и административного, и налогового законодательства.

К административным нарушениям в сфере налогообложения согласно КУоАП относятся:

- нарушение порядка ведения налогового учета, представления аудиторских заключений (ст. 163-1 КУоАП);
- непредставление или несвоевременное представление платежных поручений на перечисление подлежащих к уплате налогов и сборов (обязательных платежей) (ст. 163-2 КУоАП);
- невыполнение законных требований должностных лиц органов доходов и сборов (ст. 163-3 КУоАП);
- нарушение порядка удержания и перечисления налога на доходы физических лиц и представления сведений о выплаченных доходах (ст. 163-4 КУоАП);
- нарушение порядка представления декларации о доходах и ведения учета доходов и расходов (ст. 164-1 КУоАП);
- хранение или транспортировка алкогольных напитков либо табачных изделий, на которых нет марок акцизного сбора установленного образца (ст. 164-5 КУоАП);
- нарушение законодательства в сфере общеобязательного государственного пенсионного страхования (ст. 165-1 КУоАП).

Согласно КУоАП, за совершение нарушений налогового законодательства могут применяться такие виды административных взысканий, как:

- 1) предупреждение;
- 2) штраф;
- 3) конфискация.

Административный штраф, как один из видов взысканий за нарушение налогового законодательства, применяется чаще всего уполномоченными на то органами и должностными лицами.

Согласно ч. 1 ст. 14 УК ДНР «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Это определение включает в себя совокупность признаков, обязательных для любого преступления. Общепринятым в научном сообществе является мнение, что существует шесть признаков преступления:

- 1) противоправность,
- 2) общественная опасность,
- 3) виновность,
- 4) наказуемость,
- 5) совершение субъектом преступления,
- 6) преступлением является деяние (действие или бездействие).

В соответствии с Уголовным кодексом Донецкой Народной Республики налоговые преступления относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности, и регулируются нормами статей 220, 221, 222, 223 УК ДНР [1].

В общей структуре налоговых правонарушений преобладает уклонение от уплаты налогов организациями. При этом уклонение от уплаты налогов с физических лиц и невыполнение обязанностей налогового агента встречаются реже. Внимание, уделяемое уклонению от уплаты налогов, связано не только с их масштабами, но и тесной связью с преступлениями в экономической сфере. Следует отметить, что ущерб от налоговых преступлений сегодня превышает ущерб, нанесенный всеми другими [6].

Уголовная ответственность согласно УК ДНР наступает при совершении следующих нарушений:

1) Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица путем непредставления налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию или другие документы заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере (ст.220 УК ДНР).

2) Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации путем непредставления налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию или другие документы заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере (ст.221 УК ДНР).

3) Неисполнение в личных интересах обязанностей налогового агента по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов, подлежащих в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики о налогах и сборах исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд), совершенное в крупном размере (ст.222 УК ДНР).

4) Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых в порядке, предусмотренном законодательством Донецкой Народной Республики о налогах и сборах, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и (или) сборам, совершенное собственником или руководителем организации либо иным лицом, выполняющим управленческие функции в этой организации, или индивидуальным предпринимателем в крупном размере (ст.223 УК ДНР).

Под видовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности понимают какое-либо конкретное направление, отрасль экономической деятельности, общественным отношениям в сфере которой причиняется вред или создается реальная угроза причинения вреда данной области экономической деятельности. Б.В. Волженкин определяет видовой объект налоговых преступлений как установленный порядок уплаты налогов и страховых взносов в государственные внебюджетные фонды [5].

Объективная сторона выражена в виде действий, которые направлены на уклонение от уплаты налогов и сборов в крупном размере.

В юридической литературе существуют различные подходы к определению критериев классификации способов уклонения от уплаты налогов и (или) сборов. В частности, распространенным является мнение, что наиболее обоснованным является деление преступных способов по виду налога, от уплаты которого осуществляется уклонения, а именно: способы уклонения от всех видов налогов (несвоевременное представление налоговых деклараций и расчетов; умышленное отражение операций позже отчетного периода; декларирование одного вида деятельности с параллельным занятием другим; представление в налоговую администрацию сведений о временном прекращении или неведении хозяйственной деятельности и др.). Также выделяются специальные способы уклонения от отдельных видов налогов (к примеру, завышение расходов на себестоимость реализации товаров, работ, услуг; невключение к объему налогооблагаемой прибыли средств, полученных от проведения внереализационных операций (кредит), фальсификация данных (документов) о выполнении научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских работ, проектно-исследовательских работ; акцизный сбор – продажа алкогольных и табачных изделий без марок акцизного сбора и др.) [8].

В ст. 220 и 221 УК ДНР отсутствуют какие-либо указания насчет субъекта данного преступления, однако следует иметь в виду, что субъект данного преступления – специальный. Им может быть не только физическое лицо, в т.ч. индивидуальный предприниматель, имеющее статус плательщика налогов, но также и должностное лицо организации – плательщика налогов, которое обязано организовать и вести бухгалтерский и налоговый учет, уплачивать налоги от ее имени, представлять в налоговые органы достоверную информацию о налоговой базе и иных, имеющих значение для налогообложения, обстоятельствах посредством налоговой декларации

(расчета). Отнесение того или иного лица к числу должностных лиц следует производить с учетом положений ст. 18 УК ДНР [1].

Субъективная сторона уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица и организации совершается только с прямым умыслом, более того, не учитывая размеры уклонения, данный признак является одним из ключевых, при разграничении налогового преступления от правонарушения.

Предоставляя уголовно-правовую характеристику любого совершенного преступления, следует рассматривать не только признаки состава преступления, которые являются обязательными, но и факультативные признаки, имевшие место при совершении определенного общественно опасного деяния. В частности, в рамках объекта преступления рассматривать его предмет, в рамках объективной стороны преступления – способ его совершения, в рамках субъекта преступления – лицо преступника, а в рамках субъективной стороны – мотив и цель.

Таким образом, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов является достаточно динамичным преступлением. Даже объект преступного посягательства не является постоянным и изменяется в зависимости от того, каким образом государство строит свою политику в налоговой сфере. Способы совершения этого преступления разнообразны, и на данный момент, несмотря на большое количество предложенных учеными классификаций, ни одна из них не может в полной мере охватить все те способы, с помощью которых преступники осуществляют уклонение от уплаты налогов, сборов (обязательных платежей). В связи с этим законодатель в формулировке диспозиции рассматриваемых норм Уголовного Кодекса ДНР решил избежать перечисления способов уклонения от уплаты налогов, сборов (обязательных платежей), предоставляя таким образом органам досудебного расследования возможность отвечать тем вызовам, которые преступники ставят перед государством, выявлять новые способы уклонения и предупреждать преступные посягательства.

Выводы. Подводя итог, можно сказать, что одним из необходимых условий финансового развития государства является соблюдение налогового законодательства. Решение проблем, связанных с административной и уголовной ответственностью за правонарушения в сфере налогообложения, будет способствовать более четкому соблюдению законов всеми участниками налоговых правоотношений и своевременному поступлению средств в бюджеты и государственные целевые фонды.

Криминологическая обстановка, сложившаяся в ДНР в сфере предупреждения налоговых преступлений, характеризуется с одной стороны существующим сложным социально-экономическим и военным положением, с другой – растущим уровнем преступности в этой сфере. В целом, в экономическом плане криминогенная обстановка в ДНР связана как с недостаточным развитием в большинстве экономических сфер, так и в социальном направлении, где нарастает определенная напряженность, с низким

уровнем налоговой дисциплины. Уклонение от уплаты налогов становится массовым явлением и носит все более изощренный, замаскированный и организованный характер. Происходит дальнейшее сращивание экономической и общеуголовной организованной преступности, при этом уклонение от уплаты налогов стало одним из основных источников получения незаконных доходов с последующим их «отмыванием» путем вкладывания в коммерческие структуры. В целом, дальнейшее развитие указанных тенденций может представлять реальную угрозу положительному развитию Донецкой Народной Республики.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: утвержден постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014 г. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-parodnoj-respubliki/> (дата обращения: 20.10.2021).
2. Кодекс України про адміністративні правопорушення [Текст электронный]: постановление Верховного Совета Украинской ССР № 8074-X от 07 декабря 1984 г. – URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KD0005.html (дата обращения: 20.10.2021).
3. О временном порядке применения на территории Донецкой Народной Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях [Текст электронный]: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики №2-22 от 27.02.2015 г. – URL: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-2-22-20150227/> (дата обращения: 20.10.2021).
4. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности / Н. В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Норма, 2016. – 382 с.
5. Волженкин Б. В. Экономические преступления: учебник / Б. В. Волженкин. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2012. – 178 с.
6. Официальный сайт Верховного суда ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.supcourt-dpr.su/obgi> (дата обращения: 20.10.2021).
7. Попонова Н. А. Об особенностях выявления налоговых правонарушений с использованием фиктивных сделок и операций / Н. А. Попонова // Роль бухгалтерского учета, контроля и аудита в обеспечении экономической безопасности России: Сб. научных трудов. Вып. 7. – Москва: Научный консультант, 2018. – С. 118–125.
8. Солярик М. А. Налоговые аспекты экономической безопасности в Российской Федерации / Е. Б. Шувалова, М. А. Солярик, Д. С. Захарова // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2016. – № 3. – С. 51-54.
9. Столбова А. П. Уголовная политика, направленная на обеспечение национальной безопасности и противодействие налоговым преступлениям / А. П. Столбова // Юридический факт. – 2020. – № 81. – С. 6 -11.

